

Наталья Бутырская

The illustration depicts a rainy scene in a traditional East Asian village. Two children, a boy in a red tunic and a girl in a blue tunic, stand in a stone-paved courtyard. The boy is pointing towards the rain. The background shows wooden buildings with tiled roofs and lush greenery. The overall atmosphere is serene and atmospheric.

ИДЕАЛЬНЫЙ
ДОНОР

Наталья Викторовна Бутырская

Идеальный донор

Серия «Идеальный донор», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63099198

Аннотация

«– Только не продавай свою Ки, – шептала мама, бледнея с каждым вздохом. – Все, что угодно, только не продавай...»

Я помнил ее слова, вспоминал каждый день, но продержался после ее смерти недолго, всего полгода. А что мне было делать? Кому нужен худой подросток-неумеха с никчемным талантом?

Мне осталось только одно – продать свою энергию, свою Ки. Бедняки обычно продают Ки только в качестве подработки или при разовой нужде в деньгах. Я же всего лишь пытался отсрочить голодную смерть. Если еще немного протяну, то просто не смогу выжить после продажи Ки, так как буду слишком ослаблен...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	45
Глава 5	68
Глава 6	83
Глава 7	93
Глава 8	112
Глава 9	130
Глава 10	152
Глава 11	170
Рожденный Великим	183

Наталья Бутырская

Идеальный донор

Глава 1

– Только не продавай свою Ки, – шептала мама, бледнея с каждым вздохом. – Все что угодно, только не продавай...

Я помнил ее слова, вспоминал каждый день, но продержался после ее смерти недолго, всего полгода. А что мне было делать? Кому нужен худой подросток-неумеха с никчемным талантом?

Всего семь процентов эффективности. Чуть меньше, чем нужно для поступления в школу, и чуть больше, чем нужно для признания инвалидности. Если бы я вытянул хоть на десять процентов, то получил бы школьную стипендию, на которую смог бы покупать еду. Если бы эффективность была ниже шести процентов, то мне бы полагалось пособие по инвалидности. Тоже немного, но, опять же, какие-то средства.

Семь процентов. Я до сих пор помню ужас на лице мамы, когда она услышала эту цифру. Как приговор.

– Может, это какая-то ошибка? Проверьте, пожалуйста, еще раз, – снова и снова просила мама. Я помню, как она протягивала руку, чтобы схватить проверяющего за полу мантии, но потом прижимала к груди, боясь разозлить его.

– Ошибки нет. Ваш сын бездарь на грани инвалидности. Скажите спасибо, что он хотя бы может очищать воздух перед собой.

И магический символ печати с цифрой семь вонзился мне в левое плечо. Я ненавижу семерку.

Полгода после смерти матери я пытался найти хоть какую-то работу, но стоило мне только показать плечо, как заинтересованность на лицах сменялась брезгливостью. В грузчики принимали людей с эффективностью не ниже восемнадцати процентов, иначе как они смогут увеличивать свою силу. В мусорщики – с эффективностью от тринадцати процентов для устранения неприятных запахов и очищения поверхностей от грязи. Даже нищим нужна была эффективность более десяти, без этого не получится воздействовать на жалость окружающих. Я пытался попрошайничать, но все нищие вокруг меня, словно сговорившись, усилили нажим, и на них практически посыпался медный дождь, только рядом со мной не упало ни монетки.

Мне осталось только одно – продать свою энергию, свою Ки. Я понимал, что даже если продам четверть своей Ки, максимально дозволенный объем, то полученных денег не хватит на три недели, в течение которых я буду восстанавливать ее.

Бедняки обычно продают Ки только в качестве подработки или при разовой нужде в деньгах. Я же всего лишь пытался отсрочить голодную смерть. Если еще немного протяну,

то просто не смогу выжить после продажи Ки, так как буду слишком ослаблен.

Почему мама запрещала продавать энергию? Все в городе знают, что это абсолютно безопасно и безболезненно, более того, с восемнадцати лет граждане нашей страны обязаны сдавать по десять процентов Ки ежемесячно. На эту энергию и существует само государство.

Интересно, каково быть главным советником? Я слышал, что в совет входят уникальные маги с эффективностью более семидесяти процентов. Даже представить себе не могу, каково это – уметь колдовать с такой эффективностью, ведь потери Ки у них ничтожно малы.

Иметь эффективность более пятидесяти процентов – это уже признак гения. У нас в городе такой результат был только у мэра и пары его чиновников.

Я же при магических действиях теряю девяносто три процента Ки. Кто может позволить себе такие потери? Поэтому я никогда не пробовал заемную Ки, колдовал только на своей.

– Добрый день! Вы впервые в центре сдачи Ки? – обратилась ко мне милостивая девушка в форменной белой рубашке. Рукава были короткими, и я смог увидеть на левом плече изящные цифры два и один. Довольно талантливая девушка. Она могла бы найти место и получше.

Но, оглядевшись, я заметил, что у всех сотрудниц центра цифры от двадцати до двадцати семи. Вот это у них требо-

вания к персоналу!

– Да, я... впервые, – сконфузился я. Мне стало стыдно за потрепанный вид, но девушка по-доброму улыбнулась и пригласила следовать за собой.

Мы вошли в крохотную комнатку, где еле-еле уместилась кушетка и столик с кристаллами разной величины.

– Ложитесь на кушетку и расслабьтесь, скоро к вам подойдет специалист.

Я послушно вытянулся и чуть не расплакался от давно забытого ощущения уюта. После смерти мамы я потихоньку распродал имущество, чтобы не умереть с голоду. Кровать я продал на второй месяц, домик – на четвертый, и вот уже более восьми недель я ночевал на улице, закутываясь в старую куртку и подобранные тряпки. Поэтому при мысли, что лежу на удобной кровати, мягко пружинящей под моим весом, на меня накатила такая слабость. Мама, прости меня, я не сдержал слово, но я так хочу жить.

– Так-с, кто тут у нас? Ага, семерочка, понимаю, – раздался бодрый мужской голос. – Странно, что ты к нам впервые заглянул. Ну, теперь, думаю, станешь постоянным клиентом.

Я кивнул, не открывая глаз. Не хотел, чтобы он видел мои слезы.

– Какой-то ты тощий, – продолжал мужчина. – Сколько думаешь сдавать? Восемнадцати нет, значит, это добровольная сдача, а не обязательная. Объем можешь выбрать любой, от пяти процентов до двадцати пяти. Тариф знаешь?

Я сглотнул и как можно небрежнее сказал:

– Знаю. Максимум, пожалуйста.

– Оно и верно. Что по три раза бегать? К тому же при увеличении объема и плата больше. Хотя что я рассказываю, ты ж уже не маленький. Четырнадцать, верно?

Я не выдержал и открыл глаза. Рядом с кушеткой стоял рослый черноволосый мужчина с пышными бакенбардами. Как и у девушек, на нем была рубашка с коротким рукавом. Тридцать четыре! Я еще никогда не видел человека с такой высокой эффективностью. Если бы у меня была такая печать, я бы тоже не скрывал ее.

Он оценивающе посмотрел на меня, потом перевел взгляд на кристаллы и забормотал:

– Молодой, но недоедает, рост небольшой, мускулов практически нет, наверное, третий номер подойдет, – и взял один из кристаллов. – Ну-с, семерочка, теперь расслабься и направь Ки в точку между бровей. Умеешь?

Конечно, умею. Этому учат еще с трех лет.

– Вот и умничка. Если почувствуешь слабость или пустоту в районе солнечного сплетения, сразу говори.

Я почувствовал прохладу между бровей и направил туда энергию. Возникло странное ощущение, словно кто-то вытягивал из меня воду. На мгновение я ощутил опустошение в районе живота, но сразу же пустой объем заполнился снова. Потом опять: пустота – заполнение, пустота – заполнение.

Мужчина оторвал нагревшийся кристалл и приложил но-

вый. Через минуту – сменил еще один.

Что-то было не так. Говорили же, что сдающий получает кошель денег, специалист – один светящийся кристалл. Один! Почему же у меня уже сменили три кристалла?

Мужчина неуверенно спросил:

– Парень, ты как?

Обещанной пустоты в солнечном сплетении я так и не ощутил, более того, я вообще не чувствовал никакой слабости, но решил прекратить передачу. Что-то точно было не так.

– Все, больше не могу, – выдохнул я.

– Хорошо, на сегодня достаточно, – бодро сказал мужчина, но мне послышалась фальшивинка в его голосе. Я приподнялся на локте и успел заметить, что на столе лежат четыре переполненных кристалла, причем последний, который он едва успел отдернуть, был самым крупным, размером с ладонь.

– Так, ты сдал много, – тут его голос дрогнул, – очень много энергии. За это тебе полагается сто восемь монет. У меня с собой столько нет, я, – сотрудник центра еще раз осмотрел светящиеся кристаллы, – немного не рассчитал. Вот двадцать монет, – он вытащил маленький кошелек, – подожди минуту, сейчас принесу оставшиеся.

Специалист аккуратно положил полные кристаллы в отделения на поясе и торопливо вышел из комнаты.

Я сразу же вскочил. Никакой слабости. Словно из меня не

выкачали только что объем Ки взрослого человека. Полный объем. Мама, что это?

Бежать. Мне надо бежать.

Я же... я идеальный донор. Ходили такие байки по городу – про идеального волшебника, который умеет использовать Ки на все сто процентов, и про идеального донора, который может восполнять Ки быстрее, чем отдает. Но это же только байки. Как про таинственного мастера, который может увеличивать эффективность в благодарность за хлеб и молоко.

Если про меня узнают, то запрут в темнице и будут бесконечно выкачивать энергию.

Бежать!

Я выскочил из комнаты и помчался на выход. Восемьдесят восемь монет! Мне их хватило бы практически на три месяца. Было безумно жаль, но свобода важнее.

Проскочив приемный зал, я услышал позади крики.

– Держи его! Не пропускайте пацана!

Но было уже поздно, и я выскочил на улицу.

Забравшись в бывший мне домом угол между ночлежкой папаши Чжэня и оградой завода, я попытался перевести дух. Пробежать десять кварталов, прошмыгнуть через охрану Синего района и пробраться по заковыристым улочкам Серого было не так уж легко, особенно если учесть, что я сегодня еще не ел. Да и вчера тоже.

В руке я сжимал мешочек с монетами, который дали в центре сдачи Ки. Нужно было купить еды, но я боялся даже

высунуть нос из-за досок. На вид они свалены беспорядочной кучей и закиданы полусгнившими тряпками, но на самом деле там есть одна щель, пробравшись в которую попадаешь в небольшое пустое пространство. Там можно сидеть или полулежать, поджав ноги. Я почти привык спать как собака, свернувшись клубком. Хорошо, что в последнее время я не рос, иначе бы не смог пролезть сюда.

Я тихонько рассмеялся, закрывая рот руками. Надо же, нашел что-то хорошее в своем полуголодном состоянии! Не расту.

Меня будут искать. Меня точно будут искать. Почему после первого кристалла я не притворился, что устал? Если бы я был аккуратнее, то смог бы каждый день сдавать Ки в разных центрах, раскиданных по городу. Все равно же это анонимно.

Но в глубине души я понимал, что все это отговорки. Рано или поздно меня все равно бы вычислили. Единственный вариант скрывать свою способность – это вовсе не становиться донором.

Как и говорила моя мама.

Точно. Она меня предупреждала, значит, знала о том, что я идеальный донор. Так почему же она не сказала? Почему не выкачивала из меня Ки и не использовала магию сама? Почему работала из последних сил, пока не умерла от недостатка Ки?

Она не хотела использовать так своего сына? Но к чему

это привело? К закономерному выводу: нищая семерка не может выжить в этом мире.

Меня будут искать.

Что они уже знают обо мне? Знают возраст, статус (оборванец) и печать. Много ли у нас в городе людей четырнадцати лет с семеркой на плече? Достаточно обойти Церкви печатей в Сером и Черном районах – на большее я точно не тяну – и выяснить, кто четыре года назад получил печать с цифрой семь. Имя, адрес, члены семьи – все есть в их инфокристалле.

С другой стороны, эти люди узнают мое имя, узнают наш с мамой бывший адрес, но на этом все и закончится. Дом давно продан, мама умерла, я подался на улицу.

Кто в Сером районе интересуется чужим именем, тем более именем никчемного мальчишки? Правильно, никто. Но физиономия и плечо с ненавистной цифрой уже примелькались здесь, ведь я стучался в двери всех магазинчиков, всех подпольных цехов, просился на работу и к мусорщикам, и к подземникам.

И кто-то, возможно, заметил, в какую дыру я забиваюсь на ночь.

Да ради такого, как я, могут и полноценную облаву провести, перетряхивая каждый дом и каждую помойку.

Хотя зачем облава? Есть же поисковая магия. Я тут же покрылся холодным потом.

По Ки невозможно вычислить человека. Так говорят на

улицах. Может, врут. Но в центре сдачи Ки я лежал на кушетке. Я мог оставить там пару волос, или пот впитался в покрытие. Достаточно ли этого для поиска?

В сказках о гениальном маге-поисковике Хао Шер с запредельным талантом в восемьдесят процентов упоминалось, что он мог находить преступников даже по отпечаткам зубов на печенье. Мельчайших остатков слюны ему было достаточно для формирования заклинания поиска. Но на то они и сказки, чтобы все преувеличивать.

А если сбежать? Сбежать из города?

Я совсем не представлял себе жизни вне города. Конечно, я читал и слышал о бескрайних лесах, полях, реках и озерах, но как там можно выжить? Как ориентироваться? Как добывать еду? Тут, за магически укрепленными стенами, в лабиринте узеньких улочек Серого района я хотя бы мог как-то существовать. Знал, где укрыться, где купить продукты подешевле и как зажарить кусок свиной кожи с ошметками сала так, чтобы не выдать себя ни дымом, ни запахом.

За стеной же, по слухам, бродят бесчисленные свирепые звери, и некоторые из них даже обладают собственной магией. Кто из детей не слышал сказки об огненной пустельге или о земляном черве?

Между городами могут перемещаться только крупные караваны с сильной охраной, в том числе и из магов с талантом от тридцати процентов, да счастливые обладатели прирученных летающих зверей. В нашем городе таких всего два:

у мэра и у магминистра.

Пару раз я мельком видел огромного пушистого дракона, увозящего мэра в столицу. Зверя же магминистра не видел никто, только ходили слухи, что это серебрянокрылый нетопырь, а раз нетопырь, значит, ночное животное. Поэтому магминистр улетает и возвращается только по ночам.

Как же за пределами города сможет выжить мальчишка с семеркой? Стоило мне только представить пространство, не ограниченное стенами, домами, заборами; равнину, уходящую за горизонт, как меня начало тошнить и потрясывать от ужаса. Я еще сильнее вжался спиной в доски, пытаюсь выкинуть эту картину из головы. Лучше уж в доноры!

А может, действительно, пойти и сдатьсь? Что я теряю? Меня будут кормить, поить, нормально одевать. Я буду жить в теплой комнате, обо мне будут заботиться. Я буду постоянно сдавать Ки – ну и что? Нормальный вариант работы.

Свобода? А зачем мне такая свобода? Из-за свободы у меня сводит от голода живот. Из-за свободы я сейчас сижу под грудой мусора.

Я ведь смогу поторговаться, выпросить прогулки или обучение. Хотя кто будет слушать ходячий бесконечный источник Ки?

Что мне делать? Что делать? Я сидел в темноте и плакал. Мама, я не виноват, что нарушил твое слово, я не хотел умирать с голоду. А сейчас мое отвратительное положение стало еще хуже. Всего за один день.

Если бы я не был бесполезной семеркой... Если бы было хотя бы десять... Всего лишь три процента разницы.

И тут меня осенило. Да, эффективность всего лишь семь процентов, но ведь и энергии во мне хоть отбавляй. Даже если я буду выбрасывать огромное количество Ки на ветер, то все равно смогу использовать магию бесконечно!

Я развел руки и попытался зачерпнуть больше энергии для превращения камня в кусок хлеба. На это действие требуется около десяти единиц магической энергии. Сколько Ки потребуется с учетом моей эффективности?

Пустое Дно! Я не мог посчитать, сколько единиц Ки мне нужно. Мама учила меня читать, писать, считать, но эти расчеты с процентами мне всегда плохо давались. Как же мне не хватало школьного образования!

Глава 2

Небольшой кабинет, на первый взгляд оформленный в деревенском стиле: деревянная обшивка стен, бревенчатый потолок, грубоватая люстра из железных прутьев, самотканый коврик на полу, книжные шкафы из толстенных досок. Многоуважаемый мэр Хи Донг внешне соответствовал окружающей обстановке. Это был массивный, даже грузный мужчина с крупными резкими чертами лица, зычным голосом и размашистыми жестами. Словно тупой работяга из деревни с десяткой на плече.

Изящный, тонкокожий, словно выточенный из цельной слоновой кости магминистр Мин Чинь рядом с мэром казался легкой тростиночкой перед бушующим ураганом, но именно Мин Чинь говорил последнее слово во всем, что касалось магии.

Магминистр знал, сколько Ки вложено в покупку и оформление этого простенького кабинета, ведь обшивка на стенах была не из сорных деревьев, а из дорогого баньяна, его аромат стимулировал мыслительную деятельность, а при длительном воздействии мог даже повысить эффективность использования магии. У Мин Чиня из этого дерева была сделана кровать, что уже считалось непозволительной роскошью, ведь даже зажиточные торговцы могли позволить себе только небольшие амулеты из баньяна, которые носили на

шее. По мнению магминистра, обшивать драгоценной древесиной кабинет было чересчур вызывающе.

Люстра была сделана руками гениального Ими Яна. Его талант проявился не так давно, всего три года назад, но он сразу приобрел огромную известность по всей стране. При невысоком таланте в двадцать четыре процента он своими руками создавал уникальные магические вещи: как правило, элементы декора, украшения и светильники. Например, эта люстра, при всей неказистости и даже топорности, могла транслировать какое-либо настроение посетителю мэра. Хи Донг с ее помощью мог внушить страх, доверие, родственные чувства вошедшему в кабинет и не стеснялся этим пользоваться.

Мин Чинь мог блокировать ее воздействие, но кому-то с талантом ниже сорока процентов было бы сложно это сделать.

Сейчас, кроме магминистра и мэра, в кабинете находился еще один человек, мелкий работник из центра сдачи Ки в Синем районе. Хи Донг уже вовсю использовал магию люстры и явно пытался запугать его.

– С чего ты вообще взял, что он идеальный донор? – сурово прогремел Хи Донг, успев подмигнуть вошедшему магистру.

– Господин мэр, я не уверен полностью, – лепетал мужчина с пышными бакенбардами, – но я уже не первый год принимаю Ки от граждан, и ни разу в моей практике не было

такого, чтобы кто-то сумел сдать за один раз более ста единиц энергии.

– А сколько сдал тот человек? – мягко вмешался Мин Чинь. Его голос прозвучал тихо и спокойно, но мужчина затрясся еще сильнее.

– Сто десять единиц, господин магический министр. Он даже не побледнел и ушел на своих ногах.

– Может быть, это был боевой практик с аномально высокой Ки? – продолжал допрос магминистр.

– Не думаю, господин магический министр. Он выглядел как тощий четырнадцатилетний мальчишка из Серого района, руки тонкие, глаза голодные, одежда истрепанная.

– А почему ты так уверен, что он из Серого района?

– Потому... – мужчина сглотнул, ведь официально жители всех районов были равны и могли пользоваться благами цивилизации одинаково, но по факту районы города разительно отличались. Все об этом знали, но молчали. – Потому что в Черном районе он бы не выжил и трех дней.

– Логично, – сказал Мин Чинь. – Значит, тощий голодный мальчишка пришел в первый раз сдавать Ки и сдал полный объем энергии взрослого человека. Вы поняли, что он, возможно, – магминистр подчеркнул последнее слово, – и есть легендарный идеальный донор, но при этом бездарно его упустили. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Видимо, мэр усилил внушение страха через люстру так, что побледневший мужчина упал на колени и запричитал:

– Мне нет прощения, господин магический министр. Я растерялся. К тому же я пообещал ему принести еще восемьдесят с лишним монет и не ожидал, что этот голодный мальчишка сбежит без них.

– Но почему ты не связал ему ноги «путанкой»? У тебя в руках была Ки на сто десять единиц!

– Да простит меня господин магический министр, но я не владею таким заклинанием. У меня медицинское образование...

– Тогда «легким сном». В медицинской академии вы должны были изучать его на первом курсе, – спокойно отметил Мин Чинь, у которого за спиной было несколько высших образований.

– Да, господин магический министр, я был так глуп, что не вспомнил про «легкий сон».

Магминистр чуть двинул плечами, показывая, что не ожидал ничего иного от этого бездаря.

– Мальчик что-нибудь оставил после себя? Какую-то вещь, волосы, может, что-то выпало из его карманов?

– Я лично обыскал всю комнату, господин магический министр, но увы...

– Какие-нибудь приметы? Шрамы, родинки, уродства? – монотонно продолжал магминистр.

– Нет, но господин магический министр сможет легко найти того мальчишку. Его талант равен семи.

Мэр, до этого момента молчавший в углу, удивленно пе-

респросил:

– Семи?

Бровь магминистра слегка дернулась от неожиданности.

– Да, я своими глазами видел печать у него на плече, господин мэр.

– Мин Чинь, в нашем городе есть и такие ничтожные таланты? – обратился к магминистру Хи Донг.

Министр медленно переплел пальцы рук на уровне груди и начал вспоминать полузабытые университетские лекции:

– Считается, что каждый человек рождается с талантом – хотя бы минимальным, но обязательно отличным от нуля. На самом деле, это не так. Воздух и Ки-сфера нашей планеты в далеком прошлом были сильно загрязнены. Настолько, что люди без магического таланта быстро заболели и умирали. Человечество находилось на грани уничтожения.

Детей тогда рождалось совсем мало, ресурсов не хватало. Но в тех редких случаях, когда ребенок появлялся на свет живым и без видимых патологий, он мог спокойно переносить воздействие ядовитой атмосферы и переполненной болью Ки-сферы. При изучении этого явления выяснилось, что дети бессознательно формируют незримые дыхательные фильтры в своем теле, а также защитный барьер от Ки-угроз. Дети, рожденные без магического таланта, умирают в первые же дни. Младенцы с низким талантом живут немного дольше, но так как для поддержания фильтра им необходимо постоянно расходовать свою Ки, а принимать энергию извне

они еще не могут, в течение недели-двух они также погибают.

С тех пор воздух на планете немного очистился, и магозатраты на поддержание фильтра снизились. В настоящее время минимальный талант для выживания равен шести. Именно поэтому озвучено, что пособие по инвалидности выплачивается при таланте от шести и ниже. Такие просто не выживают.

Этот мальчик... По идее, с таким талантом он должен был постоянно балансировать на грани смерти. Небольшой перерасход Ки, даже для минимального ускорения или подогрева воды, – и он уже не смог бы восстановить свою жизненную энергию.

Если бы такой ребенок родился в богатой семье, то при постоянной подпитке закупаемыми кристаллами он смог бы дожить лет до тридцати-сорока. Но семерка из Серого района? – продолжал рассуждать вслух магминистр. – Он же не мог всегда сознательно ограничивать себя в магии. Значит, выжить он мог только в том случае, если развил у себя способность генерировать Ки, неважно, случайно или осознанно. Интересно...

– Получается, что дети с талантом в районе семи-восьми процентов могут быть идеальными донорами, даже не зная этого? – воскликнул Хи Донг, сразу ухватив мысль Мин Чиня.

– Верно! По меньшей мере, у них может быть ускоренная

регенерация Ки, хоть и не в масштабах нашего маленького друга.

– Мин Чинь, у вас еще остались вопросы к этому человеку? – спросил мэр.

Магминистр взглянул на коленопреклоненного мужчину, словно только что вспомнил о его существовании.

– Нет, думаю, он сказал все, что смог.

– Тогда ты нам больше не нужен, – мэр, коснувшись левой рукой кристалла, находящегося на поясе, легонько прищелкнул пальцами правой. Работник центра сдачи Ки смялся в комок, который вытянулся в тонкую полоску ткани и аккуратно вплеся в самотканый коврик на полу кабинета.

Мин Чинь поморщился:

– Достаточно было стереть ему память.

– Я в медицинских университетах не учился. Предпочитаю силовые заклинания, – хохотнул Хи Донг. – Еще немного, и коврик будет доплетен от стены до стены.

– Но они такие затратные, – магминистр укорительно показал на потухший кристалл.

– Кстати, Мин Чинь, сколько Ки в день можно будет вытягивать из этого мальчишки?

– Хмм, – министр потер подбородок. – За пару минут этот неумеха смог собрать с семерки сто десять единиц Ки. Даже если для удобства мы округлим до ста, часовой объем будет равен трем тысячам единиц, в сутки – семьдесят две тысячи единиц. Но донору нужно будет спать, есть и двигаться,

поэтому я бы предположил цифру в сорок-сорок пять тысяч единиц. В масштабах города цифра небольшая...

– Но для меня и тебя вполне приличная прибавка, – рассмеялся мэр.

* * *

Я устало оперся затылком о стену и закрыл глаза. Это невозможно. Я обычный бездарь, которому небеса подарили бесценный дар, но я даже не мог им воспользоваться.

Снова и снова я зачерпывал свою Ки, чтобы сотворить хлеб, но она уходила из моих рук, как вода через решето. Словно я пытался зачерпнуть ее ведром из узенького колодца, куда едва влезает кружка.

Если бы у меня был пустой кристалл, тогда я смог бы вкачать Ки в него и разом забрать весь объем, а вот напрямую схватить больше десяти единиц у меня не получалось.

Десять единиц Ки с семипроцентной эффективностью... Какие заклинания у меня вообще могут получиться? Может, мне и вправду лучше сдаться и всю жизнь заряжать кристаллы? По крайней мере, у моей жизни будет хоть какой-то смысл.

Сначала сидел на шее матери – из-за меня она работала в два раза больше, истощая свою Ки, пока не дошла до предела, когда энергия уже не успевала вырабатываться с той скоростью, с какой она ее тратила. Плюс постоянное полуго-

лодное состояние, недосып, переживания из-за меня. А я... я просто жил, ел, играл и читал записанные ее рукой сказки.

Когда она меня родила, думала, наверное, что у нее вырастет послушный сын, который будет учиться в школе, помогать ей, когда она состарится. Возможно, она мечтала, что мой талант будет выше двадцати, и я смогу найти хорошую работу – не мусорщиком или подземщиком, а подмастерьем или приказчиком.

Моя семерка стала проклятьем и для нее тоже. Родиться с таким талантом – все равно что родиться идиотом, пускающим слюни, или даже хуже. Я таких видел. Им подают милостыню и без таланта, ведь у них его вообще не проверяют. Мама, наверное, сразу поняла, что вынуждена будет кормить меня до конца своей жизни, но не выбросила, не отказалась, не сдалась. А вот я уже сдался. Полгода нищенского существования быстро показали мое место.

Если бы я просидел в своей норе еще час, то сам пошел бы сдаваться властям, настолько безвыходным казалось положение. Но неожиданно я услышал голоса неподалеку.

Тоненький подхалимский голосочек прозвенел:

– Да тут он живет, за ночлежкой старика Чжэня. Сейчас сами увидите.

Грубый мужской голос что-то невнятно пробурчал, и снова детский голос:

– Давно уже. Только я считать не умею.

Бежать! Я выполз из шалаша и вытащил одну из досок.

Пути отхода были продуманы с момента заселения в этот угол, ведь я не знал, каково будет выживать на улице. Мне все время казалось, что как только я лишусь дома, все злодеи и бандиты Серого района захотят надо мной поизмываться. Что только не представлялось теми длинными бессонными ночами: и кровожадные маньяки, с диким хохотом потрошащие мою тушку, и толстяки со слащавыми улыбками, мечтающие о молоденьких мальчишках, и коварные черные торговцы Ки, высасывающие энергию досуха. Реальность оказалась более жестокой: до меня просто никому не было дела.

Но к тому времени, когда я это осознал, способ выбраться из темного закутка уже был придуман и опробован.

Доску я прислонил под углом к забору и осторожно поднялся по ней на верхушку. Потом, балансируя на заборе, поднял доску наверх и, уперев край, накинул второй конец на крышу ночлежки Чжання.

Вскарабкавшись на крышу, я поднял за собой доску и бросил там. Хотелось бы посмотреть на человека, что искал меня, но я не стал рисковать и, улегшись на живот, медленно пополз на другую сторону дома.

Я спокойно прошел несколько кварталов и лишь устроившись в тени мясной лавки, где потеснил десяток облезлых шавок, вечно клянчащих обрезки, осознал, что лишился последнего угла.

Первым делом мне нужно спрятать семерку.

Я привык ходить с открытым левым плечом. В нашем рай-

оне это признак того, что ты ищешь работу, либо способ похвастаться высоким уровнем таланта. Мне хвастать было нечем, но я все еще не терял надежды найти хоть какую-то работенку, поэтому давно оторвал и выбросил левый рукав. Я могу замотать плечо тряпками, но это будет выглядеть подозрительно, а другой одежды с двумя рукавами у меня не было. Может, замазать грязью? Расцарапать плечо и сказать, что покусали собаки?

– Эй, семерка, тебя что ли ищут по всему району?

Я резко вскинул голову. Надо же, так задумался о своей проблеме, что проворонил преследователей. Хотя эти люди не были похожи на стражников. Окликнувшему меня пацану на вид было лет двенадцать, он был тощим и белесым, даже волосы – цвета выгоревшей на солнце соломы, но в отличие от меня на нем были щеголеватого вида штаны, подвернутые до середины икры, и свободная красная рубашка, отливающая на свету. Рядом с ним стоял крупный мужчина в толстом стеганом халате, замызганном до такой степени, что его цвет уже было не разобрать, а на левом плече напротив печати была прорезана дыра, и через нее виднелись две цифры – один и пять. Мужчина безразлично смотрел на стену стоящего рядом дома.

Пацан дернул плечом и повторил:

– Ну, тебя или нет?

Я неуверенно кивнул. Отрицать глупо, других уличных мальчишек с семеркой я ни разу не видел. Я слышал, что

иногда появлялись люди вообще без печати, но это были приезжие из других городов, и они обязательно должны были пройти проверку и поставить временную, на пару месяцев, печать с уровнем таланта.

– У тебя деньги есть? – нагло спросил пацан.

– Двадцать монет, – тихо ответил я, а сам тем временем незаметно ощупывал землю позади в надежде отыскать камень или палку. Если бы он был один, я бы смог отбиться или убежать, но мужчина с равнодушным взглядом пугал меня до мокрых штанов.

– Маловато, – протянул белобрысый. – Еще что есть?

Он заметил мои сомнения и широко улыбнулся:

– Да ты не трусь. В Сером своих не грабим. Есть возможность скрыть твою семерку, вот я и прикидываю, чем ты сможешь расплатиться.

– Я... я отдам Ки.

– Много? – деловито спросил мальчишка, сразу посерьезнев.

– Максимум. Двадцать пять процентов. Но только не в центре сдачи, – быстро сказал я. Неужели у меня есть шанс?

Мальчишка сделал пару шагов в мою сторону, наклонил голову и тихо сказал:

– Есть у меня знакомый, который делает классные татуировки. Хочешь, голую бабу наколет так, что сиськи аж пощупать хочется. Прикинь, на спине мужика – женские сиськи. А моему другу он волка на плече набил – так собаки при

виде этой татухи ссаться начинают. Он может набить тебе рядом с твоей семерочкой еще одну цифру. И будет у тебя талант не семь, а семнадцать. Или двадцать семь. А хочешь, так и семьдесят девять сделает, – пацан рассмеялся. – Магическую проверку татуха не пройдет, сам понимаешь, такая работа стоила бы в тысячу раз дороже, но стражники редко проверяют ее магией.

Я понимал – город выделяет так мало магкристаллов для обычных служащих, а кому охота тратить свою Ки на проверку печати?

– И еще: за такую татуху сразу кидают в тюрьму, а то и выжимают Ки досуха. Особенно мастера. Но если хочешь, я проведу тебя к своему знакомому. Что думаешь? Согласен? И решай прямо сейчас, а то скоро стражники возьмутся за тебя всерьез, и тогда я уже не смогу тебя провести.

Я понимал. Пустое Дно, я все понимал. Прямо сейчас меня толкают на преступление, причем на государственное преступление – подделку магической печати. Еще не поздно отступить и сдаться. Но я не хотел. Хочу быть свободным каждую возможную минуту. Хочу самостоятельно выбирать дорогу, пусть это выбор всего лишь из двух вариантов. Если пацан не врет, у меня появился небольшой шанс проскочить через облаву и скрыться.

Глава 3

Я согласился. Отдал мальчишке последние деньги – все двадцать монет. Если он меня обманет, то я со спокойной душой могу пойти и сдать властям, так как у меня уже не будет возможности и дальше тешить себя надеждой на выживание.

Мальчишка небрежно взвесил кошель в руке и сказал:

– Кстати, можешь называть меня Старший Брат. Я тебя буду звать Семеркой.

Старший Брат? Этот пацан явно издевался надо мной, ведь я его старше на пару лет. И он пока не заслужил столь уважительного обращения, но я проглотил это оскорбление и кивнул.

– Не обижайся, – примирительно бросил белобрысый, довольный моим смирением. – Ты меня старше, но на улицах ты всего лишь новичок. Удивительно, что ты вообще еще жив. Так что для тебя я буду Старшим Братом, и как старший брат я преподам тебе несколько уроков по выживанию. Первый урок – пока я тебя веду, ты должен слушаться меня беспрекословно. Скажу тебе ложиться – ты падаешь, и неважно, в грязь, коровью лепешку или собачью блевотину. Понял?

Я снова кивнул. Не хотел ничего говорить, так как боялся, что взорвусь и скажу что-то глупое. Если он обидится и бросит меня, оставив без денег и без шанса ускользнуть от

стражников... Лучше еще немного потерпеть.

Старший Брат улыбнулся, кивнул мужику в халате и сказал:

– Семерка, теперь молчи и следуй за мной.

Я встал и пошел за мальчишкой, но когда я проходил мимо мужика в халате, тот резко схватил меня за левое плечо, всю руку пронзило острой болью – мне показалось, словно тысяча ножей вонзилось в кожу, раздирая мышцы и царапая кость. Я прикусил язык от боли и с трудом смог сдержать крик, сдавив его в тоненький скулеж. Пацан даже не оглянулся и лишь прибавил ходу.

Я поспешил за ним, прижимая искалеченную руку второй рукой. Быстрый взгляд на плечо показал, что там все выглядело именно так, как я и чувствовал – лохмотья кожи, неровные куски мяса, сквозь которые что-то белело. Меня замутило на мгновение, но уже через несколько шагов боль утихла и исчезла, словно ничего не было.

Снова взглянул на плечо – раны не исчезли. Иллюзия? Странно. Хотя это не самый затратный вид магии, но для столь правдоподобной обманки требуется изрядное мастерство. У того мужика талант равен всего лишь пятнадцати. Для меня такой уровень является вершиной мечтаний, но по сути это низкопробная эффективность. Сколько же Ки потратила на меня эта парочка? Двадцать монет и двадцать пять единиц моей энергии не смогут покрыть даже этой небольшой иллюзии. А ведь они еще обещали сделать тату-

ировку, маскирующую печать.

Подозрения вспыхнули с новой силой. А если они уже знают о том, что я донор? Тогда они торговались только для того, чтобы я ничего не заподозрил, а сейчас ведут в подпольный центр сдачи Ки, где засунут в камеру, только не такую комфортабельную, и будут спокойно выкачивать из меня энергию. А обманка нужна, чтобы меня не спалили по дороге, к тому же проще, чтобы я шел с ними по доброй воле. Правильно ли я поступил, что доверился этой парочке?

Только из-за слов мальчишки, что в Сером районе они своих не сдают, я смог приглушить сомнения, но за эти полгода я ни разу не видел никакой поддержки со стороны уличных банд. Напротив, из-за них торговцы выкупали у меня мебель и домашнюю утварь за бесценок, а за домик я едва смог выторговать четверть цены, ведь все знали, какая у меня безвыходная ситуация. Покупатель спокойно мог подождать и неделю, и месяц, а я к тому моменту уже три дня как голодал. Если бы продажа дома отложилась, то сдох бы прямо в пустых комнатах.

Старший Брат ускорился и побежал по улице, огибая случайных прохожих, я бежал за ним и старался не думать о том, куда же все это меня заведет. Через пару минут бега я уже задыхался и едва переставлял ноги. Слишком давно я не ел.

В очередной раз свернув за угол, я увидел впереди границу Серого района. Что же мы будем делать дальше, ведь там строгая охрана и обязательная проверка печатей?

В нашем городе выделяют семь районов. В центре – Белый район, именно там проживают крупные чиновники и маги, там находятся административные здания, замок мэра и башня магминистра. Я там ни разу не был, но слышал рассказы про белоснежные красивые здания с прозрачными окнами, про белые дороги, которые каждую ночь вымывают специально вызываемые тучки, про диковинных зверей, на которых разъезжают чиновники. Там девушки ходят в платьях до пят и не боятся запачкать подолы из дорогих тканей, но их утонченные лица всегда закрыты тончайшей вуалью, и только глаза сверкают из-за нее.

Вокруг Белого района змеей обвился Красный район – район чиновников помельче, богатых торговцев, ювелиров и мастеров магических ремесел. Его еще называют Районом торговли. Вдоль широченных улиц, выложенных красным камнем, стоят трехэтажные здания с огромными окнами во всю стену, а за прозрачным как родниковая вода стеклом лежат богатейшие и редчайшие товары: от заряженных маг-кристаллов на тысячу единиц до детенышей магических животных. Конечно, в этом районе я тоже не был, зато знал человека, который знал человека, который там был.

На севере от Белого района раскинулся самый большой район – Зеленый. Там располагаются земледельческие и скотоводческие фермы. Я слышал, что на одну семью работников приходится сотни акров территорий. Там выращивают зерно, овощи, животных на мясо и шерсть. Я слышал,

что там никто никогда не голодает, каждый день можно есть мясо и хлеб и постоянно требуются работники, но далеко не любой может переселиться туда. Во-первых, почти все территории давно поделены между крупнейшими семьями, причем молодое поколение уже живет не в Зеленом, а как минимум в Красном районе, поэтому новичка возьмут только работником, а не владельцем фермы. Во-вторых, минимальный талант для работника – двадцать, так как для выращивания растений требуется постоянная подпитка при помощи магических заклинаний: на плодovitость, против насекомых и сорняков, против болезней и прочего. В-третьих, полная семья: работников переселяют сразу с семьями; говорят, берут только тех, у кого не меньше шести детей.

На востоке лежит самый шумный район – Железный, ремесленный. В нем трудятся целые кланы, из года в год шлифуя мастерство и качество изделий. Мама мечтала, что меня когда-нибудь примут в один из кланов подмастерьем. Это изначально было маловероятно, ведь крупные кланы не берут никого со стороны даже на место дворника, так боятся упустить семейные секреты. А в мелких кланах нет нужды в работниках: они берут небольшие заказы на отдельные работы от крупных кланов и всей семьей выполняют их.

Например, самый крупный клан кузнецов по фамилии Ян принимает заказ от Зеленого района на сотню уздечек под мегадона. Он раскидывает отдельные виды работ на другие кланы: кожаные детали – клану кожевенников, декоративные

детали – ювелирам, крупные металлические детали делает сам или отдает своему подклану, а в итоге только собирает готовые изделия, тестирует их и передает заказчикам. Мелкие кланы не могут получить и выполнить такую работу, так как за отдаваемые на стороны работы клан Ян расплачивается сразу, а свою оплату получает только после сдачи заказа. Мало у кого найдутся такие суммы авансом.

Но если бы у меня обнаружили особые качества или умения, то тогда за меня могли бы даже поторговаться. Я слышал легенду о пареньке из Синего района, который умел слышать камень. Слегка постучав по каменной стене, он мог сказать, где в ее толще трещины, какие в ней породы и насколько они крепки. Сначала его забрали к себе воры-домушники для поиска тайных проходов в дома богатеев, но однажды его шайку поймали прямо на месте преступления. Мальчишку не отправили на выкачку Ки, а продали в клан землекопов, и там он за несколько лет вырос из раба до основного наследника клана. За него выдали дочь главы клана и разрешили взять еще несколько наложниц – в надежде, что его дети смогут унаследовать талант отца.

Не знаю, насколько эта история правдива, но в детстве я мечтал, что у меня найдется какой-нибудь редкий дар, и я смогу переехать в Железный район и перевезти маму. Я был уверен, что там она смогла бы найти мужа и жить счастливо, не беспокоясь о еде и деньгах.

Единственный район, где я был помимо Серого, – это за-

падный Синий. Тут располагались учебные заведения для жителей со средним и низким уровнем дохода, и школы были бесплатными, так как город всегда нуждался в людях с талантом. Тут были и университеты, и больницы, и церкви. В Белом, Красном и Железном районах такие заведения не требовались, так как у каждой семьи были свои личные учителя и врачи, а вот дети из Зеленого, Синего и Серого районов учились именно здесь, поэтому проход в Синий район практически не охранялся и был свободным для всех. Здесь также располагались городские центры сдачи Ки.

В Сером районе жили люди с низким талантом, не имеющие поддержки клана и особых навыков. Работали они прислугой, уборщиками, грузчиками, подземниками... Тут были и свои торговцы, лавки, ремесленники, но местного пошиба. Мама как-то обмолвилась, что родилась и выросла в Синем квартале, но потом забеременела, и семья выгнала ее из дома, дав ей денег на первое время. На эти средства она купила домик в Сером районе и протянула до моего второго дня рождения, а потом пошла работать.

Южнее Серого района был Черный район. Про него я слышал сотни страшных историй. Говорят, там нет никакой возможности зарабатывать, люди питаются человечиной, носят одежду из человеческой кожи, даже собаки боятся туда входить, ведь их сразу убивают и съедают. Туда сбегают преступники, уходят отчаявшиеся, выкидываются нищие и умирающие. Заботливые мамочки пугают непослушных детей,

что если те не будут слушаться и хорошо учиться, то попадут в Черный район. Люди из Черного района не сдают налог в Ки, ведь никто не осмеливается войти туда и попытаться собрать энергию.

И Старший Брат привел меня к границе с Черным районом. Он сумасшедший? Именно на этой границе стоит минимум десять стражников с поддержкой мага, так как несколько раз жители из Черного района нападали на Серый район, грабили продуктовые магазины, вытаскивали мебель, срывали одежду с прохожих, убивали собак и ездовых животных. Поэтому стражники тут были всегда наготове, их задачей было задержать нападающих на несколько минут, пока маг отправит сообщение в мэрию города.

Я не понимаю, почему этот район не был выжжен дотла, но, видимо, у наших градоначальников была причина сохранять его даже с угрозой для жизней других горожан.

Мальчишка обернулся и прошептал:

– Подыграй мне!

И сам бросился к стражникам с криком:

– Дяденьки, спасите! На моего брата напала бешеная собака! Ему почти руку отгрызли!

Стражники даже не дернулись, лишь глянули на нас: два мальчишки из Серого района не заслуживали особого внимания. Скучающий маг лениво встал, потянулся и спросил:

– Ну что тут у вас? Чего шумим, порядок нарушаем?

– Господин маг, помогите, брата укусила бешеная собака!

Он же теперь тоже взбесится и превратится в псину! – продолжал надрывать горло Старший Брат. Я жалобно поскуливал за его спиной, придерживая руку.

– Не говори ерунды, не превратится он в собаку. А ты уверен, что та псина была бешеная? Может, просто голодная, – также лениво проговорил маг. Его плечи были закрыты, но на коротком плаще с левой стороны было вышито число тридцать два.

– Точно бешеная, господин маг. У нее из пасти шла пена, и глаза такие странные. А еще от нее другие собаки убежали, – яростно жестикулировал мальчишка, пытаюсь впечатлить мага.

– Хмм, да, бешеная. Если у вас нет денег для больницы в Синем, то твой брат скоро умрет, – бесстрастно произнес маг.

– Но вы же маг! Вылечите моего брата! Вы же все можете! – упал на колени Старший Брат и схватил мага за ноги. – Не оставляйте меня сиротой. Он у меня один на всем белом свете.

Даже я уже готов был разрыдаться от неподдельного отчаяния своего проводника. Что-то в сердце екнуло от его слов, ведь я остался совсем один после смерти мамы, и талантливая игра мальчишки ударила по самому больному месту. Я столько времени старался не думать об этом, но сейчас я не выдержал и заплакал по-настоящему, только не от иллюзорной боли, а от настоящей, таящейся внутри меня.

– Отцепись! – взревел маг, отшатываясь от цепких рученок Старшего Брата. – Не смей прикасаться ко мне! Эй, а вы чего смотрите? – крикнул он рассевающимся стражникам.

– Так это же всего лишь мальчишки. Господин маг, несомненно, справится с такой угрозой, – насмешливо сказал лысый пожилой стражник. – А то, может, и правда поможете?

– Да не могу я, – взвизгнул маг, еще дальше отодвигаясь от Старшего Брата. – Бешенство – это вам не насморк вылечить, для этого нужно на медицинском факультете обучаться. А у меня специальность другая.

– Ах да, господин маг, вы же только сообщения можете посылать, – продолжал насмехаться лысый стражник.

В это время Старший Брат снова подскочил к магу и, заливаясь соплями и слезами, стал делать вид, что вот-вот начнет целовать ему обувь, маг попятился, но споткнулся и упал на дорогу. Это окончательно взбесило его, он отшвырнул мальчишку, вскочил и заорал на стражников:

– Выкиньте этих поганцев!

– Куда? Они жители этого района и могут ходить тут где угодно, – резонно возразил лысый стражник.

– Куда подальше! – маг на секунду задумался. – В Черный район! Да, выкиньте их за ворота!

– Господин маг, – медленно и тихо сказал стражник, – это всего лишь отчаявшиеся дети. Зачем их на смерть отправлять?

– Да им все равно не жить! Покусанный через пару дней

сам взбесится и будет нападать на людей. А младшему без него не выжить. Выкидывайте уже, иначе я доложу, что вы, сволочи, допустили нападение на мага! – заорал маг.

Молодые стражники нерешительно поднялись и направились к нам, но неохотно, давая возможность одуматься и сбежать. И я бы сбежал. Черный район! Это же верная смерть! Старший Брат же вылетит туда вместе со мной, о чем он вообще думает?

Я вдруг почувствовал, что все силы разом ушли из меня, колени подкосились, и я упал на землю. Один из стражников осторожно подхватил меня за правый локоть и потащил к воротам, рядом визжал и вырывался Старший Брат. Тягучий скрип петель, резко обрывающаяся дорога, толчок в спину – и мы лежим уже с другой стороны. В Черном районе.

Как только ворота захлопнулись, рыдания мальчишки сменились смехом. Он катался по земле и безостановочно хохотал:

– Выкинули! Ой, не могу! Они и вправду выкинули нас... Идиоты! Прямо за ворота, ха!

Я с трудом поднялся на ноги, подошел к пацану и сильно встряхнул его за плечи:

– Эй ты, успокойся! Это и был твой план – попасть в Черный район? Какого Дна ты сделал? Зачем?

Старший Брат просмеялся и серьезно посмотрел мне в глаза:

– Семерка, ты не представляешь, как тебе повезло.

Я медленно осмотрелся. Даже не знаю, что я представлял при словах «Черный район», наверное, ожидал увидеть преддверие Дна Пропasti: камни, полуразвалившиеся халупы, скрюченные и изуродованные тела людей, детишек с огромными пустыми глазами и выпученными животами. Но передо мной была обычная улица: вымощенная дорога, небольшие аккуратные каменные домики, вот только людей видно не было. Но что-то было не так.

Еще раз оглядевшись, я понял, в чем причина моего беспокойства: из некоторых домиков выходили столбы дыма – небольшие, но все же.

– Старший, тут что, везде пожары? Мы должны помочь?

– Пожары? – недоуменно спросил мальчишка. – Нет никаких пожаров. С чего ты взял?

– Сам посмотри – из домов идет дым.

Он снова рассмеялся:

– Нет, в этих домах просто готовят еду, – увидев мое озадаченное лицо, он продолжил, – на дровах.

– Не понимаю, – сказал я. Мама всегда готовила на огненном камне, да и все наши соседи тоже. Это особый вид камня, добываемый где-то далеко на севере. При подпитке Ки он вырабатывает тепло или даже жар, все зависит от обработки и предназначения. Существует огромное количество типов и применений огненных камней: от приготовления пищи и обогрева домов до миниатюрных пластинок для сушки обуви. Неужели у местных нет даже их?

– Мда, совсем домашний мальчик, – покачал головой Старший Брат. – В Черном районе нет торговли, нет продавцов, а значит, нет и огненных камней, к которым ты так привык. Все здешние жители живут на полном самообеспечении: сами добывают еду, сами шьют одежду. Раз огненных камней в округе нет, приходится готовить на дровах.

Продолжая рассказывать, мой проводник неторопливо шел по улице. Ему явно нравилось просвещать глупого собеседника.

– Понимаешь или нет? В Лесу мужчины валят деревья, потом разрубают их на небольшие кусочки и приносят домой. Дома в специально отведенном месте эти дрова поджигают, от них идет огонь и жар, на котором и готовят пищу.

– Но это же опасно! Можно поджечь дом или сжечь руки! – воскликнул я.

– А ты не суй туда руки, и все будет хорошо, – легкомысленно ответил Старший Брат.

– А где берут продукты для еды? – спросил я. Я был настолько голоден, что ощущал, как кишки внутри скручиваются в тугую рулет.

– В Лесу, конечно.

– В Лесу?

И только сейчас до меня дошло, про какой Лес говорил Старший Брат. Про тот самый, который находится прямо за городской стеной. Тот самый, с дикими животными и опасными растениями, без дорог и людей, без домов и ручной

магии.

– Ты про Лес за городом? С магическими зверями?

– Конечно. Как будто есть какой-то другой Лес, – пожал плечами пацан. – А ты думаешь, почему в Черном районе умирает так много людей? В Сером я слышал слухи про каннибалов, преступников и всякое такое, да только брехня все это. Настоящие преступники сюда не попадают, гораздо выгоднее поставить их на выкачку Ки – знаешь, когда из человека ежедневно выкачивают столько энергии, сколько он успевает восстановить. Нет, сюда сбрасывают тех, кто не может принести пользу Белому району: больных, нищих, с низким талантом, хотя ты, конечно, всех переплюнул семеркой.

– А зачем вообще было создавать Черный район? Только как человеческий отстойник?

– Ну, я же всего не знаю, – Старший Брат почесал в затылке, – слышал, что раньше бывали случаи, когда животные вдруг сходили с ума и принимались атаковать город. Даже стена не помогала, ведь там были и летающие звери, и подземные. Вот и решили создать дополнительную зону между Лесом и людьми, но чтобы она не простаивала пустой, стали выбрасывать сюда неугодных людей. Или, скорее, построили еще одну стену и переместили жителей за нее. Поэтому тут остались и домики, и дороги.

– И давно ты тут живешь? В Черном районе?

– У меня год назад умер отец. Ничего необычного – пытаюсь прокормить меня и сестренку, перестарался и сжег слиш-

ком много Ки на работе. Какое-то время мы пытались побираться, я подрабатывал, где мог. Я ведь тоже, – мальчишка горько усмехнулся, – не особо талантлив, всего лишь одиннадцатый набрал.

– Но ты же мог ходить в школу?

– Я и ходил, а вот сестренка не доросла, ей всего шесть было. Я сначала растягивал школьное пособие на двоих, но мне постоянно так хотелось есть, что иногда я не доносил еду до дома. Потом плюнул на школу, пошел работать, но поверь мне, одиннадцатый немногим лучше, чем семь, особенно если эти цифры на плече мальчишки. В общем, умерла сестренка. После ее смерти меня и подобрали – примерно как я тебя. Так что сейчас я отдаю долг.

– Я так понимаю, что есть какие-то тайные проходы между районами, верно? – вдруг осенило меня. – Тогда зачем нужно было вытаскивать меня вот так?

– О, это, – протянул Старший Брат. – Конечно, проще было бы провести тебя тайком, но ты же хочешь вернуться обратно?

– Пока не знаю, там я умирал с голоду. И сейчас, кстати, тоже умираю, – грустно улыбнулся я.

– Смотри, – мальчишка пропустил намек мимо ушей, – тебя там разыскивают. Если не найдут, то подумают, что ты куда-то временно спрятался, а значит, поиск будет продолжаться, хоть и не так активно. А сейчас, после очередной неудачи, они начнут потрошить свою стражу и услышат уди-

вительную историю о том, как пацана твоего возраста и с твоей внешностью выкинули в Черный район, и да, его талант разглядеть не смогли из-за жуткой раны на руке. К какому выводу они придут? Верно, что ты по ошибке или специально попал в Черный район, а значит, тебя уже незачем искать в Сером или Синем районах. Не знаю, насколько ты им нужен и зачем, но сильно сомневаюсь, что ради тебя они пошлют солдат сюда. И самое главное – ты сможешь вернуться обратно, в Серый район. Не сразу, конечно, но сможешь.

– А если бы у меня не было денег? – угрюмо сказал я, прикидывая масштаб и продуманность моего спасения.

– Я бы тебя все равно вытащил, но без татуировки. А вот, кстати, и пришли.

Глава 4

Небольшой домик из серого рубленого камня, крыша из розовой запеченной глины, каменный забор в половину моего роста, отделяющий миниатюрный дворик от улицы. Большая часть двора была завалена кусками дерева.

На мой вопросительный взгляд Старший Брат ответил:

– А это и есть те самые дрова, на которых тут готовят. И могу сказать, что еда, приготовленная на живом огне, отличается от той, что на огненном камне. Есть какой-то особый привкус.

Я только сглотнул слюну. Чтобы перебить урчащий желудок, я взглянул на иллюзорную рану на плече:

– Старший, а эта иллюзия долго еще будет видна? Может, снять ее как-то?

– Не беспокойся, мастеру это не помешает. А вообще через час-два она исчезнет, если не подпитать ее Ки.

Увидев мое недоумение, проводник хлопнул себя по лбу:

– Я забыл, что ты не учился в школе. Самое сложное – это создать какую-то магию, по-научному – задать импульс. В зависимости от вложенной энергии, результат волшебства может быть бесконечен или ограничен во времени, но если ты захочешь продлить его эффект, то хватит и небольшого вложения Ки для подпитки – тогда магия будет действовать до конца энергии. Так что если хочешь, то можешь вкинуть

немного Ки в иллюзию и ходить с рваной рукой хоть до конца жизни.

Тут лицо мальчишки резко посерьезнело:

– Слушай, мастер – очень строгий человек. Лучше бы тебе помалкивать и соглашаться со всем, что он тебе предложит. Учти, кроме него сделать такую татуировку никто не сможет. Также у него сдашь Ки в качестве оплаты. Не пытайся скрыть какие-то доли, выдай все, что сможешь, сам понимаешь, мы в тебя вложились прилично, так что те дохлые единицы Ки не смогут окупить наши старания. Потом, когда закончите, выходи сюда, я буду ждать. Уж так и быть, даже угощу едой на дровах, – тут Старший Брат подмигнул.

После такой речи я внезапно застеснялся. Как меня бесила эта черта характера! Стесняться могут богатые, успешные люди, но нищему стесняться вообще нельзя. Нищий должен быть готов ко всему: к пинкам, к грязи, к унижению, к неожиданным подачкам... Но я стеснялся. Стеснялся своего таланта, бедного дома, отсутствия отца, сейчас же стеснялся войти в дом к человеку, который способен вытащить меня из той ямы, куда я сам себя же и затолкал.

Сжав кулаки, я толкнул дверь и вошел в дом.

Пустая комната. Ни коврика, ни стула, ни коробок на полу. Вторая дверь была полуоткрыта. Оттуда пахло дымом и огнем, потрескивали дрова, к дыму примешивался аромат чего-то вкусного, что я когда-то пробовал, но уже успел забыть.

– Дым – это всего лишь еда. Не пожар, – для себя тихо-нечко повторил я и шагнул внутрь.

В левом углу комнаты большими камнями был отгорожен кусок пространства, там плясали оранжево-красные плети огня, ласково обнимая железный котел, в котором что-то бурлило. Дым ниткой вытекал в отверстие в крыше. Иногда отдельное облачко пыталось выйти за пределы каменной границы, но незримая стена не давала ему пройти, и его затягивало в то же самое отверстие. В центре комнаты стоял грубовато сработанный деревянный стол.

А за ним сидел весьма примечательный мужчина. Рост его я определить не мог, но и без этого было понятно, что такой точно не затеряется в толпе. Длинные черные волосы, заплетенные в косу до пояса, красивые, даже утонченные черты лица, обезображенные глубоким шрамом, тянущимся от внешнего угла правого глаза до левого кончика рта, темно-коричневые глаза. Словно потомственный аристократ из Белого района спустился к обычным смертным.

Я растерялся и не сразу догадался поклониться ему. Опустив голову, я переживал, не рассердился ли мастер из-за моей нерасторопности и стоит ли мне упасть на колени перед ним.

– Надо же, действительно, семерка, – услышал я его низкий бархатный голос, но все же не решился поднять голову. – И чем такой малыш мог заинтересовать Мин Чиня? Не расскажешь мне?

Я продолжал стоять, склонившись, и не говорил ни слова. Я не знал, что ему ответить. Правду? Тогда какой смысл был во всех моих попытках сбежать. Соврать? Но я чувствовал, что этот человек с первого звука сможет распознать мою ложь.

Тут мастер засмеялся, и от этих звуков по спине пробежали мурашки. Это определенно был неординарный человек.

– Не бойся, малыш. Пусть твои тайны останутся твоими. Мы сами решили помочь тебе и назначили оплату, поэтому не считай себя обязанным. Садись, я сделаю тебе обещанную татуировку.

Я медленно выпрямился и сел на указанный стул. На столе уже лежали инструменты: иголки разной длины, от одного до пяти сантиметров, тушь разных оттенков, несколько чистых кусочков ткани. Мужчина взял меня за левое запястье, устроил руку, как ему было удобно, и пристально посмотрел мне в глаза:

– Малыш, будет больно. Иногда очень больно. И все это только для того, чтобы сделать ничего не значащую картинку на плече, которая не сможет обмануть примитивную магическую проверку. Ты согласен на это?

Пересохшими губами я прошептал:

– А у меня есть выбор?

Мастер улыбнулся краешком рта:

– Конечно. Ты можешь остаться жить в Черном районе, ходить с мужчинами в Лес, добывать мясо и дрова. Не ду-

маю, что ты сможешь продержаться больше пары лет с твоим талантом и телосложением, но обещаю, это будет достойная и интересная жизнь.

Другой вариант – вернуться к воротам Серого района и сказать, что ты и есть та самая семерка, которую ищет мэр. Тебя быстро вытащат и отведут в Белый район. Что будет дальше – не знаю, но думаю, что ты можешь представить себе продолжение.

Третий вариант – пристроиться к каравану торговцев. Тебя могут убить, могут продать, как раба, а могут сжалиться и обучить торговому делу.

Четвертый – тайком вернуться в Серый район без поддельной печати и попытаться выжить так, как ты делал это раньше.

Пятый – пойти в лес, найти какой-нибудь магический реликт, увеличить свою силу, обучиться в другом городе на великого мага, а потом вернуться сюда и стереть этот город с лица земли.

Как видишь, вариантов существует бесконечное множество, и на каждом пути тебя ждут свои сложности и свои решения. Татуировка – это не выбор, это лишь средство, облегчающее тебе дорогу, да и то лишь на некоторых путях. Поэтому ты должен выбрать, куда хочешь пойти.

Я молчал. Мастер говорил слишком сложные вещи. Как я могу выбирать свой путь? Разве он не был predetermined в тот момент, когда магическая печать коснулась моего плеча?

Разве не семерка решала за меня? За меня и мою маму.

– Что ж, видимо, ты сейчас не готов выбрать. Тогда позволь немного облегчить тебе дорогу. Возьми эту палочку в рот. Когда будет очень больно, сожми ее зубами, только не отдергивай руку. Магическая печать довольно сложна и располагается на разных уровнях кожи и плоти, поэтому чтобы моя татуировка не отличалась от нее, мне придется протыкать твою кожу как чуть-чуть, так и довольно глубоко. Готов?

И первая игла вошла под кожу.

* * *

Мастер закончил пытку только через пять часов. Целых пять часов я сжимал зубами горьковатую палочку, раздергав ее на волокна и пропитав ее соком всю глотку. Пару раз меня стошнило желчью от голода и противного вкуса. Мастер же только подставил котелок, дал глотнуть воды и продолжил втыкать иглы.

– Теперь готово. Принимай работу, – с довольным видом произнес он.

Я мельком взглянул на плечо, с которого полностью сошла иллюзия раны. Рядом с привычной темно-серой семеркой гордо красовалась единица. На первый взгляд она была точь-в-точь как настоящая. А потом я упал на стол и отрубился.

Проснулся от жгучего запаха, который скрутил внутрен-

ности приступом боли. Прямо передо мной стояла тарелка с мутноватой похлебкой.

– Ешь, иначе моя работа окажется бесполезной, – негромко сказал Мастер. Как я и думал, он был высок. Высок, но худоват, по крайней мере, по меркам Серого района. Так как в Сером жили люди с низким талантом, они старались компенсировать это физической формой, поэтому тамошние мужчины щеголяли массивными мышцами и тугими бицепсами. Мастер же словно спустился из Красного или Белого района, и если бы не шрам, я легко мог поверить в то, что он был чиновником или даже профессиональным магом. Хотя почему такой человек оказался бы здесь, на самом дне города? Ведь талант нельзя растерять.

Я слышал про случаи, когда ухудшалось взаимодействие человека с магией, но, как правило, это происходило от тяжелых болезней, старости или влияния особых веществ. Мастер был еще относительно молод, лет тридцати, выглядел вполне здоровым, и его зрачки также не были изменены. Может, у него действительно низкий талант?

Неловко склонив голову в знак приветствия, я взял ложку и медленно поднес ее ко рту. От запаха мяса у меня закружилась голова, а когда я почувствовал плотный насыщенный вкус похлебки на языке, с трудом удержался от того, чтобы схватить тарелку и влить содержимое в рот разом.

Я крепче сжал ложку и начал хлебать еще медленнее, контролируя каждое движение, стараясь сдерживать звериные

ПОЗЫВЫ.

Мастер кивнул:

– Хорошо. Умеешь себя контролировать. Рука будет болеть еще несколько дней, татуировка может воспалиться и покраснеть, но если следить за чистотой на коже, то опухоль скоро спадет. Предлагаю тебе на это время остаться в Черном районе. Тот, кто тебя сюда привел, покажет, где ты сможешь жить, заодно определишься со своим выбором. Кстати, мы, конечно, люди добрые, но заплатить тебе все равно придется. Ты можешь отдать деньгами, энергией или отработать. Что выбираешь?

Проглотив очередную ложку похлебки, я сказал:

– Могу отдать Ки. А отработать – это как?

– Если Ки – то минимум сто единиц, – небрежно бросил мужчина. А у меня похолодело в груди. Сто единиц... Это объем энергии взрослого человека. Подростки моего возраста и телосложения за раз могут сдать в районе пятнадцати единиц – четверть Ки, а потом пару недель им придется восстанавливаться. Сто единиц – это шесть раз по две недели. Три месяца.

Я знал, что Старший Брат о многом умалчивает, я чувствовал, что будет какой-то подвох, но сто единиц! Может, они таким образом пытаются удержать меня в Черном районе? Или подозревают причину поиска и хотят проверить? Если я смогу за раз сдать весь объем, тогда они убедятся в том, что я донор, и запрут в одном из домов. А ведь Мастер

показался мне благородным человеком, несмотря на пяти- часовую пытку иглами.

– Отработать можно, снабжая местных жителей дровами или едой.

То есть он предлагает выйти из города прямо в Лес. Меня передернуло от ужаса.

– На самом деле, – продолжил Мастер, следя за каждым моим движением, – для тебя это отличная возможность. В любом случае, нужно переждать, пока тебя не перестанут искать в городе и пока не заживет рука, а также ты сможешь на практике пощупать разные варианты и только потом определиться с выбором. К тому же новичков мы отправляем в относительно безопасные места, поэтому риск не так велик, как ты думаешь.

Несмотря на вежливые и деликатные слова Мастера, выбора он оставлял не так уж много.

– Я готов сдавать по десять Ки каждые пять дней и отрабатывать в лесу.

– Ты будешь успевать восстанавливаться?

– Если буду хорошо питаться, то да, – твердо ответил я. Я понимал, что такая скорость тоже может вызвать вопросы, но она не является уникальной: люди с повышенной регенерацией Ки иногда встречаются, и к ним относятся спокойно.

– Хорошо, так и решим. Тогда поешь и выходи. Там тебя уже ждут, – с этими словами Мастер развернулся и вышел из домика.

Я доел похлебку, отложил посуду в сторону и еще раз посмотрел на татуировку. Очень качественная работа, я вообще не видел отличий между единицей и семеркой – тот же цвет, тот же шрифт. Как проверить печать магическим путем – я не знал, да и вряд ли у меня хватило бы умений для этого, но внешне печать была похожа на настоящую.

Плечо горело, словно к коже приложили кружку с кипятком, и иногда что-то в мышцах дергало и тянуло.

Что ж, пора идти отрабатывать татуировку. Странно только, что Мастер не стал сразу забирать мою Ки, ведь Старший Брат говорил, что именно он это и сделает. Хотя, может, он решил, что сначала я должен отработать в Лесу, ведь после сдачи Ки сил у меня должно изрядно поубавиться.

– О-о-о, а вот и наш Семерка! – радостно воскликнул знакомый мальчишка с белесыми вихрами. – Или тебя теперь называть Семнадцатым?

– Лучше Семеркой, я уже привык, – буркнул я.

– Вообще ты можешь придумать себе любое имя. Меня тут знают под именем Байсо. Так что можешь звать меня именно так. А хочешь, я сам придумаю тебе имя? У меня отлично получается.

– Как хочешь, – ответил я. Сейчас я внимательно прислушивался к своему желудку, в нем так давно не было нормальной еды, и я очень переживал, не стошнит ли меня еще раз. Так не хотелось расставаться с ощущением наполненности в животе.

– Хмм, лучше всего отталкиваться от какой-то характерной черты. Интересно, чем ты отличаешься? Внешность – самая обычная: невысокий, тощий, обтрепанный, волосы черные и грязные, ты бы помылся... Родинки на лице нет, шрамов тоже, не хромаешь... Знаешь, кроме семерки у тебя и нет ничего особенного.

Байсо потер подбородок, почесал затылок, подергал себя за ухо, но даже несмотря на приложенные усилия не смог придумать достойное имя. Поэтому через несколько секунд он сплюнул и буркнул:

– Ладно, Семерка, иди за мной. Буду знакомить тебя со сборщиками хвороста.

Он уверенно вел меня узкими улочками между однотипных каменных домиков и низких заборов. Людей на улицах так и не было видно, только изредка я подмечал детские мордашки в окнах или мелькнувшую рубашку.

– Байсо, а где все жители?

– Почти все на работе. Кто-то охотится, кто-то собирает травы, кто-то рубит деревья, а кто-то промышляет в других районах. Да тут вообще мало людей: две трети домов пустует. Детей обычно собирают в один дом, чтоб за ними было проще смотреть.

Я улыбнулся, ведь и сам Старший Брат мог считаться ребенком, ему всего-то на вид лет двенадцать. Но тут мальчишка добавил:

– В Черном районе любой человек старше десяти лет дол-

жен отрабатывать свое проживание. Иначе не выжить. Знаешь, как тут было плохо до прихода Мастера? Я сам не видел, это было задолго до меня, но старожилы рассказывают, что властям приходилось насильно загонять сюда людей даже с малейшими провинностями, чтоб район не пустел. А выми- рали тут сотнями. Не умели ловить дичь, травились ягода- ми, умирали от укусов насекомых и змей. Даже маги не мог- ли долго держаться, быстро растрачивали свою энергию на защиту.

А потом откуда ни возьмись появился Мастер. Он пришел с той стороны стены.

Это значит, что Мастер не из этого города! Интересно, ка- кой же силы этот человек, если смог выжить в Лесу? Я не удержался и спросил у Байсо. Тот нахмурил лоб и резко от- ветил:

– Этот вопрос у нас под запретом. Никто и никогда не спрашивал у Мастера его настоящее имя, талант или откуда он родом, – и продолжил более мягким тоном. – Понимаешь, именно он научил местных, какие растения можно кушать, а какие – нет, как ставить силки и загонять добычу, как спа- саться от болезней и укусов. Если бы он захотел рассказать нам о своем прошлом, мы бы с радостью приняли любой ва- риант, но если он хочет держать все в секрете, то мы должны уважать его желания.

Мастер – он очень умный. Он нашел способы проникать в другие районы и добывать там деньги и пищу, он помог

спасти некоторых хорошим людям, научился делать такие татуировки. А знаешь, какой он сильный! Однажды на наших рубщиков напала двуххвостая лисица, успела одному отгрызть руку, а второму прокусить бедро. Хорошо, что Мастер был неподалеку, он одним прыжком перелетел сто метров, потом рукой так повел, – Байсо махнул, изображая Мастера, – лисица взвыла и сбежала. Руку он, конечно, не приделал, но второй мужик выжил и даже почти не хромает.

Я недоверчиво спросил:

– Сто метров одним прыжком? Ты сам видел? А что это за двуххвостая лисица? Она большая?

Байсо даже не смутился:

– Нет, я в то время в городе был, но рубщики же сами видели! А двуххвостая лисица – это такой зверь наподобие собаки, только больше и опаснее. Чем дольше живет такая лисица, тем умнее она становится и тем больше у нее появляется хвостов. Двуххвостая еще не так опасна, но говорят, если уйти в сторону гор, то можно встретить даже пятихвостую лису. С той даже Мастер не сможет справиться, ведь после третьего хвоста лиса может использовать магию.

– О-о-о, – уважительно протянул я, не будучи уверенным, как стоит реагировать на подобные истории. Ясно было одно: если Мастер прикажет Байсо прыгнуть со стометровой скалы, мальчишка прыгнет, не задумываясь и с песнями. Скорее всего, такое благоговение заслуженно, ведь получается, что Мастер спас множество жителей, научил их полезным зна-

ниям и до сих пор старается ради людей, которых выкинул за ненадобностью их родной город. Вот только зачем столь умелому и могущественному человеку такая обуза? Это не принесет ему ни денег, ни чести, ни славы.

Если бы Мастер вошел в город, то, наверное, смог бы жить если не в Белом, то как минимум в Красном районе. Не думаю, что его талант ниже тридцати единиц.

Спустя полчаса Байсо привел меня к внешней стене, последней границе между городом и Лесом. Она была значительно выше внутренних стен, отделяющих районы друг от друга. Но к собственному ужасу я вдруг увидел, что выше, намного выше края стены виднелись зеленоватые облака – кроны огромных деревьев.

Неподалеку виднелась глубокая арка, забранная решетками, возле которой стояла кучка детишек от десяти до двенадцати лет. Они не шалили и не веселились, а с серьезными лицами надевали заплечные мешки, перепроверяли обувь, девчонки туго заматывали волосы тканью, чтобы ни одной прядки не было видно.

– Ты сегодня пойдешь с малышкой, будешь собирать хворост и травы, – нарочито небрежно бросил мальчишка, желая подчеркнуть, что он, младший, пойдет в Лес со взрослыми ребятами. – Эй, малышка Пинь, покажешь этому... – тут Байсо замялся, – Шико, что нужно делать!

Шико? Что это за глупое прозвище? Взял число семнадцать и изменил в его названии одну букву! Хотя можно бы-

ло догадаться о масштабах его воображения по его собственному прозвищу, ведь Байсо – это просто «белый цвет».

Одна из девочек обернулась с недовольной физиономией:

– А, это ты, Байсо! А что это за новичок? И почему это я должна им заниматься?

Эта малышка была мне по грудь, ее по-детски пухлые щечки так и подпрыгивали, но разговаривала она уверенно и спокойно, как взрослая.

– Пинь, ну не бузи. Мастер сказал, что Шико должен кое-что отработать, но раз он новенький, то его отправили в младшую группу. А кому его поручить, если не тебе? Ты же самая знающая!

Девочка чуть покраснела от похвалы, но снова сдвинула выгоревшие на солнце брови и сказала:

– Шико, значит? Если хочешь вернуться живым, слушайся меня. Не смотри, что я еще маленькая, я хожу в Лес уже второй год, знаю все местные пакости. Если ты вдруг думаешь, что ты старше и не должен слушать какую-то малявку, то лучше сразу откажись.

Мне ужасно хотелось потыкать пальцами в ее щечки, чтобы убедиться, что она не надувает их специально. Но я сдержался и вежливо поклонился Пинь:

– Прошу научить меня твоему мастерству.

Девочка гордо вздернула носик, глянула на остальных детей, мол, видели, как надо с ней общаться, а потом начала инструктаж:

– Для начала тебе нужна обувка. Видишь, на лавке лежат кожаные лоскуты? Возьми пару штук и аккуратно обмотай ступни, сверху закрепи их шнурком. Иногда там встречаются мелкие колючки, которые впиваются в кожу, и их можно только вырезать или прижечь. Так, дальше нужно спрятать волосы, чтобы ничего не торчало. Некоторые птицы при виде волос сходят с ума и пытаются их склевать, наверное, путают их с червяками. Да и пот на глаза не стекает, и нигде за ветки не зацепишься. Мальчишки часто бреют голову налысо, но кому как нравится. Выбери наплечный мешок, хотя нет, я сама тебе выберу. Мальчишки всегда вытаскивают самые большие мешки, чтобы похвастаться силой, но потом не могут дотащить до стены. Смешные! Сегодня будешь ходить весь день со мной, я тебе покажу, какие ветки можно собирать, чего нужно опасаться и где стоит ходить. Все понял?

Я послушно выполнял команды пухлощекой девчонки и думал, как же здесь выживали до прихода Мастера вот такие дети. Город выкинул их и забыл, ни еды, ни возможностей, наверное, дети умирали первыми или их убивали и съедали более сильные. Неужели у властимущих не нашлось немного средств для их прокорма? Ведь они и так уже рискуют своими жизнями, просто находясь в Черном районе! Говорят, что в центральных районах существуют места, куда богатые люди приходят поесть. Не потому что у них дома нет еды, а потому что им не хочется готовить, и они идут в особые заведения, где за ту же еду платят в два или три раза боль-

ше. Говорят, что в Зеленом районе скот кормят настоящим зерном, а хищных зверей – чистым мясом. Пушистый дракон мэра в день съедает по половине коровы. В Сером районе этим мясом можно было бы кормить две улицы целую неделю. И почему я никогда раньше не задумывался, как живут люди за стеной? Ладно я, вечно голодный мальчишка, но другие? Толстый мясник, которому раз в неделю привозят туши из Зеленого района, иногда выбрасывает протухшие обрезки собакам. Рыжий пекарь, массивные грузчики, вечерами пьющие пиво... Никто не думает про тех, кто беднее. Про нас не думали в благополучном Синем районе, мы не думали про Черный.

И только человек со стороны сумел не пройти мимо и помочь местным. Без просьб, жалоб и благодарностей.

– Шико, ты слушаешь? Мы с тобой пойдем по самому безопасному маршруту, веток соберем, конечно, мало, но так будет безопаснее. Будь внимателен!

Остальные дети уже прошли в арку, только мы с Пинь остались. Судя по глубине прохода, внешняя стена была толщиной около двух метров. Двое рослых мужчин ухватились за решетку и медленно потянули ее вверх. Как только между зубьями и камнями образовалась небольшая щель в полметра, дети стали подныривать и проползать наружу, не задерживаясь ни на секунду. Пинь кивнула, мол, теперь твоя очередь. К этому времени решетка была поднята уже до пояса, поэтому я наклонился и прошмыгнул вперед, следом за мной

Пинь. И с глухим стуком решетка упала вниз.

Толщина ее прутьев впечатляла – я не был уверен, что смогу обхватить хотя бы один двумя ладонями, сколько же она тогда весит? Я оглянулся и увидел, как мужчины, поднимавшие решетку, с бледными лицами и дрожащими коленями отходят назад.

Пинь заметила мой взгляд и пояснила:

– Так просто решетку не поднять. Каждый вечер Мастер лично накладывает на нее заклинание сроста с камнем, а каждое утро не только снимает его, но и уменьшает ее вес, иначе бы даже десять мужчин не смогли ее поднять. Все, переставай зевать.

И мы вышли из арки.

Сразу за аркой каменная дорога оборвалась, и мы шагнули прямо на мягкую ароматную зелень. В лицо ударили десятки незнакомых запахов, яркие лучи солнца, прорвавшиеся через листву деревьев, чуждые странные звуки – как идущие из-под ног, так и спускающиеся сверху. И огромные до бесконечности стволы деревьев, словно гигантские пальцы бога, вонзившиеся в землю.

Это был настолько странный мир, что даже не казался опасным. Сложно бояться то, чего не понимаешь, не можешь ухватить. Как таракан не боится человека, ведь он не может осознать его существование, так и я не испугался Леса, настолько он был непостижимым и божественным. Слово он и есть бог.

Если Пропать – это символ смерти, то Лес – символ жизни. Бурной, необузданной, дикой и свободной.

Пинь дернула меня за руку:

– Шико, Лес – не место для мечтаний. Этот луг между стеной и Лесом безопасен, так как Мастер выгнал отсюда всю ядовитую живность, но ты все равно будь внимателен. В прошлом месяце одна девочка тут подцепила кровавого муравья, так из нее чуть вся кровь не вытекла. И ведь так незаметно кусают, что даже боли не чувствуешь. Видишь это растение?

И девочка указала на траву с гладкими длинными листьями, которая ничем не отличалась от прочей зелени.

– Это синявка. Видишь, у нее на кончиках листьев небольшие голубенькие пятнышки? Ей хорошо набивать подушки и матрасы, потому что в ней не заводятся насекомые, и даже если у тебя вши, то после нескольких ночей на синявке они все сбегут. Только ее нельзя есть или притрагиваться к ранам: сок очень едкий, от него появляются мерзкие на вид язвочки. Понял?

Я наклонился и увидел голубые разводы по краям.

– Теперь идем дальше.

Через два часа обучения я был готов признать, что выжить в Лесу невозможно, а мой личный инструктор Пинь – самый гениальный ребенок всех времен. По ее словам, нужно подмечать на ходу буквально все: порывы ветра, взметнувшие желтоватую пыльцу с крошечных грибочков: «Вдох-

нешь – легкие сгниют»; оттенок сантиметровой полоски у корня растения: «Если розовый – то это мужское растение, оно безвредно, а если в сиреневый уходит – то женское, его лучше обойти за метр»; громкость стрекотания насекомых: «Если громче стали петь – где-то ползет сороконожка, надо уходить, а если стихли – значит, скоро прилетят остроклювы, ищи прикрытые сверху». И еще миллион советов и рекомендаций.

В конце концов я сел прямо на тропу, прижал ладони к вискам и сказал:

– Пинь, я больше не могу. Мне стыдно, наверное, я самый тупой ученик в мире, но я никогда не смогу выучить все, чему ты хочешь научить.

Малышка рассмеялась, ее упругие щечки так и запрыгали:

– Шико, да ты отлично держишься. Столько времени меня слушал! Никто не ожидал, что за один день ты сможешь стать знатоком Леса. Я не знаю и десятой части того, что знает Мастер. Но постепенно, день за днем ты научишься дышать Лесом и чувствовать его. Да, тут тысячи опасностей, но посмотри, как он прекрасен. Если бы мне запретили ходить сюда, я была бы очень несчастна.

Я поднял голову и впервые за эти часы посмотрел на местность вокруг нас. Не вглядывался ни в цвет крыльев мошек, ни в густоту мха, не пытался услышать тот самый еле уловимый писк или учуять сладковатый аромат, а охватил взглядом все целиком.

И задохнулся от восторга.

Нежно-зеленый полумрак мягко окутывал воздух, из-за раскидистых крон деревья стояли далеко друг от друга, из-за чего создавалось ощущение бесконечного пространства. Я чувствовал себя пылинкой в мировом облаке жизни.

На меня разом нахлынули звуки, странным образом сплетающиеся в особую мелодию: отдаленные потрескивания и скрипы стволов, качающиеся на ветру, мягкие стрекочущие нотки цикад, чуть слышный шелест травы, резкие вскрики птиц задавали ритм, и мелодичный свист пропевал трогательную песнь.

Я чувствовал ансамбль запахов, о которых раньше и не подозревал. Я мог по запаху пота отличить мужчину от женщины и даже сказать их примерный возраст, мог определить свежесть мяса вплоть до часа забоя животного. Но только здесь я словно смог очиститься изнутри, смыть с себя пыль и городскую вонь и окунуться в свежие, терпкие, горьковатые, острые и теплые ароматы.

– Пинь, – выдохнул я, – как это... Как это возможно? Почему же мы тогда вот так... Зачем?

Девочка удивительным образом поняла, что я хотел выразить, и серьезно ответила:

– Мастер говорил, что Лес меняет людей, делает более свободными, более умными. Более живыми. Но такие люди не будут слушать речи властей, не захотят отдавать часть своей жизненной энергии кому бы то ни было, не станут лезть

из шкуры вон только для того, чтобы перебраться в район получше или в дом побольше. Такие не нужны властям. Поэтому и были созданы стены. Не для того, чтобы защитить людей от Леса, а для того, чтобы защитить свою власть над людьми.

Я ошеломленно посмотрел на пухлощекое личико девочки. Ее слова пронзили меня.

Смогу ли я после знакомства с Лесом вернуться в город и продолжать выживать в сером каменном плену среди человеческой вони, среди отбросов? И захочу ли я? Здесь никто не смотрел на мое плечо – я мог быть просто собой, без каких-либо цифр.

Пинь ободряюще улыбнулась мне и протянула маленькую ручку, чтобы помочь подняться:

– А еще Мастер говорит, что если человек сумел увидеть в Лесе красоту, то он быстро научится слышать Лес и его опасности.

И она продолжила обучение, но уже в щадящем режиме – обращала внимание только на опасные для жизни моменты. В моем заплечном мешке наконец появились первые ветки хвороста.

Оказалось, здесь существуют необычные насекомые, которые искусно умеют имитировать сухие ветки. Они застывают в вытянутых позах, расправляя лапки в виде сучков, и ждут добычу – других насекомых, мелких животных или птичек, а потом резко хватают приблизившуюся жертву, от-

кусывают ей голову и утаскивают в норы, где неделями спокойно ее переваривают.

Пинь знала, что эти веточники не опасны, и специально не стала предупреждать об их существовании.

Я схватил очередную ветку и уже хотел кинуть ее в мешок, как вдруг ветка повернулась и посмотрела прямо на меня круглыми сероватыми глазами. От ужаса я даже не сообразил отбросить эту гадость, а веточник лениво опустил лапки, уперся ими в мою руку и освободил сам себя.

Очухавшись, я принялся вытирать руки об штаны, содрогаясь от омерзения, а Пинь заливалась смехом, наблюдая за моим выражением лица:

– Не бойся, Шико, веточник тебя не съест. Ты ему не понравился.

подавив желание отшлепать коварную девчонку, я через силу улыбнулся и сказал:

– Ну что, продолжим обучение?

Глава 5

Уже после полудня мы заполнили заплечные мешки хворостом, Пинь к тому же нашла несколько полезных травок и аккуратно уложила в нагрудный карман. Пора возвращаться в город.

– Пинь, меня все так пугали Лесом, но ведь ничего страшного не происходило. Ни опасных насекомых, ни хищных растений – просто не трогай ничего незнакомого, и все будет замечательно. Зачем тогда такие строгости? И ведь мы довольно далеко забрели.

Девочка удивленно приподняла брови и расхохоталась, да так заливисто, что я и сам невольно заулыбался.

– Ой, Шико, ой, насмешил, – сквозь смех ответила Пинь, – я все время забываю, что ты недавно в Черном районе. Конечно, тут безопасно, ведь это нулевая тропа, специально для таких новичков, как ты.

– Нулевая тропа? Что это значит?

– Когда Мастер увидел, что люди из города не справляются с опасностями Леса, путают очевидные вещи, не умеют запоминать все мелочи, то сделал обучающие тропы с постепенным увеличением сложности. От нулевой до девятой. Я, кстати, уже могу пройти четвертую тропу! – гордо заявила девочка.

Я огляделся, но вокруг лишь стояли деревья, а пейзаж не

менялся на всем пространстве, куда доставал глаз. Не видно заборов, не натянуты сети...

– А как он отделил эти тропы от Леса? Если сейчас я сойду с тропы и пойду, например, направо, то что, я упрусь в невидимую преграду?

– Нет, – помотала головой Пинь, – я сама не очень понимаю, ведь я не училась в школе. Мастер сделал какие-то магические барьеры, не против человека, а против зверей и растений. Он вычистил нулевую тропу от активно нападающих существ и при помощи магических печатей закрыл им путь сюда и с неба, и с земли. Кстати, при выходе нужно будет прислониться лбом к табличке и пополнить запас Ки в закрывающих печатях. Это нужно для того, чтобы барьер не упал: один Мастер не может подпитывать все свои печати.

Хоть меня до сих пор корежило от мысли, что надо будет сдавать Ки, но я не мог не согласиться с этим условием. Когда люди в городе сдают свою энергию, они не могут знать, куда она пойдет: может, на работу больницы и подкормку растений, а может, на мимолетную прихоть чиновника или омоложение его жены. Здесь же все было прозрачно и очевидно.

– Пинь, а что на других тропах? Четвертая тропа очень сложная?

Малышка снисходительно кивнула и принялась меня прощещать. Я подозревал, что Байсо отдал меня в обучение Пинь не только потому, что она была опытным ходоком, но и

потому, что ей очень нравилось учить кого-то и чувствовать себя значимой.

– С каждым уровнем сложность прибавляется, поэтому несколько первых проходов всегда делают с опытным проводником, уже сдавшим эту тропу. На первой и второй появляются первые опасные насекомые и птицы. Они не убьют тебя, но могут сделать очень больно, – тут девочка поежилась, видимо, вспомнив свой опыт. – Растения, которые обжигают руки и ноги, бабочки, срезающие кожу и пьющие кровь... На третьей тропе добавляются небольшие зверьки, в том числе и подземные. На четвертой еще сложнее, но на всех этих тропах ты можешь избежать травм, если знаешь, за чем следить и что делать. А вот начиная с пятой тропы сложность резко возрастает. Там недостаточно только знаний, нужно еще и уметь использовать магию. Иногда нужно прятать свою энергию, иногда наоборот раздувать, иногда прикрывать себя магическим щитом. Я пока не умею делать это, поэтому Мастер не разрешает мне идти на пятую, а ведь я уже все-все выучила до шестой тропы. Только магии не хватает, – грустно добавила Пинь.

– А кто-нибудь уже прошел девятую?

– Нет. Чтобы стать охотником, ты должен сдать восьмую тропу. Там уровень сложности как в обычном Лесу, поэтому взрослые останавливаются именно на восьмой.

– Погоди, – не понял я, – но если на восьмой тропе так же сложно, как и в Лесу, тогда что на девятой тропе?

– А там Мастер установил не отпугивающий, а притягивающий барьер. Туда специально стягиваются самые опасные животные этого Леса. Байсо же тебе рассказал про двухвостую лисицу? Обычно ее сложно встретить, но на девятой тропе она точно будет. Мастер сказал, что когда найдется человек, который сможет пройти девятую тропу, он уйдет из нашего города.

– Кто уйдет? – недопонял я.

– Мастер уйдет. Он же не обязан всю жизнь защищать нас и оставаться в Черном районе. Он создал эти обучающие тропы, чтобы найти преемника и идти дальше своей дорогой. Вот только пока никто не справился. Несколько мужчин пробовали, но самый умелый прошел только восемь шагов, а потом Мастер его оттуда спас. Нужно очень хорошо владеть магией, а еще Мастер говорит, что необходим талант не ниже пятидесяти единиц.

– Пятидесяти?! – я выпучил глаза. Это же уровень гения. С таким талантом не сидят в Черном районе, ожидая смерти, а наслаждаются роскошествами в Белом. Неужели Мастер такой великий человек? А я у него в комнате блевал...

– А ты как думал? Байсо рассказывал, что такие барьеры называются массивами, и людей, которые умеют их делать, нет в нашем городе вообще. Их специально вызывают из столицы и дают им столько заряженных кристаллов, сколько они захотят. А вот Мастер умеет...

Пинь остановилась рядом с очередным гигантским дере-

вом и указала на небольшую табличку, прикрепленную к нему на уровне груди.

– Вот сюда прикоснись лбом, досчитай до трех и отходи. Дольше нельзя.

И сама прижалась лбом, вслух досчитала до трех и сделала шаг назад. Лицо ее заметно побледнело, но она упрямо улыбнулась и махнула рукой.

Я очень не хотел сдавать Ки: после первого раза у меня и так остались неприятные воспоминания. Но перед этой гордой малышкой, добравшейся аж до четвертой тропы, я не мог отступить.

Я наклонился, прижал лоб к прохладной табличке, сказал «раз-два-три» и выпрямился. Вроде бы ничего страшного не произошло. Наверное, я сдал лишь чуть больше обычного или вообще обычный объем Ки. Сколько энергии этот массив может забирать у детей? Пять-семь единиц?

И только я успокоился, как услышал восхищенное ахание Пинь:

– Шико, смотри, как красиво!

Я посмотрел на нее и увидел, как на расстоянии двадцати шагов от тропы, по которой мы сегодня ходили, с обеих сторон появились золотистые узорчатые печати, каждая около метра. Они медленно вращались в воздухе и немного гудели. Я понял, что это и был магический массив, закрывающий тропу от опасных животных, вот только почему он стал видимым?

Со стоном я опустился на землю. Снова та же ошибка! Я передал в массив слишком много энергии.

Мы вернулись к городской стене, дождались остальных детишек, а потом снова понаблюдали за тяжелой работой поднимающих решетку.

Пинь показала мне, куда складывать хворост, я сдал кожаные обмотки, тряпку с головы, заплечный мешок и засомневался, что я теперь должен делать. Дневную работу вроде бы сделал, за полдня в Лесу успел изрядно изголодаться, утренняя похлебка бесследно впиталась в моем иссохшем животе. Но у меня не было дома, не было еды и не было понимания, что будет дальше.

Маленькая учительница заметила мое потерянное лицо и помахала рукой, мол, иди сюда.

– Шико, у нас не так много еды, чтобы делить ее на каждый дом, а потому женщины готовят на всех. Сейчас как раз обеденное время для сборщиков хвороста. Пойдем с нами.

Через несколько минут ватага детей вместе со мной вывалилась на небольшую площадь, где были установлены огромные котлы. В каждом из них легко можно было сварить целую корову.

Сейчас на огне, настоящем живом огне из настоящего дерева, стоял только один котел, его содержимое бурлило и кипело, вокруг разносился умопомрачительно вкусный запах. Казалось, что им одним можно наесться. Усталая и вспотевшая женщина стояла на деревянной подставке и размешива-

ла варево. Первые детишки уже успели подскочить к ней с тарелками, и она аккуратно принялась раскладывать еду.

Я не смог определить, что это за блюдо и из чего оно. Создавалось ощущение, что в котел побросали разные куски мяса, все овощи и травы, что нашлись в кладовке, плеснули чуток воды, а потом долго-долго варили до состояния густого супа или полужидкой каши.

Пинь подсказала, что тарелку и ложку можно взять из общей кучи, и я, сглатывая слюну, дождался своей очереди и набросился на еду.

Это было вкусно! И хотя все ингредиенты полностью разварились и растеряли свой изначальный вкус, густая горячая масса мягко ложилась на язык и незаметно проскальзывала в желудок, обволакивая столь непривычной для меня сытостью.

А ведь если бы мы с мамой не держались так за домик в Сером районе, не пытались сохранить себя хотя бы на уровне местного отребья, то нас бы давно выкинули сюда. И маме не пришлось бы изо дня в день выжимать последние единицы Ки, чтобы ее не выкинули с работы. Она бы вместе с другими женщинами резала и чистила овощи, готовила еду для всех и чувствовала себя гораздо лучше. Ее вечно бледное изможденное лицо зарумянилось бы от жара костра, щеки округлились, а тонкая сухая фигурка окрепла и закалилась. Возможно, она начала бы перемигиваться с каким-нибудь поджарым охотником, он бы приносил ей цветы из дикого леса

и рассказывал страшные байки, она охотно пугалась и смеялась вместе с ним.

А я бы ходил с ребятами на сбор хвороста и трав и каждый вечер хвалился достижениями, проходил бы новые тропы, хвастаясь очередным прорывом. Я не был бы бесполезным ребенком, способным жить только за счет своей мамы, я бы считался взрослым и вносил посильную лепту в жизнь района. И в четырнадцать лет я был бы не худющим недоразвитым мальчишкой, стесняющимся печати на плече, а крепким и загорелым подростком с упругими мышцами и уверенной улыбкой. Прямо как дети вокруг меня.

Я почувствовал легкое прикосновение к плечу. Это была Пинь:

– Шико, что случилось? Ты плачешь. Тебе больно? Невкусно? – девочка, взяв на себя обязанности учителя, посчитала, что должна теперь заботиться обо мне и в городе. Смешно – обо мне заботилась десятилетняя малышка.

– Нет, Пинь. Все очень вкусно. Я просто подумал, как жаль, что мама не может поесть вместе со мной, – и с последними словами внутри меня рухнула стена, барьер, который я возвел в тот день, когда мама умерла. Я не плакал тогда, больше переживал, как же мне выживать и откуда брать деньги на продукты. И лишь здесь, впервые за полгода ощутив сытость и безопасность, я смог разрыдаться и оплакать ее смерть по-настоящему.

А пухлощекая маленькая девочка успокаивающе хлопала

меня по плечу и молчала.

– Шико! Шико-Шико-Шико! – послышался издалека радостный вопль. – Ну как тебе наш Лес? Штаны не намочил? Пинь, он хворост-то принес?

Чуть не опоздав на раздачу, на площадь выскочил улыбающийся Байсо в той же алой рубахе, что и вчера. За секунду он обежал всех: с кем-то поздоровался, с кем-то стукнулся кулаками, церемонно поклонился стряпухам, наполнил тарелку до самых краев и внезапно очутился рядом со мной, усевшись прямо на камни и прихлебывая суп.

– Да уж получше тебя справился, – едко сказала Пинь. Кажется, ей не очень нравился Байсо. – Кстати, Шико, ты спрашивал, до какой тропы дошел этот бездельник. Так вот он пока не сдал и первую тропу.

– Это по которой мы ходили? – удивился я.

– Нет, мы были на нулевой. На ней и младенец справляется, не то что Байсо. Этот балбес никак не научится отличать кровавых бабочек от лазурных, – продолжала издеваться Пинь.

Но Байсо, казалось, все ни по чем. Он спокойно уплетал свой обед и продолжал перемигиваться с другими ребятами.

– Пинь, ты не права, – раздался низкий мужской голос позади.

Моя учительница вскочила, от неожиданности уронив миску, и покраснела:

– Мастер. Я не слышала, как вы подошли.

– Ничего, садись. Байсо вовсе не балбес, как ты его назвала. Он очень одаренный ребенок, только его таланты лежат не в стороне Леса. Ему не нужно изучать бабочек и травы, это действительно будет пустой тратой времени и таланта. Байсо у нас тоже охотник, только городской, так ведь?

Белобрысый мальчишка так и расцвел под похвалой Мастера, и во мне вдруг проснулась зависть. Я захотел, чтобы Мастер похвалил и меня за что-нибудь.

Пинь с сомнением нахмурилась:

– И на кого же он охотится в городе? На крыс?

– Нет, – Мастер рассмеялся. – Бери выше. Он охотится на людей. Например, на последней охоте он выловил нам вот этого молодого человека, – и мужчина посмотрел на меня. – А это было непросто. Байсо как настоящий охотник улавливает даже тихие шепотки и слухи, выслеживает добычу в каменных улочках города, ловит ее в капкан из слов и намеков, а потом доносит до охотничьего лагеря в целости, невзирая на других хищников, привлеченных запахом крови.

Ребята, в том числе и Байсо, замороженно слушали витиеватую речь Мастера, а тот продолжал:

– Хочу отметить, что лесных охотников у нас уже достаточно. С тех пор как десять мужчин смогли сдать восьмую тропу, травм и смертей стало гораздо меньше. А вот городских охотников не хватает. И Байсо для Черного района – незаменимый и очень важный человек. Поэтому ему и не нужно проходить лесные тропы, ведь городские он прошел

все полностью.

Что ж, Мастер был прав. Не каждый ребенок отыщет беглеца, которого разыскивает вся стража района, не каждый сумеет развеять его страх и сомнения, и уж точно мало кто сможет придумать и воплотить отличный план побега, заранее просчитав варианты развития событий. Я – пойманная и доставленная добыча – мог это подтвердить.

– Ну хорошо, – недовольно буркнула Пинь, – я больше не буду называть Байсо балбесом.

– Вот и умничка, – улыбнулся Мастер, отчего шрам сдвинулся и сложился в диковинный узор, украсивший его лицо. – Я бы хотел поговорить с тобой, – неожиданно обратился он ко мне. – Когда поешь, приходи в мой дом.

У меня от страха похолодели руки. Неужели он видел светящиеся печати? Но ведь с нами никого не было?

С тяжелым сердцем я побрел к дому Мастера. Малышка Пинь пыталась приободрить меня, говорила, что Мастер очень добрый человек, да и я не успел ничего натворить, так что он, наверное, просто проверит татуировку и все.

Я покивал ей, но подумал, что тогда бы он посмотрел на нее прямо там, на площади.

Неуверенно постучав в тяжелую деревянную дверь, я вошел. Мастер сидел за столом, как и в первый мой приход, а лицо его было спокойным, как вода. Внезапно я ощутил-вспомнил, как буквально вчера на этом самом месте меня пытали иголками, и с трудом заставил себя сделать шаг

вперед.

– Я слышал, ты неплохо справлялся в Лесу. Возможно, у тебя есть дар чувствовать Лес. Ты уже выбрал себе имя?

– Эмм, Байсо меня назвал Шико, – промямлил я, не решаясь сесть на скамью.

– Шико? Ну что ж, тогда и я буду тебя так называть. А теперь скажи мне, Шико, что случилось при выходе с тропы?

Я робко посмотрел на Мастера, его лицо было очень серьезным, словно он уже знал ответ и лишь проверял меня. И я сдался. До этого я не видел от этого человека ничего плохого, не считая тех часов во время нанесения тату; благодаря ему я смог наестся впервые за полгода, я был все еще на свободе и даже нашел новых друзей. К тому же, вряд ли столь могущественному человеку будет нужен мой дар.

– Мастер, вы знаете, почему меня разыскивали в Сером районе?

Мужчина покачал головой:

– Я крайне редко хожу в другие районы, а Байсо не смог узнать причину.

– Дело в том, что вчера я впервые ходил сдавать Ки. И моей энергией за несколько секунд наполнили три кристалла, последний был размером в пол-ладони. После этого я и сбежал.

Глаза Мастера вспыхнули огнем, он даже приподнялся из-за стола, но опомнился, сел обратно и тихо проговорил как бы самому себе:

– Кристалл в пол-ладони... Пятьдесят единиц... И после этого ты не упал, не потерял сознание, а сбежал. Потом целый день прятался по углам, перебрался в Черный район, выдержал пять часов игл, а на следующий день уже отправился в Лес. Знаешь, сколько энергии ты вкачал в массив нулевой тропы? Сто пятьдесят единиц.

Когда я создавал его, изначально подбирал самые экономные по энергии печати, так как знал, что им будут пользоваться в основном дети. Для нормальной работы этому массиву достаточно десяти единиц энергии в двое суток. На каждом массиве я установил свои метки, чтобы контролировать запасы энергии и вовремя подпитывать. Ты ведь знаешь, что сложнее и затратнее всего запустить магию, а вот поддерживать ее существование довольно дешево? Вчера я ощутил резко увеличившееся давление на метку и сразу помчался к массиву...

Шико, ты сам понимаешь, что это значит?

Я обреченно кивнул. Мастер все-таки не усидел на месте и стал наворачивать круги по комнате, едва не задевая меня рукавом:

– Это же уникальный дар! Не дар, а благословение Неба! – и тут он резко остановился, повернулся и ошеломленно посмотрел на меня. – Семь. Семерка. У тебя талант равен семи! Как такое может быть? О чем думали боги, когда лепили тебя, мальчик?

Я мог только криво усмехнуться. Действительно, наделить

человека бесконечным запасом Ки, но при этом дать ему столь низкий талант! Если бы мой талант был равен хотя бы пятнадцати, то я смог бы стать самым могущественным магом в городе, а может, и в мире. Все знают, что сражения между магами измеряют не столько силу, сколько богатство и запасы Ки. В условиях ограниченного запаса побеждает либо самый умелый, с экономными точечными заклинаниями, либо самый талантливый, который из того же объема Ки может извлечь больше пользы. Я же мог бы бросаться самыми затратными заклинаниями, швырять энергию направо и налево, ставить защиту и нападать одновременно.

А с нынешним талантом я могу только служить бесконечно огромным магическим кристаллом.

– А сколько единиц за один раз ты можешь захватить? – спросил Мастер.

Я удивленно поднял голову. Почему он задает такие вопросы? Разве он не собирается связать меня, засунуть в подвал и выкачивать энергию? Ведь тогда он сможет лучше защищать местных, сможет создать новые обучающие места или запитать кристаллы и продавать их в других районах?

– Э-э-э, я не знаю. Я ведь не учился в школе.

– Как ты ощущаешь свою Ки, когда пытаешься взять оттуда энергию? Как озеро, как лужу, как ручеек? – продолжал уточнять мужчина.

– Как колодец. Бездонный колодец, но с узким горлом, куда еле-еле проходит моя ладонь.

– Понятно, – задумался он, – сложновато тебе придется.

Тут Мастер хлопнул ладонью по столу так, что я подпрыгнул:

– Шико, я предлагаю тебе стать моим личным учеником. Обещаю, что не буду пытаться забрать твою энергию силой или без разрешения. Я хочу расширить вход в колодец, чтобы ты мог зачерпывать энергию свободно. И хоть я не самый лучший учитель и не могу гарантировать стопроцентный успех, но я попробую улучшить твой талант. Ты согласен?

Глава 6

Меня хочет взять в личные ученики Мастер? О таком варианте я не смел думать даже в самых диких мечтах. В обычных государственных школах обучают только минимуму знаний: чтение, письмо, счет, краткая история города и начала магии. Ровно то, что нужно для удобства использования человека на простых работах.

Дети в Зеленем и Железном районах обучаются профессии и необходимым магическим действиям у своих родителей или у клановых учителей.

В престижных районах богачи нанимают индивидуальных преподавателей для отпрысков, но разве по-настоящему могущественные и умелые маги будут продавать знания и время ради обучения малолетних оболтусов?

Даже в городском университете обучают сугубо практическим навыкам и заклинаниям. Из него можно выйти неплохим специалистом по медицине, стать связистом, телепортистом или даже боевым магом, но невозможно стать магом великим.

Как правило, выдающиеся маги после создания репутации начинают подбирать себе учеников. У каждого мага свои требования и свои испытания для отбора. Кто-то объявляет на всю страну о наборе учеников, оглашает минимальные требования, сроки и ждет результата. Кто-то запускает

полномасштабные турниры, за которыми следят сотни тысяч людей. А некоторые путешествуют в свое удовольствие и присматривают ученика втихомолку.

Но великих магов не так много, и учеников они ищут не так часто. При мне такого не было, но мама рассказывала, когда она была маленькой, в столице проходили соревнования для подбора учеников Великому магу Дождя по имени Чиан И. Претендентов было так много, что отбор растянулся на целый год, и в результате Чиан И выбрал лишь десять человек из двадцати тысяч претендентов. Причем ни один из них не был назначен личным учеником.

Что такое личный ученик? Это человек, которого маг обучает лично, а не через помощников или книги, кому передают секреты мастерства и покупают самые лучшие пособия, питательные лекарства и высококачественные инструменты. Обычно в личные ученики попадают экстраординарные молодые люди не только с высоким уровнем таланта, но и наделенные особыми качествами.

А чем был я? Ничтожным побирушкой из Серого района с семеркой на плече, без особых навыков и талантов. Единственное, чем одарили меня боги, так это бесконечной Ки, но это не повод брать меня в личные ученики!

Поэтому я стоял перед Мастером и не мог вымолвить ни слова. Я даже боялся переспросить, а вдруг он оговорился, или я ослышался?

Он словно заглянул в мою голову, увидел перепуганные

мысли и пояснил:

– Шико, возможно, я не так выразился. Я хочу взять тебя в ученики не для того, чтобы передать тебе свои знания, я не столь хороший маг и не заслуживаю личного ученика. Но когда-то мне в руки попала книга, где описывался человек с таким же даром, как у тебя, там же приводились некоторые методики для развития таланта и способы его использования. Мое единственное желание – применить эти методики на практике. Для тебя это также отличная возможность перешагнуть через врожденные ограничения и стать если не великим, то как минимум неплохим магом. Ты согласишься на такое предложение?

– Да, простите, Мастер, – я упал на колени и заморгал, пытаюсь унять выступившие слёзы, – простите, конечно, да. Я прошу вас позаботиться об этом недостойном.

– Ну-ну, – улыбнулся мужчина. – Не стоит разговаривать со мной столь официально.

Потом мы сели за стол, Мастер принес лист бумаги, кисть, тушь и начал набрасывать план моего обучения.

Каждый день с утра и до обеда я буду под руководством Пинь учиться прохождению лесных троп. Цель – через три месяца пройти четвертую тропу. Мастер сразу предупредил, что это очень сжатые сроки, и пока никто из детей не смог так быстро выучиться.

После обеда я буду выполнять специальные упражнения для расширения колодца Ки, а также учить заклинания и ма-

гическое начертание. Вечером вместе с охотниками я должен буду тренировать свое тело, так как было доказано, что при укреплении мышц увеличивается и запас жизненной энергии. Когда я недоуменно спросил, зачем мне его увеличивать, Мастер нахмурился и резко ответил, что маги, пренебрегающие физической подготовкой, умирают первыми.

Я немного засомневался, но все-таки сказал:

– Мастер, я могу делиться своей Ки, если нужно.

– Не стоит. Я так выстроил систему работы здесь, чтобы не пришлось прибегать к внешним источникам энергии. Все восполняется за счет самих жителей. К тому же, подумай, что будет, если они привыкнут к бесплатному потоку Ки?

– Ну, у всех будет много еды, одежды, им не придется ходить в Лес и рисковать жизнью.

– Правильно. А теперь представь, что ты куда-то пропал, неважно, заболел, ушел из города или тебя поймали. Что тогда с ними будет?

– А-а-а, я понял, Мастер. Будет то же самое, что было до вашего прихода. Все разленятся, разучатся самостоятельно добывать еду, поддерживающие массивы перестанут работать без подпитки энергией, и район снова начнет вымирать.

– Поэтому я предлагаю сохранить твою способность в секрете. Иначе рано или поздно тебя начнут одолевать просьбами: сначала это будут небольшие займы энергии для лечения ран или починки одежды, потом кто-нибудь задумается, а зачем он тратит свою медленно восполняемую Ки на

массивы, ведь есть Шико... А кто-то может узнать, что тебя разыскивают в Сером районе, например, от того же Байсо, и польститься на награду.

Со своей стороны обещаю, что воспользуюсь предложением только с твоего разрешения и в экстренных случаях. Например, когда двухвостая лисица оторвала Хион У руку, я не смог прирастить ее обратно только из-за нехватки энергии, так что Хион уже не может охотиться и вынужден теперь тренировать молодежь. А если бы рядом был ты, то я смог бы его вылечить всего за пару дней, понимаешь?

– Конечно, Мастер.

На следующее утро я издалека смог разглядеть недовольную мордашку Пинь, ее и без того круглые щечки раздулись так, словно вот-вот лопнут.

Когда я с ней поздоровался, она сделала вид, будто только что меня заметила:

– А, Шико. Я слышала, что Мастер сделал тебя личным учеником. Теперь ты у нас важная птица.

– Но я всегда буду помнить, что мой первый учитель – это Пинь. Мастер сказал, что никто другой не сможет подготовить меня за три месяца к сдаче четвертой тропы.

– Правда? – малышка сразу расплылась в улыбке. – Он так и сказал?

– Конечно. Поэтому прошу отнестись с пониманием к беспомощности этого недостойного ученика, – и я поклонился Пинь.

Девочка не стала откладывать обучение и сразу, еще до поднятия входной решетки, принялась выдавать разнообразную информацию о том, что нам может встретиться на первой тропе.

Да, Мастер сказал, что мне не нужно тратить драгоценное время на нулевую тропу, поэтому сегодня я столкнусь с первыми опасностями. Я очень переживал, ведь вместе с лесными навыками я буду тренировать и магические.

Я нервно поглаживал рукой большой магкристалл, спрятанный в кармане. Впервые в жизни у меня была такая драгоценность.

– Шико, чтобы приучить свое тело к магии, – говорил вчера Мастер, – ты должен постоянно ее использовать. Я предлагаю начать с простейшего заклинания для отпугивания насекомых, для запуска оно требует всего три магических единицы. Так как твой талант сейчас равен семи процентам эффективности, тебе нужно примерно сорок три единицы Ки. Пока ты не можешь зачерпнуть столько Ки за раз, поэтому я даю тебе этот магкристалл на пятьдесят единиц. Понимаешь?

Ты зарядишь этот кристалл, воспользуешься им для запуска заклинания, а потом будешь поддерживать магию самостоятельно. Будь внимателен. Если вкладывать энергию лишь изредка, например, каждые полчаса, то разовое вложение превысит твои возможности зачерпывания, но если вкладываться каждые пять минут или каждую минуту, то ты

справишься.

Твоя основная задача – поддерживать заклинание во время тренировки в Лесу. Ты должен научиться чувствовать, какая частота магической поддержки для тебя оптимальна, и бессознательно пополнять запас заклинания. Так как ты пока не умеешь этого делать, при отключении заклинания ты сможешь снова пополнить кристалл и запустить его повторно. И еще одно – не показывай его Пинь. Она девочка умная, поэтому не давай ей лишнего повода для размышлений.

Перед тем как прийти к стене, я запустил заклинание и лихорадочно пополнял его своей Ки каждые десять секунд, потому что не представлял, как в лесу ускользнуть от всевидящих глазок Пинь.

– Шико, ты слушаешь? Как только выйдем за ворота, сразу ищем траву пихтовинку. Ее сок отпугивает кровавых бабочек, поэтому нужно натереться ее листьями.

– Эмм, Пинь, я не буду. Мастер запретил мне использовать травы для защиты, сказал, что так я быстрее научусь, – я решил все странности валить на Мастера. А что мне еще оставалось?

Девочка с сомнением покосилась на меня, но возражать не стала.

За следующие пять часов я вымотался сильнее, чем когда-либо в жизни. Пинь не делала мне поблажек и говорила без умолку все время, указывая на новые растения, новых насекомых: хотя кровавые бабочки оказались очень кра-

сивыми, у них были резные крылья столь нежного голубого цвета, что до них было страшно дотронуться. Но сложность была вовсе не в этом.

Сложность была и не в том, чтобы поддерживать отпугивающее заклинание. Сложно делать все это одновременно. Я несколько раз заслушивался рассказами Пинь и пропускал момент подпитки. Как правило, понимал я это только после режущей боли в ноге или шее, куда уже успевала присосаться очередная бабочка. И я снова уходил «в кустики», дабы пополнить кристалл и запустить магию снова.

Несколько раз я схлопотал болезненные тычки от Пинь под ребра, когда она замечала, что я ее не слушаю. Словом, я входил в город с огромным чувством облегчения, синяками и десятком порезов.

После обеда я пришел к Мастеру на занятия. Он показал мне пример простейшей магической печати – она выглядела как обычный круг. Без единого узора внутри.

– Нарисовать печати может любой. Что сложного – изобразить круг и вписать в него значки? – поучал он. – Печать от рисунка отличается энергетической составляющей. Поэтому при рисовании печати ты должен вкладывать в нее магию. Сколько именно – объяснить невозможно, это можно понять только на практике.

Мастер поднял палец и легким движением нарисовал в воздухе круг, отливающий золотом. Через три секунды круг растворился в воздухе.

– Твоя задача – продержатъ печать видимой не менее одной секунды. Приступай.

Первые полчаса я бессмысленно водил пальцами в воздухе, не понимая, как вообще преобразовывать свою Ки в магию без заклинания. Ведь нужно на что-то ее направить. А на что ее направлять сейчас? На воздух? На будущий круг?

В какой-то момент меня перещелкнуло, и я ощутил на кончике пальца тепло, словно там поселился маленький огонек. Вслед за движением руки появилась золотистая линия. Я так обрадовался, что сбился с мысли, и тепло ушло. Но главное я уже понял!

Потом были проблемы с ровностью круга, с поддержанием одинаковой толщины линии, то есть с напором магии. Круги лопались, взрывались, рассыпались искрами. Я почти не чувствовал правую руку, плечо онемело от напряжения, тогда я перешел на левую, но круги стали еще хуже.

Спустя несколько часов круг, идеально ровный, без искривлений и помарок, смог провисеть передо мной полторы секунды. Мастер, до этого безразлично сидевший в углу комнаты и читавший какой-то свиток, поднялся и равнодушно сказал:

– Ты наконец справился? С завтрашнего дня я уже не буду сидеть с тобой. На этом столе ты найдешь рисунок следующей печати, задание то же – продержатъ ее не менее секунды. Обрати внимание, рисунок должен быть нарисован без отрыва или пересечения линий. С какой точки начинать пе-

чать, разберешься сам. А сейчас можешь идти на тренировочную площадку. Я предупредил Хиона У о тебе.

Взмокший и вымотанный, я поплелся на первую физическую тренировку, полагая, что хуже-то уже точно быть не может.

Как я ошибался!

Глава 7

Мужчина, которого знали под именем Мастер, стоял на городской стене и наблюдал за испытаниями своего единственного ученика.

Он принял того худющего нескладного мальчишку в подопечные только потому, что не хотел упускать уникальную возможность изучить на практике легенду – идеального донора. У него даже мелькала мысль, что это судьба, и мальчишка подвернулся ему, так как в молодости Мастер прочитал редчайшую рукопись о методах развития такого таланта. Но сейчас Мастер решил, что это он подвернулся тому мальчишке. Он, признанный гений боевой магии в королевстве Сян Гуй¹, оказался лишь стартовой ступенькой под ногами Шико.

Ради Шико судьба Мастера повернулась так, что он был вынужден бежать из родной страны, выживать в лесных чащобах, наращивать боевую мощь, потом годами заботиться о беспомощных жителях провинциального городка.

Когда же закрались сомнения в собственной исключительности?

Ах да, в самый первый день обучения. Когда этот мальчишка, едва умеющий читать, за несколько часов нарисовал

¹ Сян Гуй (*кит.*) – Божественная Черепаха.

первую печать. За несколько часов! В обычной школе старательный ученик сможет создать ее только спустя год после начала обучения. Если же ребенок занимается с индивидуальным преподавателем, а родители не скупятся на магические кристаллы, то есть шанс создать печать за четыре-пять месяцев.

Мастер понимал, что на создание печати тратится магическая энергия, а значит и Ки, поэтому ученик без подпитки магкристаллами сможет тренироваться только раз в два-три дня, но ведь несколько месяцев уходит только на подготовку: правильное положение руки, предварительная медитация ради успокоения разума, ощущение тепла на пальцах и много-много теории о назначении печатей, их разновидностях, правилах применения и графических тонкостях.

Мастер специально дал невыполнимое задание, чтобы мальчишка осознал сложность начертания и не ленился на занятиях. Также когда-то сделал и его старый учитель. Мастер помнил, как он стремился доказать учителю, что сможет создать печать за один день, он даже заранее прочитал несколько учебников по начертанию. Но нулевая печать, продержавшаяся целую секунду, была создана им только спустя три месяца. И это был несомненный повод для гордости. Его называли гением...

А этот оборванец, даже не вспотев, без знаний теории, без магической базы нарисовал нулевую печать за несколько часов. И его неисчерпаемая Ки была ни при чем.

Мастер долго анализировал ту ситуацию, снова и снова прокручивал в голове движения мальчишки, выражение лица, перечитывал биографию, которую набросал со слов пронырливого Байсо, и пришел к выводу, что в данном случае Шико должен благодарить свой низкий магический талант.

Он прекрасно знал историю этого мира, знал и о минимально возможном магическом таланте, необходимом для выживания. Мальчишка подсознательно чувствовал свой предел и жестко контролировал расходы Ки на воздушный фильтр, ведь при малейшем превышении лимита Ки могла уйти за грань невосполнения. Возможно, именно тогда его организм, придавленный постоянной угрозой для жизни, научился вытягивать Ки напрямую из окружающей среды. Именно тогда он сам уменьшил захватываемый объем Ки, дабы случайно не зачерпнуть лишней энергии. И именно тогда он научился контролировать расход Ки вплоть до сотых долей.

Начертание является обязательным предметом в школах не ради создания массивов, так как ничтожно мало людей может научиться этому сложному искусству, и обучение обходится чересчур дорого, а ради тренировки контроля над своей магией. В обычных школах для сдачи начертания достаточно нарисовать на экзамене три простейшие печати, которые продержатся секунду.

За время обучения Шико выучил более ста печатей и начал постигать азы построения массивов. Мастеру на то же

самое потребовалось около пяти лет.

Сразу после начертания мальчишка шел на тренировку охотников. Мастер следил за его успехами издали.

Сначала Шико мог отжаться всего пять раз, валился с ног после нескольких кругов пробежки и не мог кинуть копье дальше десяти метров. Хион неоднократно жаловался Мастеру, что не умеет тренировать таких слабаков, и просил снять его с должности учителя. Но спустя месяц Шико выполнил минимальный норматив для кандидатов в охотники.

Конечно, мальчишка впервые стал полноценно питаться, сказались и ежедневные прогулки в Лес, и регулярные физические нагрузки, но было что-то еще.

За это время вход в источник Ки, по словам Шико, расширился, и теперь ученик мог свободно зачерпывать больший объем энергии, так что при необходимости он мог сымитировать талант выше, чем тот, что ему поставили.

Возможно ли, что он направляет Ки прямо в мышцы? Любой опытный охотник это умеет: за счет потребления жизненной энергии можно кратковременно увеличить скорость или прибавить силы в руках для броска копья, вот только потом приходит откат. Как и всегда после отдачи Ки.

Но со своей переворачивающей небеса способностью мальчишка мог постоянно поддерживать повышенный тонус и достигать больших результатов, чем остальные. Правда, на следующее утро после тренировок его мышцы должны были болеть в десять раз сильнее, но он терпел боль и снова шел

в Лес с Пинь.

Сегодня ученик сдавал четвертую тропу. На его экзамен пришли посмотреть и его ровесники, и охотники, с которыми он тренировался, даже Байсо пришел, несмотря на свою нелюбовь к Лесу.

Мастер видел со стены, как легко мальчишка двигался между деревьями, огибал агрессивные растения, легкими щелчками сбивал насекомых на лету и уходил от преследования мелкими хищниками.

Мужчина стиснул кулаки, потом выдохнул и расслабил тело. Что ж, свою миссию он выполнил, пора мальчишке двигаться дальше.

На секунду у Мастера мелькнула мысль о том, что он мог бы продолжить обучение Шико, но он отбросил ее. Бесполезно держать возле себя тигра, лучше отпустить его в джунгли и позволить ему стать сильнее.

* * *

Стоило только выйти за пределы четвертой тропы, как малышка Пинь бросилась ко мне, схватила за руку и завопила: – У-у-у, мой драгоценный ученик! Ты сдал четвертую тропу! Я так тобой горжусь.

Я не выдержал, схватил ее под мышки и закружил в воздухе:

– Это все благодаря тебе, – потом поставил девочку на

землю и поклонился ей.

Ко мне подходили ребята из Черного района и хлопали по плечу в знак одобрения. После того, как Мастер признал меня своим учеником, они сторонились и распускали неприглядные слухи, но увидев, сколько я тренируюсь, поняли, что не каждый из них выдержал бы такую нагрузку.

Потом подошел Байсо и, улыбаясь во весь рот, сказал:

– Эх, теперь тебя бы еще ко мне в обучение... За три месяца ты не только Серый район, но даже и Синий выучил бы в совершенстве.

Хион У также одобрительно кивал, что-то рассказывая рядом стоящим охотникам. Опять, наверное, хвастает, что я недавно заработал звание младшего охотника, а это, на минуту, кросс в двадцать километров с полным наплечным мешком и копьем в руке, затем броски копья в мишени на расстоянии в тридцать, пятьдесят и сто метров, поочередные спарринги с тремя охотниками, а под конец – удерживание магического щита под непрерывным обстрелом камнями.

Интересно, что теперь мне назначит Мастер? Сдать восьмую тропу через полгода и стать старшим охотником? Создать массив Полночной звезды за три часа?

Поблагодарив всех, кто за меня переживал, я бросился к арке, ведущей в город. Теперь я тоже подхватывал решетку, помогая ее поднимать. Проскочил через щели и побежал к дому Мастера, желая порадовать учителя успешной сдачей тропы.

Мастер уже ждал меня на пороге. Мое сердце внезапно забилося сильнее, – в его руках был набитый заплечный мешок. Неужели Мастер планирует покинуть наш город? Но ведь девятую тропу так никто и не прошел! Он же не может оставить нас вот так?

– Мастер, я...

– Шико, поздравляю с успешным прохождением четвертой тропы. К сожалению, я не могу и дальше быть твоим учителем.

В глазах внезапно защипало, и я наморщил нос, сдерживая слезы.

– Позволено ли мне узнать, куда вы планируете направиться? – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Я? – удивился Мастер. – Я остаюсь здесь. А вот ты, мой уже бывший ученик, сегодня покидаешь Черный район.

От неожиданности у меня даже высохли слезы. Я стоял перед Мастером и не знал, что сказать.

– Поторопимся. Я провожу тебя до внутренней стены, дальше поведет Байсо, я его уже проинструктировал, – Мастер всунул мне в руки мешок, резко развернулся и пошел в сторону Серого района. Я поспешил за ним.

– Завтра из Зеленого района выедет караван в сторону столицы, он повезет зерно, шерсть и лекарственные травы. Сегодня вечером торговцы будут набирать себе охранников. Конечно, даже твой нарисованный талант маловат, но если ты скажешь, что имеешь опыт выживания в Лесу и умеешь

ставить защитные массивы, то должен пройти. Скорее всего, тебя попросят продемонстрировать свои умения. Не отказывайся, но покажи им только облегченный вариант массива Водный щит. Это максимум того, что могут сделать дети в твоём возрасте. И даже так это будет подозрительно. Да, говори, что тебе шестнадцать лет, внешность у тебя уже соответствует. И подбери себе какое-нибудь простенькое имя.

– Но Мастер, я же еще не прошел следующие тропы! Не выучил другие массивы. И мой уровень магии пока не достиг нужного!

– Шико, – Мастер на секунду остановился и посмотрел на меня. – Доверься своему учителю еще раз. Я прекрасно знаю, что именно ты можешь. Тебе уже не нужно проходить мои никчемные тропы или учить непрофессиональные массивы. Ты должен поступить в хороший университет и получить настоящее образование.

Мастер снова продолжил идти и говорить наставления:

– В столице нет такого разделения на районы, поэтому тебе может показаться странным, что бедняки и богачи ходят по одним и тем же улицам. Ты должен будешь найти Императорский Университет и пройти вступительный экзамен. Он начнется примерно через месяц. Думаю, вы успеете добраться за это время.

– Но экзамен в Императорский Университет, наверное, очень сложный. Смогу ли я его пройти?

Мастер фыркнул:

– Единственное, чего тебе стоит опасаться, так это показать им слишком много. Во-первых, продемонстрируй им один заряженный кристалл, чтобы не возникло вопросов, откуда у тебя столько энергии. Во-вторых, не говори, что умеешь делать массивы: будет достаточно, если создашь пять печатей средней сложности. В-третьих... Сейчас ты уже лучше контролируешь Ки, можешь осознавать отдаваемый объем. Но я тебя прошу, не продавай свою Ки. Не совершай одну и ту же ошибку дважды.

Если в столице кто-нибудь поймет, что у тебя за дар, то ты пропадешь в тот же миг. Не сравнивай таланты в своем городе и в столице. Там даже люди с талантом за пятьдесят единиц могут работать обычными служащими. Все, теперь я передаю тебя Байсо.

Я увидел вспотевшего и покрасневшего мальчишку. Он стоял, наклонившись, и пытался отдышаться после длительной пробежки.

– Байсо, поторопитесь. Через четыре часа Шико должен оказаться в Зеленом районе, на стоянке торговцев.

– Конечно, Мастер, – еле выдавил он. – Будет сделано.

Мастер ушел, ни разу не оглянувшись. Я смотрел ему вслед и чувствовал, как по моей щеке ползет холодная слеза. Я практически не знал этого человека, не знал его прошлого, его целей, не успел понять его характер. Но он сделал для меня больше, чем кто-либо, не считая мамы. Когда я стану взрослее и сильнее, то обязательно найду его и отплачу долг

благодарности.

Байсо окликнул меня:

– Шико, ну что, пойдём? До места добираться около трех часов, но лучше все-таки поторопиться, а то мало ли что? Может, торговцы успеют набрать охрану раньше.

– А ты знаешь, зачем мы туда идем?

– Смеешься? – белобрысый мальчишка бросил на меня лукавый взгляд. – Кто, думаешь, выяснил время и место отбора? Кто все это время следил за местными торговцами? Кто сумел пробраться в Красный район? А? Думаешь, только ты один такой крутой, да?

Я рассмеялся и похлопал Байсо по плечу:

– Ты для меня навсегда останешься Старшим Братом. Без тебя я бы уже сдох на той помойке, так что нет смысла напрашиваться на комплименты. И неужели ты был в Красном районе? Туда же не пускают обычных людей?

Мальчишка театрально вздернул нос и гордо ответил:

– Подожди, через несколько месяцев вот эта самая нога, – и он продемонстрировал грязную ступню, – взойдет на золотую мостовую Белого района, и тогда этот никчемный городишко содрогнется.

Весело болтая, мы шли вдоль стены, пока Байсо не остановился возле одного домика. Оглядевшись, он вошел внутрь, показывая, чтобы я следовал за ним. В единственной комнатке в полу был сделан люк, прикрытый лишь грязной дерюгой.

Старший Брат уверенно поднял крышку и нырнул внутрь. Я последовал его примеру.

Внизу оказался не погреб для хранения продуктов, а узкий коридор, по которому Байсо мог идти, чуть наклонив голову, мне же пришлось согнуться и повернуться боком. За три прошедших месяца я изрядно прибавил в росте и весе и уже не казался замороженным мальчишкой. Напротив, стал выглядеть старше своего возраста, особенно если не вглядываться в еще детские черты лица.

Минут десять мы пробирались по этому коридору, а потом Байсо свернул за угол. Там стояла лестница, ведущая наверх. Поднявшись, мы оказались в крошечной комнатке, где едва-едва умещался люк. Мальчик прижал палец к губам и тихонечко приоткрыл дверь. Я услышал голоса, но слов разобрать не мог.

Байсо знаком показал оставаться на месте, а сам выскользнул за дверь. Минут через пять он вернулся с охапкой одежды в руках:

– Сейчас мы переоденемся и выйдем на улицу. По сторонам не глазей, тут этого не любят.

Я скинул короткие истрепанные штаны и натянул новые, темно-зеленого цвета, и такую же тунику с длинными рукавами. После Байсо протянул мягкие черные тапочки, и я с удивлением взглянул на него: раньше я не носил обувь, не считая кожаных обмоток для Леса.

– Это форма студентов Университета. Они могут свобод-

но ходить по Серому, Синему и Зеленому районам, – пояснил друг.

Потом мы прошли весь Серый район, а Байсо предусмотрительно не стал приближаться к тем улицам, где я недавно жил, все-таки я не настолько изменился, чтобы меня не узнали соседи. Дальше он провел нас по Синему району, подальше от центра приема Ки. Тут было много людей в такой одежде, поэтому мы не привлекали внимания.

Наконец, мы пришли к границе Зеленого района, но в отличие от стены между Серым и Черным районами, тут была пышно-зеленая стена плотно насаженных кустов высотой в два человеческих роста. Возле узкого входа навтыяжку стояли два стражника с короткими копьями в руках. Я испуганно глянул на Байсо, переживая, как же мы сможем пройти, но он обошел их, не замедлив шага.

Как только мы отошли подальше от изгороди, Байсо пояснил, что студенты часто бегают в Зеленый район, официально – для помощи земледельцам и наработки практических навыков, фактически – ради свежей еды и румяных девчонок.

Здесь было очень красиво. Зеленый район располагался в обширной долине, и прямо перед нами раскинулись ровные зеленые квадраты полей, вдалеке виднелись такие же квадраты деревьев, между полями пробегали блестящие полосочки водных каналов. Местная природа отличалась от дикой красоты Леса, но у меня до сих пор захватывало дух от безграс-

ничного пространства и ярких красок.

– Так, – протянул Байсо, – караван уходит от фермы Чунь. Туда можно добраться по главной дороге, – и он указал на серую полосу, перечеркнувшую всю долину. – Но тогда ты не сможешь посмотреть самые интересные местечки Зеленого района. Либо я могу провести тебя мимо главного зверопитомника города. Как бы ты хотел поступить? – и мальчишка лукаво взглянул на меня. Было видно, что он до смерти хочет показать этот питомник, но не хочет брать на себя ответственность, ведь если мы опоздаем к нужному времени, Мастер будет недоволен.

Я также не хотел опаздывать, но подумал, что Байсо не будет сильно рисковать, и ничего страшного не случится, если мы сделаем небольшую петлю. К тому же мне и самому любопытно взглянуть на магических животных.

– Если можешь гарантировать, что мы придем вовремя, я выберу второй вариант.

– О, Младший Брат, – воскликнул проводник, – раз уж ты доверился мне, будь уверен, я не подведу. Но тогда нужно поторопиться.

И он помчался вниз по склону, я последовал за ним. Так как Байсо не был мастером лесных троп и не занимался на тренировочной площадке, его физическая форма оставляла желать лучшего. Единственное, в чем он был хорош, так это в забалтывании людей и знании города, поэтому я легко догнал его.

Мальчишка чуть прибавил ходу, но было видно, что это его максимум, и скоро он совсем выдохнется. Я улыбнулся, легонько прикоснулся к его плечу и влил немного своей Ки. Байсо сразу порозовел, выровнял дыхание и продолжил бежать.

Мы промчались мимо нескольких рисовых квадратов, затем добежали до пышных деревьев, на которых висели какие-то плоды. Старший Брат перешел на шаг:

– Видел, как долго я могу бежать? У меня прямо второе дыхание открылось. Как думаешь, меня возьмут в охотники через пару лет?

– Да, Байсо, если продолжишь тренироваться, то обязательно возьмут, – видимо, он даже не заметил моего прикосновения, и я не стал его расстраивать.

– За десять минут добрались до яблоневого сада. Это мой рекорд, – продолжал восторгаться мальчишка.

– О, так это яблоки? – я посмотрел внимательнее на плоды. Ровные шарики зеленого цвета походили на незрелые помидоры.

– А ты что, ни разу не видел яблоки? И не ел их?

– Ни разу. У нас с мамой было не так много денег. Чаще всего мы покупали требуху, капусту, репу, рис и овес. Но мама говорила, что в детстве она очень любила яблоки, описывала их вкус. Не понимаю, как один и тот же плод может быть кислым и сладким, мягким и хрустящим одновременно.

– Давай сорвем одно яблоко, и ты его попробуешь.

– Но это же чьи-то яблоки. А значит, это будет считаться воровством.

Байсо расхохотался:

– Ты посмотри на деревья. Видишь, они полностью усыпаны яблоками. Если мы возьмем одно, никто не заметит. Разве хозяева считают яблоки на каждом дереве? Это же не священные плоды с горы Тай.

– Но это все равно будет воровством.

– Хмм, для мальчика из трущоб ты слишком принципиален, – прищурился Байсо. Потом подскочил к ближайшему дереву, подпрыгнул, сорвал яблоко и дал его мне. – Я уже сорвал его, обратно к ветке уже никак не прикрутишь, так что теперь ты должен его съесть.

– Наконец-то я вас поймала, – раздался резкий женский голос. – Говорила же, что нужно запретить этим никчемным студентам вход в Зеленый район. Только и знают, как к девочкам приставать да яблоки воровать.

Из сада вышла женщина. Первое, что меня поразило в ее внешнем виде, так это объемы. Она словно была сложена из шаров разного размера. Самый большой шарик находился в районе ее живота, сверху к нему приставили два шарика поменьше, дальше шли покатые плечи, налитые с заметными перевязочками руки, идеально круглое лицо с шарообразными щеками, и даже волосы были закручены в два тугих шарика по бокам.

Я никогда прежде не видел таких толстых женщин, поэто-

му растерялся и не успел вежливо поприветствовать хозяйку.

– А заносчивые какие! Яблоки воровать у них гордости хватает, а вот поклониться – так уже и чести много? – продолжала ругаться женщина.

Я спохватился, сложил руки и поклонился:

– Этот недостойный просит прощения. Готов оплатить вам стоимость яблока.

– Ишь, он готов оплатить, – чуть спокойнее сказала она. – А если это яблоко было выращено специально для заказа многоуважаемого Хи Донга, как сможешь ты возместить его цену?

Я укоризненно посмотрел на Байсо и снова поклонился:

– Уважаемая не может быть настолько жестокой. Я верю, что смогу компенсировать нанесенный ущерб.

Женщина немного подумала и сказала:

– Вообще у меня есть одно дело, с которым ты, студент, можешь помочь. Следуй за мной.

Она отвела нас вглубь сада и указала на деревце чуть выше меня. Оно отличалось от окружающих его деревьев не только размером. Хрупкий ствол выбросил лишь пять веток, и многочисленные листья отливали на солнце металлическим блеском.

– Вот. Это драгоценное дерево привезли нам издалека, мой муж и я соблюдали все условия его выращивания, подобрали правильную почву, посадили в окружении самых пло-

довитых яблонь, поливали чистойшей родниковой водой, но оно совсем не растет. С момента посадки оно не выкинуло ни одного нового листика, а веточки не подросли даже на три сантиметра. Сделайте что-нибудь, – умоляюще взглянула женщина, но потом вспомнила, что мы провинились, и добавила, – а не то я доложу в университет о вашей проступке.

Байсо дернул меня за рукав и яростно зашептал на ухо:

– Шико, ты чего? Пошли отсюда. Даже если бы мы были настоящими студентами, университет бы не обратил никакого внимания на ее жалобу. Что такое одно сорванное яблоко? Слишком много она за него просит. К тому же вдруг ты испортишь ее драгоценное дерево?

– Байсо, мы были неправы, сорвав ее яблоко, поэтому я должен попытаться ей помочь.

– Пфф, – неодобрительно фыркнул мальчишка и отвернулся, скрестив руки на груди.

Я же повернулся к женщине и сказал:

– Я пока не так хорош в магии, как хотелось бы, но я делаю все, что в моих силах.

Толстуха снисходительно кивнула, но побледневшее лицо выдавало ее чувства. Видимо, она и правда сильно переживала за это дерево.

Я прикоснулся к стволу и выпустил небольшое количество Ки. Мастер показал мне способ исследовать незнакомые растения и животных, которые могут встретиться в Лесу: для этого нужно собрать свою Ки в тугой шарик, прикре-

пить к нему возвращающее заклинание и запустить в изучаемый объект. Сам Мастер мог делать это на расстоянии десяти шагов, и информация, которую он получал, была очень подробна. Я же запускал Ки только через прикосновения и мало что понимал в получаемых данных.

Когда Ки вернулась, я почувствовал голод дерева, вот только оно не хотело ни воды, ни солнца, ни удобрений. Ему нужна была магическая подпитка.

Посмотрев на женщину, на ее бледное лицо, я решился помочь ей и влил Ки в дерево – примерно сто единиц. Саженец вздрогнул, на верхней ветке внезапно набухла толстая синеватая почка, и оттуда проклюнулся крошечный листик, словно отлитый из металла.

Толстуха радостно всплеснула руками:

– Ой, новый листик! Что ты сделал? Что ему нужно? Оно теперь вылечилось?

– Вы купили уникальное дерево, – улыбнулся я. – Оно не болело, просто вы не давали ему то, что нужно. Для роста и развития его необходимо подпитывать магией. Советую вам приобрести магические кристаллы и раз в день передавать ему Ки. Иначе оно так и останется на прежнем уровне.

Женщина замерла на секунду, а потом разразилась потоком ругани. Впрочем, ее гнев был направлен не на нас – хозяйка сада ругала своего недоумка-мужа, который купил такое дорогое и неудобное дерево за бешеные деньги, и ушло-го торговца, который «забыл» упомянуть условия развития.

Когда женщина выплеснула гнев, она обернулась ко мне и искренне поблагодарила:

– Я не рассчитывала, что такой молодой человек сможет найти причину болезни. Твоя помощь и отданная дереву Ки стоят гораздо больше одного яблока, поэтому я немного компенсирую затраты.

С этими словами она подошла к ближайшим яблоням и собрала целую сумку яблок.

– То, что ты сорвал, росло на молодой яблоне, поэтому оно совсем невкусное. Попробуй вот эти яблоки, они с лучших деревьев. Мы продаем их только в Белый и Красный районы, и я уверена, что ничего подобного ты в жизни не пробовал.

Я поблагодарил женщину, взял яблоки, и мы с Байсо вернулись на тропинку.

Глава 8

Мы прошли всего несколько метров, как неугомонный мальчишка дернул меня за рукав:

– Шико, угости яблоком.

Я улыбнулся и протянул ему то самое, первое яблоко, с которого все и началось. Байсо надулся:

– Я не это хотел. Таких я уже, наверное, штук сто съел. Дай мне то, которое с лучших деревьев.

– А не много ли ты хочешь? В конце концов, я получил их за свою работу, а что сделал ты?

– А я... а я... Между прочим, если бы не я, эта тетенька не пришла бы нас отругать, не позвала бы тебя поработать, и ты бы не получил эти яблоки. Так что могу смело сказать, что ты получил их благодаря мне.

Я даже растерялся от такой наглости, а потом рассмеялся. Байсо недаром ценился за длинный язык: никто, кроме него, не смог бы обернуть ошибку в заслугу.

– Держи, болтун. Только я тебя очень прошу, больше не делай таких глупостей, нам все же нужно успеть добраться до места вовремя. И когда уже мы доберемся до зверопитомника? Почему этот район такой бесконечный?

Байсо захрустел яблоком, закатывая от удовольствия глаза:

– М-м-м, какой потрясающий вкус, какая сочность...

Сладкое, словно мед ешь. Шико, ты сначала съешь мое яблоко, а потом уже это, иначе ты больше никогда не захочешь попробовать обычные фрукты. А Зеленый район – да, он самый огромный из всех. Я бы сказал, что его размер как у остальных районов вместе взятых. Чтобы прокормить всех жителей города, нужно очень много земли.

Я последовал совету моего друга – сначала откусил от обычного яблока. Почему-то я думал, что оно будет на вкус как сладкая репа или дайкон, но оказалось, что несмотря на свою твердость, оно гораздо вкуснее, легче грызется, и его свежий ароматный сок прекрасно освежает. А потом я взял элитный фрукт.

Такого я еще никогда не ел. Иногда мама баловала меня, покупая прошлогодний засахарившийся мед, но разве может его сладость сравниться с тем сочным взрывом, что ощущал сейчас мой язык? Словно я ел не одно из миллионов яблок, выращиваемых в садах Зеленого района, а вкушал небесную амброзию. Байсо был прав, после такого яблока разве смог бы я оценить вкус обычного плода?

Мы шли еще около часа. Друг развлекал меня историями из своей жизни, называл различные растения, мимо которых мы проходили, всячески дурачился. Но после очередного сада я заметил, что дальше пошли поля, засеянные неизвестным растением с мелкими желтыми цветочками. Запах от него шел одуряюще густой и острый, словно в него набросали много-много жгучих пряностей.

Байсо вытащил из котомки маски, одну дал мне, а вторую повязал себе на лицо. Из-под нее голос звучал немного глуше:

– Еще немного осталось. Мы дошли до разделительной полосы. Это растение называется жгучий джен, и всех магических животных, выращиваемых в городе, приучают бояться этого запаха. А так как он поднимается в небо на сто метров, то большая часть зверей не может пересечь линию без специальных повязок. Это сделано ради безопасности жителей.

– А почему такую траву не посадить возле Черного района? Это бы облегчило жизнь тамошних жителей.

– Ты не понял, – пояснил Байсо, – сам по себе этот запах неприятен, но не опасен. Он не вызывает болезней или отравлений, с чего бы лесным животным его бояться? Только прирученные звери с самого детства знают, что следом за этим запахом обязательно последует боль. Так их дрессируют. Все жители Зеленого района, чья работа связана с магическими животными, обязательно носят на шее мешочек, в котором хранят засушенные цветы жгучего джена. Иначе как бы они могли гарантировать сохранность своей жизни рядом со столь сильными зверями?

– Может, нам тогда стоит тоже собрать эти цветы?

– А зачем? Мы же не будем входить в вольеры, а только посмотрим снаружи.

Я все же решил собрать немного цветов. Вместо того, что-

бы завязать маску на лице, я спрятал в нее цветы жгучего джена и усилил магический фильтр воздуха. Я сделал это не из-за недоверия к словам Байсо и не потому, что считал, будто нам грозит какая-то опасность. Я и сам не знал, зачем это сделал.

Полоса жгучего джена была не столь широка, и мы быстро вышли к первым загонам. Это были простые деревянные брусья, уложенные горизонтально и прикрепленные к столбам. За таким примитивным забором мирно паслись вилороги, крепкие и красивые животные, которых используют как тягловую силу. Я часто видел таких в городе, на них развозят продукты в лавки и прочие вещи.

Затем мы прошли мимо высокой изгороди, в которой, впрочем, были щели. Через них мы полюбовались на могучих яков, миролюбивых гигантов, достигающих в холке двух метров. Одно такое животное, по словам Байсо, может тащить за собой повозку с двумя тоннами груза. У них был только один минус – они очень неторопливые. Даже ребенок может обогнать их шагом.

Друг начал подпрыгивать на ходу, поторапливая меня:

– Там дальше пойдут уже хищники и магические звери. Давай скорее. Что смотреть на этих яков? Один раз увидел – считай, что все про них уже знаешь.

Я улыбнулся и ускорил шаг, но Байсо был неправ. Несмотря на массивность и неуклюжесть, яки не показались мне скучными или обычными животными. Когда я смотрел на

них, один как приподнял лобастую морду и глянул на меня – я готов был поклясться, в его круглых глазах промелькнула усмешка. Словно животное в загоне пожалело меня.

Мы прошли мимо загонов хищных кугуаров, ездовых птиц нанду и почти добрались до вольеров с гепардами, как навстречу нам выскочил всадник верхом на гепарде. Он закричал:

– Студенты? Что вы тут делаете? Бегите за жгучий джен! Мехохвост сбежал! – по голосу я понял, что это была девушка, только в мужской одежде. Как только она выкрикнула это, то развернула гепарда и помчалась обратно.

Я бросил взгляд на Байсо: тот стоял с лицом, побледневшим в цвет волос, и его губы тряслись от ужаса.

– Байсо? Что за мехохвост? Он опасен?

Мальчишка схватил меня за руку и попытался дернуть в обратную сторону, но я не двинулся с места. Если мы вернемся, то точно не успеем к нужному сроку.

– Шико, бежим! Прямо сейчас! Ме-ме-мехохвост – это хоть и низкого уровня, но магическое животное. Оно умеет выпускать молнии своим хвостом. И оно очень быстрое. Очень!

– Тогда мы просто не успеем добежать до жгучего джена, разве не так?

– А что ты предлагаешь?

– Спрячемся в загоне! – решительно сказал я. – Если выбирать между нанду и гепардами, кто безопаснее?

Байсо посмотрел на меня, как на сумасшедшего, но ответил:

– Гепарды, наверное. Нанду очень ревностно относятся к своей территории и готовы запинать любого, кто к ним зайдет. А гепард набросится только в том случае, если почувствует непосредственную опасность для своей жизни.

– Тогда вперед к гепардам.

Так как гепарды не могли высоко прыгать, то забор у их вольера был всего около двух с половиной метров. Я подобрал Байсо наверх, а сам направил Ки в колени и подпрыгнул, самостоятельно забравшись на забор.

– Может, останемся здесь? – предложил я. – Мехохвост нас тут достанет?

– Нет-нет, надо вниз и подальше от забора. Он небольшой, но очень юркий и хорошо лазает. Их обычно держат в клетках по одному, – с этими словами Байсо сполз на другую сторону и осторожно начал продвигаться вглубь загона, оглядываясь по сторонам.

Насколько я мог видеть, поблизости гепардов не было, но учитывая их скорость, они могли появиться в любой момент.

– Байсо, – окликнул его я, – возьми. – и кинул ему мешочек со жгучим дженом. – Я пока посижу здесь. Хочу взглянуть на мехохвоста.

Мальчишка кивнул и, вжав голову в плечи, пошел дальше. Мда, он так уверенно ведет себя в городе и с людьми, но так боится всего, что связано с природой и Лесом! Я же

не чувствовал опасности, может, потому что не знал ничего о мехохвосте, а может, потому что Мастер научил меня способам справляться с дикими животными.

На всякий случай я начал подготавливать защитные печати. Сидя на заборе, я рисовал в воздухе золотые линии, скрепляя готовые печати в одну небольшую формацию.

Когда мини-массив уже был почти готов, впереди послышались крики и пронзительный визг. Из клубов пыли вылетело существо размером с козу. Цвет я разобрать не мог, так как двигалось оно очень быстро и было полностью покрыто пылью и землей. Только огромный пушистый хвост, который был вдвое длиннее хозяина, яростно метался из стороны в сторону.

За мехохвостом выскочили три всадника на гепардах с короткими копьями в руках. В одном из всадников я узнал ту девчонку, что предупредила нас чуть ранее.

Один из гепардов перемахнул через мехохвоста и преградил ему путь. Загнанное в угол животное странным образом изогнуло хвост, сложив его пополам, затем резко распрямило его, и из мехового кончика вылетела молния, ударив гепарда в переднюю лапу. Хищник взмотнул головой и жалобно взревел, его наездник прижал руку к холке и что-то шепнул.

Остальные всадники подскакивали к мехохвосту, взмахивая копьями, но проворное животное, вновь сложив хвост, успевало каждый раз повернуться к нападающему задом,

угрожая выстрелить.

Мне стало жаль мехохвоста: он был так умен и бесстрашен; отчаянно сражался за свою свободу, не сдаваясь даже превосходящим силам. Но помочь ему я не мог.

Маленький зверь вертелся между гепардами, изредка выпуская молнии и рана нападающих. В какой-то момент мехохвост высоко подпрыгнул и ухитрился попасть молнией во всадника, волей случая это оказалась та самая девчонка.

От удара она потеряла сознание, и ее тело безвольно свесилось с седла. Я заметил, что на ее бедрах были закрепляющие ремни, удерживающие ее в седле, впрочем, учитывая скорость и размах движений гепардов, дополнительные ремни безопасности точно не были лишними.

Другой всадник крикнул:

– Минь-эр ранена. Нужно отвезти ее к врачу.

– А что делать с мехохвостом? – спросил третий.

– Дальше жгучего джена он все равно не уйдет. Отвезем Минь-эр и вернемся.

Один всадник взял гепарда девушки за уздечку, а второй поехал рядом, придерживая ее за плечи. Спустя несколько мгновений они исчезли.

Послышался напряженный шепот Байсо:

– Ну что, он ушел?

Я помотал головой, не отводя глаз от мехохвоста. Животное замерло посреди дороги, словно растерявшись от внезапного исчезновения преследователей, и только сложенный

пополам хвост чуть подрагивал от напряжения.

Мех на макушке мехохвоста зашевелился, и беглец повернулся ко мне. Шерсть его вздыбилась, он раскрыл пасть, усеянную мелкими острыми зубами, зашипел и прыгнул в мою сторону. От неожиданности я чуть не свалился с забора, едва успев выставить перед собой защитную формацию, созданную ранее.

Звереныш с размаху ударился в невидимый ему барьер и отлетел назад. Он вскочил на лапы, развернулся, напряжил хвост и выстрелил молнией – попасть в меня было гораздо легче, ведь в отличие от гепардов я сидел на одном месте.

Но и молния ударилась в массив, бессильно рассыпавшись на искры. Мехохвост снова зашипел. А я лихорадочно думал, что мне делать. Силы массива хватит еще на одну молнию, но потом я буду зажарен прямо на заборе.

Увидев складывающийся хвост, я спрыгнул на дорогу. Прямо к мехохвосту. За спиной раздался испуганный возглас Байсо, но я вытянул руку и медленно пошел к вздыбившемуся животному. Мехохвост угрожающе зашипел, распушил длинный хвост, словно легендарный дракон из древних времен. Я же продолжал осторожно идти вперед:

– Привет! Ты мехохвост? Я впервые вижу такого удивительно зверя, как ты. К тому же ты умеешь пользоваться магией. Ты невероятен. Вот только сколько молний ты уже выпустил? Семь или восемь, верно? Если ты продолжишь так бездумно тратить свою Ки, то можешь погибнуть. Разве ты

этого хочешь?

Мехохвост зачарованно слушал мои слова, чуть повернув голову набок, и не заметил, как я приблизился к нему на расстояние вытянутой руки. Если бы он захотел, то смог бы мгновенно отскочить на несколько метров. Но он продолжал стоять, чуть подрагивая кончиком хвоста.

– Хочешь, я поделюсь с тобой Ки? – шепнул я, вновь протягивая руку вперед. – Если хочешь, то дотронься до моей руки.

Зверь втянул воздух, впитывая мой запах, резко фыркнул и отступил шаг назад.

– Да, мои руки пахнут жгучим дженом, но я не причиню тебе боль. Ты и сам это знаешь. Так поделиться с тобой Ки?

И я сделал вид, что хочу убрать руку. Мехохвост еще раз фыркнул и неожиданно уперся лбом в мою ладонь. Его шерсть была мягкой-мягкой, словно нежнейший пух. Я влил в мехохвоста немного Ки, единиц двадцать, и одновременно запустил возвратную Ки для анализа.

Насколько я знал, для создания даже несильной молнии необходимо около пятидесяти единиц магической энергии, а с учетом моей эффективности это потребует более семисот единиц Ки, никаких кристаллов не хватит. Поэтому боевые маги редко использовали молнию в качестве атакующей магии, лично я о таком вообще не слышал.

Вот почему меня так заинтересовал этот зверь. Даже если допустить невероятную вещь, что мехохвост имеет стопро-

центную эффективность, на один удар молнии ему потребуется пятьдесят единиц Ки, а ведь он гораздо меньше человека, и такой объем отнимет всю его жизненную энергию за один удар.

Когда анализирующий пучок Ки вернулся ко мне, я был поражен до глубины души: мехохвост к этому моменту потратил семнадцать единиц энергии. С одной стороны, после семи молний его затраты были потрясающе малы, с другой стороны, этот зверь выложил за один бой более тридцати процентов своей Ки. Конечно, оставалась вероятность, что я неправильно оценил его изначальную жизнеспособность, но вряд ли отклонения могут быть столь большими.

Я влил в него еще немного Ки и присел на корточки, не убирая руку с его головы:

– Так ты отчаянный боец, оказывается. Так хочешь жить на свободе, что готов умереть, сражаясь за нее? Учти, там, куда ты идешь, очень много жгучего джена и очень много людей. Ты не сможешь выбраться с той стороны.

Тут я услышал шум и обернулся. В загоне для гепардов Байсо практически вжал свое лицо в щели:

– Шико, ты чего? С мехохвостом разговариваешь? Он тебя еще не сожрал?

Мехохвост мгновенно отпрыгнул назад и угрожающе раскрыл зубастую пасть в сторону друга.

– Нет, не злись. Это Байсо, и он боится тебя до мокрых штанишек.

– Чего? Кто там еще боится? – обиделся мальчишка, но перелезть к нам не стал. А я продолжил шептать мехохвосту. Почему-то я был уверен, что он меня понимает.

– Попробуй затаиться где-нибудь, например, в загоне для яков. А когда все утихнет, разведай местность и тогда уже убегай. И могу я попросить тебя об одной милости? Выпусти, пожалуйста, одну молнию. Я хочу понять, как ты это делаешь. Затраты в Ки я тебе возмещу.

Мехохвост повернулся ко мне боком и мягко взмахнул хвостом, на секунду коснувшись мехом моего лица. Шерсть на хвосте была совершенно другой – жесткой, колючей, словно там были не волоски, а упругая щетина.

Хвост медленно сложился пополам – нет, его кончик лег на тело. Затем хвост медленно начал выпрямляться, и кончики шерстинок на нем начали потрескивать. Я заметил крошечные искорки, проблескивающие в тот момент, когда хвост проскальзывал по меху на теле. Одна такая искорка внезапно укрупнилась и полетела в воздух.

После этого мехохвост легонько толкнул пушистым лбом мое плечо и в мгновение ока взлетел на забор к гепардам. Оттуда стрелой вылетел Байсо и побежал ко мне:

– Что это? Что это было? Ты говорил с мехохвостом? Это ты ему сказал напугать меня? Его ж теперь никогда не поймают. Ты о чем вообще думал? Эй! Эээй!

А я сидел там же, до глубины души пораженный тем, чему меня научил этот забавный зверь. Я выпрямился и отвесил

поклон в сторону мехохвоста. Отныне для меня он навсегда стал учителем, вторым после Мастера.

Мы продолжили путь. Байсо о чем-то вдохновенно вещал, мимо промчалась группа всадников, затем они же вернулись назад, перекинулись парой фраз с моим другом... Мы прошли мимо нескольких десятков загонов, Байсо то и дело тыкал в плечо и кричал: «Посмотри, какие чудовища!».

А я шел и думал о том, что показал мехохвост. В магии самая затратная и сложная часть – это задать импульс, создать что-то из ничего.

Например, мое первое заклинание, полученное от Мастера, отпугивающее насекомых. Несмотря на незначительность и малую емкость, для его запуска все равно требовался кристалл, а вот поддерживать его я мог бесконечно долго и с ничтожными затратами, а также мог усилить воздействие, ослабить, распространить на попутчика.

Это немного похоже на вытягивание телеги из грязи: сложнее всего начать движение, именно поэтому возчики спрыгивают на землю и помогают толкать, но как только колеса начинают вращаться, их помощь уже не нужна.

Также дело обстоит и с заклинаниями. С учетом моей эффективности я могу создать молнию, только обложившись мощными кристаллами. Но что если молния будет создана не магическим путем? Сколько энергии потребуется для ее развития и усиления? Намного меньше. И что особенно важно для меня – эту энергию можно выдавать порциями, а не

одномоментно.

Мехохвост мог создавать электрические искры, потеряв хвостом о туловище. У меня не было ни хвоста, ни шерсти, зато я умел думать.

Не обязательно заикливаться на молнии. Это знание можно распространить на другие виды заклинаний. Все-таки мне очень не хватало полноценного образования, и Мастер был прав, что отправил меня учиться. Хотя... неужели он не смог бы научить меня всему, что нужно?

А что всегда есть под рукой? Можно высечь огонь при помощи камней... А больше ничего в голову не приходило.

Байсо уже некоторое время молчал, не получая от меня никакой реакции на свои слова, и от скуки он тихонечко зашвистел какую-то мелодию. Я остановился и отчаянно пытался ухватить мысль, только что промелькнувшую в голове. Вот оно!

Я вытянул губы, подул и направил немного Ки в воздушный поток. Серая пыль на дороге взметнулась и понеслась вперед, но через несколько метров вновь улеглась.

Байсо обернулся:

– Эй, что это? Ветер?

– Брат, отойди немного в сторону, я кое-что попробую.

Мальчишка шустро шмыгнул мне за спину, а я еще раз подул и выделил чуть больше Ки, вкладывая каждую секунду свой максимум. Трава вдоль дороги всколыхнулась, потом легла под сильным порывом ветра, пыль смело напрочь,

стихли стрекочущие насекомые, через несколько сотен метров из кустов вынесло птичек.

Я радостно улыбнулся, в душе снова воздавая благодарности своему второму учителю – мехохвосту. Пока не знаю, как можно это использовать в бою, но сам факт того, что я смог открыть новый аспект в магии самостоятельно, меня восхищал.

Через час Байсо остановился около небольшой рощицы и торжественно объявил:

– А теперь, многоуважаемые и достопочтенные господа, вы увидите место, где собираются караваны в дальние места, где самые лучшие воины города соревнуются друг с другом за право охранять толстопузых торговцев, где выявляются невиданные таланты и умирают мечты.

Я рассмеялся из-за его важного и напыщенного вида. Но когда мы прошли сквозь рощу, я понял причину такого поведения.

На просторной поляне размером с половину Черного района стояла огромная арена, огороженная металлической решеткой, вокруг нее выстроился круг из сидений, и все они были заполнены людьми. Там сидели мощные и упитанные жители Зеленого района, их румянощекие жены и дочери, мелькали зеленые одежды студентов, я заметил и белые одежды благородных, и черные – мастеровых из Железного района. Неподалеку от арены в клетках бесновались дикие звери.

Байсо выдохнул:

– Успели. Они еще не начали. Быстро, подойди вон к тому мужчине с красным пером и скажи ему, что ты хочешь наняться в охрану. Скорее, а то прием заявок закончится.

Я бросился бежать, так как возле Красного Пера стоял всего один человек, и Красное Перо уже хотел свернуть свиток.

– Подождите! – крикнул я. – Запишите меня! Я тоже хочу в охрану.

Зрители, заскучавшие перед началом отбора, услышали меня, кто-то рассмеялся и закричал: «Быстрее, малыш!», кто-то презрительно фыркнул и отвернулся, но многие от скуки принялись свистеть, подбадривая меня.

Я чуть вкинул Ки в мышцы ног, мгновенно пересек площадь и оказался возле Красного Пера. Тот окинул меня взглядом и спросил:

– Ты хочешь вступить в охрану каравана? Мальчик, не смейся народ, иди лучше учиться.

– Я твердо решил. Мне уже шестнадцать лет, и я имею право стать охранником.

– Право ты имеешь, а силенок-то тебе хватит? – усмехнулся Красное Перо. – Знаешь, что и опытные мужчины получают ранения на подобных отборах? А сегодня отбор будет еще более сложный, ведь караван идет не куда-то, а в столицу! Знаешь ли ты, сколько человек пришло участвовать в отборе? Семьдесят восемь. С тобой будет семьдесят девять.

А возьмут всего лишь десятерых.

– Почему так мало? – удивился я. Неужели торговый караван сможет пройти через леса с таким количеством человек?

– Потому что у каждого торговца есть постоянный штат охраны, а здесь они добирают людей вместо тех, кто погиб при предыдущем переходе. И подумай немного, кого они будут ставить на самые опасные места: новеньких или давно знакомых людей?

Я понимал, что этот человек изо всех сил старался отговорить меня ради моего же блага, но не мог отступить:

– Я все равно хочу участвовать в отборе. Запишите меня. Тот покачал головой, но взял перо в руку:

– Назови свое имя.

– Шико.

– Плохой вариант. Если по-настоящему хочешь, чтобы тебя взяли, ты должен запомниться и понравиться вон тем господам, – он показал на людей в первом ряду. Байсо в своей шутовской речи назвал торговцев толстопузыми, но я видел только обычных мужчин с суровыми лицами, некоторые были широкоплечими и мускулистыми, как охотники из Черного района, некоторые – сухощавыми и жилистыми, но жирных, изнеженных или слабых я среди них не заметил.

– Тебе нужно взять какое-нибудь громкое и яркое имя.

– Юсо Шен.

– Зеленый Шен? Забавно, – кивнул Красное Перо и внес

мое имя в список. – Пока можешь присесть сзади. Когда объявят твое имя, выйдешь на арену.

Глава 9

Не успели мы с Байсо усесться в задних рядах, как на арену вышел Красное Перо и громко объявил:

– Завтра в семь утра из северных ворот города выйдет караван в столицу, первый в этом году. За время его предыдущего путешествия по опаснейшим местам погибло десять человек, десять отважных и сильных мужчин. И господа торговцы готовы дать вам шанс показать свою храбрость, мастерство и упорство. Но только самые лучшие, самые умелые, самые талантливые смогут присоединиться к каравану и увидеть столицу! – с последними словами мужчина изящно поднял руки вверх, и зрители бешено заплодировали.

Красное Перо выдержал паузу и продолжил:

– Первым испытанием станет проверка магического сопротивления. Все вы знаете, что Лес за стенами города кишит всевозможными тварями, даже растения и насекомые могут убить вас. И зачастую животные используют не только клыки и когти, но и магию. Те участники, чей талант равен или выше двадцати семи, освобождаются от участия в испытании и проходят в следующий тур. Итак, участники с талантом от двадцати семи, пройдите вперед и покажите ваши печати.

Один за другим мужчины подходили к Красному Перу и показывали мускулистые плечи. У девяти человек были та-

ланты в двадцать семь-двадцать девять, у трех – в тридцать единиц, а один человек был с талантом аж в тридцать две единицы. Зачем он решил пойти в охрану каравана, когда и так мог найти отличную работу в городе?

– Остальных участников прошу выйти на арену. Вам даётся десять минут на подготовку любого вида магической защиты.

Я вышел на арену и встал справа, в самом конце длинного ряда участников. Хотя я за последние месяцы окреп и подрос настолько, что мог выдавать себя за шестнадцатилетнего, на фоне взрослых крепких мужчин я казался замухрышкой.

Зрители тоже обратили на это внимание:

– Уберите мальчика. Он же поранится, – крикнула дородная женщина с добрыми глазами.

– Сопляк, вали к мамочке!

– Только штанишки не потеряй!

Студенты на зрительских местах поддерживали меня криками, махали зелеными ветками в цвет формы. Байсо яростно переругивался с места со всеми, кто меня оскорблял:

– Сначала сам свои сопли утри. А ты на его штанишки не заглядывайся, извращенец. Женщина, не переживайте, мой друг даже мехохвоста не испугался, что ему какое-то глупое испытание?

Стоящий рядом мужчина запыхтел, как кипящий чайник, его лицо потихоньку наливалось краской, жилы на загорелых руках выступили и стали похожи на извивающихся змей. Я

вспомнил, что нам дали десять минут на магическую защиту, сосредоточился и начал рисовать печати, формируя простой магический массив, тот же, что я использовал против мехохвоста. Он состоял всего из четырех печатей среднего уровня.

Как и советовал Мастер, я вытащил заряженный кристалл и использовал его энергию, демонстрируя посторонний источник Ки.

После первой же удачно созданной печати студенты радостно зашумели, после второй – затопали и засвистели, во время третьей печати они зашикали на прочих зрителей, опасаясь сбить мой настрой. Четвертая печать рисовалась в полной тишине.

А когда все печати слились воедино, образовав массив, и я поднял глаза, то увидел ошарашенные лица. Даже владельцы каравана удивленно подняли брови. Один из них, пожилой мужчина с обритой головой, негромко спросил у своего соседа:

– Что это он сделал? Неужели это магический массив? Сколько лет этому мальчику?

Студенты взорвались криками восторга и с презрением обрушились на тех, кто посмеялся надо мной вначале. Возглавил эту бучу, конечно, Байсо, умудряющийся одновременно и свистеть, и издеваться над другими зрителями, и кричать мне: «Брат, ты всех победишь!».

Неужели тут такие представления происходят постоянно?

Десять минут закончились. Один из торговцев встал перед ареной, взял крупный, единиц на сто, кристалл и вытянул руку в нашу сторону.

Прошла минута, вторая, красный мужчина рядом со мной застонал и упал на колени, закрывая голову руками, еще через несколько секунд отлетел назад другой участник. Один за другим кандидаты в охранники вылетали из линии.

Я же стоял спокойно, прикрытый защитным массивом. Он мог выдержать даже прямой удар копьём, так что с небольшим магическим давлением справлялся легко.

Когда в ряду осталось всего несколько человек, торговец опустил руку. Кристалл в его руках потускнел, но все еще пульсировал голубым светом. Красное Перо вышел вперед, одновременно вычеркивая из списка выбывших, и огласил:

– Во второй раунд прошло еще тринадцать человек. Поздравляю. Проигравших прошу уйти с арены.

– Я не согласен! – закричал один из упавших, с трудом поднимаясь на ноги. – Этот мальчишка не мог пройти испытание. У него наверняка дорогой защитный амулет за пазухой, подаренный заботливой мамочкой.

– А-ха-ха, – расхохотался Байсо с трибуны, – неудачник! Слабак! Даже проигрывать с достоинством не умеешь.

Торговец, проводивший испытание, поднял руку в знак тишины и спросил:

– Ты пришел на испытание с оружием?

– Конечно! – приосанился мужчина. – Я взял свой люби-

мый топор из дуба и черного железа. Он был выкован в Железном районе одним из лучших мастеров.

– Если бы ты сражался на арене с диким зверем, ты бы взял свой топор или дрался с ним голыми руками?

Мужчина кое-что начал понимать, но все равно ответил:

– Взял бы топор...

– Правильно. Каждый участник использует все, что у него есть, и не думает, честно это по отношению к другим или нет. Поэтому если у этого юноши есть защитный амулет, то он может им пользоваться. Но я не думаю, что у него есть такая вещь, верно?

Я кивнул. Проигравший мужчина не сдавался:

– Да как его защита поможет в Лесу? Как он сможет отбить нападение волка или лисицы?

Торговец усмехнулся:

– Хорошо, разрешаю тебе один раз ударить этого юношу. Если он выстоит, ты убираешься с арены и больше никогда не претендуешь на должность охранника каравана. Если он проиграет, то ты займешь его место. Устраивает такой расклад?

Байсо не выдержал, слетел со своего места и схватил торговца за рукав:

– Эй, так дела не делаются!

– Ты кто такой? И почему влезаешь не в свое дело? – отдернул руку торговец.

– Я его старший брат, Байсо.

Все вокруг рассмеялись, ведь Байсо было всего двенадцать лет, и он мне даже до плеча не доставал, но при этом утверждал, что является старшим братом.

– Дяденька, смотрите сами. Мой брат уже прошел во второй раунд, а сейчас вы хотите рискнуть его жизнью, – затараторил мальчишка.

– Ты не уверен в своем брате?

– Нет, дело не в этом. Но ставки слишком невыгодные для моего брата. Если он проиграет, то выбывает из соревнования, а если выигрывает, то не получает ничего. Ведь он и так прошел во второй раунд. Зачем тогда ему ставить свою жизнь и здоровье на кон?

Торговец расхохотался и потрепал Байсо по голове:

– А ты хорош. Настоящий торговец! – и посмотрел на спорившего мужчину. – Малыш прав. Если его брат проиграет, то ты получаешь отличную возможность пройти дальше. Но что если он выиграет? Что ты готов поставить на кон?

– Свою жизнь, – гордо сказал мужчина, выпячивая грудь.

Байсо небрежно махнул рукой:

– Зачем нам твоя жизнь? Ты, поди, ешь больше, чем зарабатываешь.

Зрители в открытую засмеялись над спорщиком. Он побагровел от злости, но уже не мог отступить.

– Я... я ставлю свой топор. Если я проиграю, то отдам его.

Байсо прищурился:

– Покажи-ка его сначала. Вдруг это какой-нибудь ерундо-

вый колун из бабушкиного сарая?

Мужчина еще больше покраснел, но вытащил из-за спины большой боевой топор. Его отполированная ручка блестела на солнце, а черное металлическое острие, казалось, состояло из самой тьмы. Мальчишка цокнул языком и небрежно сказал:

– Сойдет. Братишка, постарайся там для меня, – и с этими словами уселся на место торговца прямо в первом ряду.

Я улыбнулся, повернулся к мужчине с топором и поклонился, сам же проверил запас прочности массива, его должно было хватить на один удар.

Спорщик поднял топор над головой и с громким криком кинулся на меня. По его лицу было видно, что Байсо довел его до бешенства, и он не собирался сдерживаться. Студенты вскочили с мест, боясь даже моргнуть, женщины заохали, какая-то девочка завизжала.

Мне и самому стало страшно, когда огромное черное лезвие со свистом взлетело над моей головой. Оно с силой сшиблось с невидимым барьером, массив на мгновение вспыхнул золотом и рассыпался, но свою задачу он выполнил. Мужчина отшатнулся назад, а топор от удара вылетел из рук и вонзился в пол рядом с одним из участников, едва не отрубив тому ногу.

Студенты от радости кинулись обниматься друг с другом. Но краснолицый мужчина не хотел так просто сдаваться и бросился на меня с голыми руками, яростно зарывчав. Я спо-

койно дождался сближения, подсек его ноги и уселся сверху, прижимая его голову к земле.

Торговец хлопнул в ладоши и громко сказал:

– Все видели? Как и сказал этот острый на язык мальчик, ты просто не умеешь проигрывать. Оставь свой топор и уходи с арены. Проследите, чтобы он никогда не смог участвовать в отборе, – обратился он к Красному Перу. – Мы посоветовались и решили взять этого юношу...

– Юсо Шен, – подсказал Красное Перо, сверившись со списком.

– Взять Юсо Шена в охрану каравана без прохождения следующих отборочных раундов.

– Я не согласен, – с заднего ряда поднялся мужчина лет сорока с неровным бугристым шрамом во всю щеку. Я невольно задумался, мог ли он просовывать язык в дырку, когда ему только нанесли рану, но содрогнулся, как только представил это.

– Ну что еще? – Красное Перо нахмурился.

– Мест всего десять, и вы хотите отдать одно из них этому мальцу? На основании чего? Да, он неплох в массивах, но с чего вы взяли, что среди нас, прошедших во второй раунд без проверки, нет лучших?

Другие претенденты вокруг согласно зашумели. Я их понимал и даже в чем-то был согласен. Обритый налысо торговец встал, неторопливо вышел вперед и повернулся лицом к зрителям:

– Когда мы ведем караван по еле заметным тропам, пробираем путь сквозь логова чудовищ, сражаемся с разбойниками, делим еду на привалах и по очереди дежуриим по ночам, как думаете, чего мы ждем от наших охранников?

– Силы и бесстрашия! – гордо заявил Шрам.

– Надежности и честности! – крикнул другой участник.

– Бессонницы, – пошутил один из студентов.

Бритый с улыбкой покачал головой:

– Дисциплины! Быстрого исполнения приказов. Без сомнений. Без раздумий. Без ненужных советов. И сейчас ты решил оспорить наше решение. Как думаешь, сможешь ли ты пройти отбор?

Шрам стиснул зубы и сел на место. Другие несогласные тихонько радовались, что не они высунулись с претензиями, впрочем, я готов был поклясться, что Бритый запомнил их всех.

Байсо подскочил на месте, подошел ко мне и зашептал на ухо:

– Слушай, Шико, то есть, Шен, ты уверен, что сможешь пройти все раунды?

Я кивнул:

– Мастер сказал, что я легко пройду отбор. Я верю Мастеру.

– Тогда я сейчас кое-что организую, ты, главное, молчи и соглашайся, хорошо?

– Байсо, что ты... – но коварный мальчишка уже убежал

к Бритому и что-то горячо зашептал ему. Торговец внимательно его выслушал, усмехнулся и сказал:

– Давай, старший брат. Но учти, ты берешь на себя ответственность за последствия. И если проиграешь, вини только свою самоуверенность.

– Мой младший братик точно победит, – гордо заявил Байсо и поднялся на арену. Люди вокруг зашумели, не понимая, что происходит. Студенты радостно засвистели, приветствуя мальчишку в зеленой форме.

– Я слышал, что некоторые тут не согласны с тем, что мой брат уже прошел отбор. Что ж, тогда я предлагаю вам ту же сделку, что и раньше. Каждый, кто сомневается в силе Шена, может сделать ставку. Если Шен проходит раунд, то ваша ставка становится нашей.

– А если он проиграет?

– Мы со своей стороны также сделаем ставку. И если Шен проиграет, то освободится одно место, а наша ставка станет вашей.

– Да что вы можете поставить? Мальчишки, – фыркнул Шрам.

– Как что? – нарочито удивился Байсо. – У нас есть отличный боевой топор, изготовленный в Железном районе лучшим кузнецом. Рукоять из крепкого дуба, лезвие из черного железа, которое, как известно, считается идеальным материалом для оружия. Не тупится, не ломается, устойчиво к магии разрушения. Неизвестно еще, будет ли у вас достойная

ставка?

Мужчина, проигравший топор, тихо выругался от такой наглости.

– А где гарантии, что торговцы не будут подсуживать твоему брату? – спросил кто-то из толпы.

Бритый торговец резко поднялся:

– Всех, кто не уверен в честности торговой гильдии, я прошу уйти. Как вы можете так низко ценить свою жизнь, раз хотите наняться к людям, которым не доверяете?

Все пересуды мгновенно стихли, и только бесшабашные студенты продолжали смеяться и поддерживать Байсо: им пришлось по душе его нахальство и самоуверенность.

– Итак, – продолжил мальчишка, – кто готов сделать ставку? Напоминаю, если ставки не будет, то Шен сразу занимает одно из десяти мест.

Он не просто предложил спор, но еще и выкручивал руки всем прочим кандидатам, ведь если не будет желающих рискнуть, то шансы пройти отбор резко уменьшаются.

Шрамированный мужик поднялся и угрюмо сказал:

– Готов сыграть в твою игру, мелкий.

– Меня зовут Байсо, – и белобрысый отвесил вежливый поклон.

– Забавное у тебя получается имя, Юсо Байсо, зеленый белый, – усмехнулся Шрам. – Ладно, я ставлю вот эту вещицу. Сможешь определить, что это? – и он небрежно швырнул в меня что-то небольшое. Байсо в это время стоял на

арене, за металлической сеткой, в то время как я был перед ареной, лицом к зрителям, вместе с остальными мужчинами, прошедшими первый раунд.

Я посмотрел на пойманную вещь. Это был амулет из белого золота с вкраплениями небольших магических кристаллов. По идее, из кристаллов можно вытянуть энергию, но сколько в этих частичках ее может храниться? Крохи. Значит, амулет используется для чего-то другого.

Я выпустил свою Ки для исследования и внезапно ощутил все пространство вокруг себя.

Не то чтобы до этого я ничего не видел и не слышал, но с амулетом у меня словно появился еще один орган чувств, который видел-ощущал мир с магической точки зрения. Я почувствовал все магические кристаллы и мог видеть их объем, чувствовал другие магические предметы, видел примерный талант каждого из зрителей. Самый высокий, к моему удивлению, оказался не у Бритого и не у того, кто проводил первый раунд, а у неприметного худенького торговца, сидящего с краю. Если сравнивать с талантом Шрама, то у этого парня цифра была раза в два выше, то есть не меньше пятидесяти четырех. Больше, чем у мэра города!

Я втянул Ки обратно, кивнул Байсо и передал амулет и топор Бритому на сохранение. Мальчишка встрепенулся:

– Ставка принята. Прошу начинать второй раунд, – и торжественно сошел с арены, уступая место Красному Перу.

– Благодарю, – улыбнулся Красное Перо. – Во втором ра-

унде вам нужно продержаться минуту на арене с диким животным. Для вас мы подготовили двадцать шесть зверей. Вы можете пользоваться чем угодно: оружием, магией, амулетами, можете убегать или сражаться. Условие только одно: через минуту самостоятельно сойти с арены. Если вопросов нет, прошу подойти ко мне для участия в жеребьевке. Чтобы не было сомнений в честности отбора, вы сами выберете своего противника.

Участники по одному подходили к Красному Перу и вытаскивали деревянные круглые пластинки с выгравированным изображением животного. Я получил пластину с круглым силуэтом, из которого с одной стороны высывался какой-то шип – то ли нос, то ли хвост.

Байсо подошел ко мне, посмотрел на картинку и задумчиво почесал затылок:

– Не припомню такого. Эх, сюда бы Пинь, она бы точно его узнала и назвала слабые места.

– Это было бы нечестно.

Мальчишка только фыркнул, но я продолжил:

– Как думаешь, что они проверяют в этом раунде? Силу? Магию? Скорость? Нет, Байсо, они хотят увидеть, что мы будем делать при столкновении с неизвестным животным, как быстро адаптируемся к его повадкам. Заметь, мы не обязаны драться или убивать. Вряд ли караван уничтожает всех зверей и птиц, с которыми сталкивается по дороге. Понимаешь?

– А-а-а, – протянул Байсо, – теперь я понял. Хитро! А

если бы ты уже знал такое животное? Ну представь, что ты Пинь?

– Знание – это тоже преимущество. Если ты хорошо знаком с повадками разных животных, то тем более не растеряешься.

Мы с Байсо решили не торопиться с выходом на арену и сначала посмотреть на выступления других участников. Студенты яростно замахали нам, приглашая к себе.

Я молча сел на свободное место, а Байсо зацепился языками с другими ребятами. За пару минут они обсудили и наши шансы на выигрыш, и прочих участников, а также наградили их хлесткими прозвищами. Словом, мальчишка сразу влился в коллектив.

Тем временем на арену вышел первый участник, Шрам с массивным копьём в руках. На другом конце арены открыли дверь, подтащили к ней клетку и выпустили необычного зверя. Крупный, размером с лошадь, иссиня-черный зверь, словно облитый металлом, яростно мотал головой. На кончике тупоносой морды торчал полуметровый рог, и еще два рога находились за ушами, располагаясь параллельно земле.

– Троерогой ешу! – выдохнул сидящий справа паренек.

– Ты что-то про него знаешь? – спросил я.

– Это травоядное, обитает в степях, может иногда забредать в леса, но предпочитает открытую местность. Несмотря на неудобное расположение рогов, ешу умело ими пользуется из-за расположения глаз. Он плохо видит прямо перед

собой, зато может видеть все по бокам и сзади. Говорят, он умеет фехтовать боковыми рогами не хуже двурукого мечника. Я впервые вижу его вживую, – похоже, юноша всерьез увлекался животным миром.

– Он агрессивный?

– Очень. Не терпит других животных и очищает до десяти километров вокруг своего пастбища от всех зверей и птиц крупнее курицы.

Шрам не торопился нападать, он осторожно обходил троерого ешу, держа копьё наготове. Животное стояло на месте, вода ушами и всхрапывая. Когда Шрам прошел половину арены, ешу боком прыгнул в его сторону. Выпад копья, глухой стук.

– Он его отбил, – восхитился мой сосед.

Я с замиранием сердца смотрел на поединок Шрама и ешу. Мужчина непрерывно атаковал, умело манипулируя копьем, и оно у него словно летало. Шрам то укорачивал дrevко, перебрасывая его за спину, то вытягивал во всю длину, перекрывая около трех метров, но ешу отбивал все атаки, всегда держа противника сбоку от себя. Двух полуметровых рогов ему вполне хватало для сражения с опытным копейщиком.

Зверь не замирал ни на секунду, он то отпрыгивал в сторону, чтобы избежать копья, то резко подскакивал к Шраму, используя крошечные паузы при смене хвата. Это был поединок настоящих мастеров.

Я только и слышал глухие удары от столкновений, как дробный перестук капель дождя. Как же долго длилась эта минута! К сетке уже подошли помощники, готовые загнать зверя обратно в клетку, истекали последние секунды боя, как вдруг мелькнуло черное пятно, и Шрам оказался отброшенным к самому краю. На его бедре расплзлось кровавое пятно.

Тут же на арену выскочили люди, накинули веревки на рога ешу и затащили его в подготовленную клетку. Шрам, опираясь на копье, с трудом поднялся и доковылял до выхода с арены, но только он сошел с последней ступеньки, как рухнул на землю. Кровь так и хлестала из раны.

Красное Перо объявил, что Шрам прошел в следующий раунд. А к раненому подошел торговец с необычайно высоким магическим талантом, вытащил кристалл и принялся читать заклинание, касаясь покалеченной ноги. Когда кристалл потускнел, торговец что-то шепнул на ухо Шраму и вернулся на свое место. Шрам же осторожно поднялся, раздвинул разодранную ткань, чтобы посмотреть на рану, но на ее месте остался лишь багровый шрам.

– Ого, это же Двойной Шрам, – выкрикнул один из студентов.

– Точно, дяденька Двойной Шрам, вы молодец! – поддержали его другие ребята.

– Ты видел? Нет, ты видел? – паренек схватил меня за руку. – Я читал о таком приеме ешу! Сначала он подстраивает-

ся под ритм противника, вычисляет его слабые места, а потом подрубает ноги. Видимо, Двойной Шрам действительно сильный боец, раз смог отделаться только порезом.

– Откуда ты все это знаешь? – не мог не спросить я.

Но ответил мне другой студент:

– О, ты разве не знаешь легенду зеленого факультета – Ян Ксу? Знаменитейшего книжного червя? Знатока земных и небесных тварей? Любителя мохнатых, чешуйчатых и пернатых? Я думал, его знают все в университете.

Я немного заволновался. Эти ребята приняли нас за одноклассников, но ведь мы с Байсо лишь притворялись студентами. Старший Брат мгновенно вмешался:

– А-а-а, так вот как он выглядит! А я думал, что у него из волос будут перья торчать.

– Торчали, но мы их сегодня с утра выщипали.

Ян Ксу ссутулился и опустил голову, не отвечая на насмешки.

– Слушай, а почему ты не хочешь попробовать себя в охране каравана? С твоими знаниями тебя должны с руками оторвать, – спросил я, желая подбодрить паренька. Ему на вид было лет шестнадцать, всклокоченные черные волосы закрывали пол-лица, зеленая форма сидела неловко, воротничок был перекошен и смят.

Парень сконфуженно улыбнулся:

– По правде говоря, я не очень хороший студент. Мой талант слишком низок, да и навыки в магии практически ну-

левые. Меня не выгнали из университета только потому, что все теоретические предметы я сдаю на высшие баллы, да еще преподаватель зверологии защищает меня.

– Но если бы ты мог давать подсказки охране о нападающих животных, разве это не принесло бы пользы каравану?

– Конечно, нет, – возразил Ян Ксу, – опытные торговцы знают про местных животных и растения гораздо больше, чем я. Многие книги в библиотеке написаны с их слов. Смотри, они даже смогли поймать и содержать в клетках двадцать шесть зверей в течение нескольких дней, а ведь многие из них не переносят неволи.

Я промолчал. Его слова звучали вполне логично. Торговцы, по сути, во втором раунде убивали двух зайцев одновременно. Они оценивали кандидатов и в то же время давали возможность будущим охранникам познакомиться с внешностью и повадками животных, которые встретятся в будущем.

Поэтому я подавил первоначальный порыв показать этому гению пластину с животным. Я хотел узнать свою настоящую силу. Смог бы я справиться с троерогим ешу? Без копья, без меча, с одним ножом, полагаясь на те навыки, что я приобрел на тренировках охотников? Сомневаюсь, ведь я даже движения Двойного Шрама, тьфу, Шрама не всегда мог различить.

– Смотри, это же чешуйчатый волк! – сказал Ян Ксу. На арену вышел второй участник, которого студенты уже про-

звали Шваброй. Это был худой высокий мужчина с жесткими, торчащими во все стороны волосами. Одной рукой он удерживал красный посох.

Швабра стоял в центре арены и не двигался. Чешуйчатый волк, как и Шрам в предыдущем бое, пошел по кругу, сохраняя трехметровую дистанцию. Ян Ксу бормотал себе под нос:

– Волк – очень осторожное животное, к тому же предпочитает жить в стае. Если не загонять его в угол, то один он не нападет, скорее убежит и позовет своих друзей.

Целую минуту волк кружил по арене, а Швабра оставался на месте, следя за тем, чтобы волк не пробрался к нему за спину. В итоге мужчина без малейшей царапины прошел в следующий раунд.

Один за другим участники поднимались на арену, Ян Ксу давал бесценные комментарии, которые помогали понять о каждом животном гораздо больше, чем я сумел бы увидеть сам. Девять мужчин выбыли, и все они были из тех, кто проходил со мной первый раунд, то есть с низким магическим талантом. Я удивился такой статистике, ведь никто, кроме меня, не использовал магию для прохождения отбора.

Когда я спросил у Ян Ксу, знает ли он, почему так получилось, студент сразу ответил:

– А ты не заметил ничего необычного в их боях?

Я мысленно прокрутил все выступления:

– Хмм, вроде бы нет. Разве что выбывшим попались очень

агрессивные звери, которые напали сразу после выхода на арену.

– Все верно, только дело не в выбранных животных, а в самих участниках. Дело в том, что леса кишат опасностями, и даже безобидный на вид цветочек может быть смертоносным. Почти все животные для сохранения своей жизни научились определять магический талант. Словом, они видят мир не только глазами, ушами и носом, но и магически. У проигравших талант невысок, поэтому звери считают их слабыми и нападают без опаски. Швабра, к примеру, явно талантлив, поэтому чешуйчатый волк так и не рискнул к нему подобраться.

– А разве не было бы выгоднее каравану набрать в охранники людей с максимально высоким уровнем таланта? И животные держались бы подальше...

– Так-то оно так, – кивнул Ян Ксу. Сейчас он совсем не казался нелепым и зажатым. Стоило коснуться его любимой темы, как он ожил, расправил плечи, глаза заблестели. Он точно понравился бы Мастеру. – Но люди с высоким талантом предпочитают выбирать более спокойные профессии, да и магически талантливые люди могут быть неуклюжими, нерасторопными, могут плохо обращаться с оружием, так что торговцы подбирают людей согласно их навыкам, а не природным данным.

Наконец подошла и моя очередь. Бритый торговец предложил мне взять с собой выигранный топор, но я отказался.

Хоть Хион У и учил меня обращению с топором, специалистом я так и не стал.

Небольшая заминка – и на арену выкатился большой меховой шарик диаметром около шестидесяти сантиметров. Ни морды, ни лапок не видно. Кто-то из зрителей фыркнул:

– Повезло этому Шену, какая-то ерунда досталась.

Согласно теории Ян Ксу, этот шарик уже определил, что мой талант на уровне табуретки, и должен напасть, так почему же он медлит?

– Берегись, – услышал я пронзительный крик Ксу и сразу метнулся в сторону. В нескольких сантиметрах от лица что-то промелькнуло и со звоном врезалось в сетку, огораживающую арену. Я ошарашенно обернулся. На полу лежал трехсантиметровый острый шип. Если бы я не отпрыгнул, то уже был бы мертв.

Спустя еще десять секунд шарик выстрелил снова, я только и успел заметить, как он резко крутнулся перед выстрелом. Если он продолжит стрелять с такой же частотой, то мне нужно пережить еще четыре шипа. Но почему бы не попробовать защититься?

Я тихонько подул в сторону шарика и направил поток Ки в воздух, одновременно вытаскивая кристалл – там еще осталось немного энергии. Сначала шарик еще больше распушился, стараясь устоять, но вскоре его унесло и прижало к сетке. Он трепыхался, поскрипывал, но так и не смог больше выстрелить.

– Юсо Шен прошел, – объявил Красное Перо.

В третьем раунде осталось семнадцать человек. Впереди последний этап.

Глава 10

– Последний раунд проверит ваши боевые качества. Вы должны будете продержаться против охранников. Оппонента выбираете жеребьевкой, – сказал Красное Перо и после небольшой паузы добавил. – Наниматели просили добавить, что людям в охране нет смысла кому-то подсуживать или поддаваться, ведь от того, насколько надежны будут товарищи, зависит их жизнь. Последний раунд проверит ваши боевые качества. Теперь уступаю место Старшему Брату.

– Ха, – Байсо взлетел на арену, – итак, кто готов сделать ставку на вылет моего брата?

Все шестнадцать человек, прошедшие в третий раунд, угрюмо молчали, Двойной Шрам стиснул кулаки до побеления, но ставить ему уже было нечего, кроме копья. Байсо же несколько не смутился и продолжил:

– Значит, по мнению многоуважаемых претендентов, шестнадцатилетний мальчишка достоин занять место охранника в столичном караване! Тогда рад объявить, что одно из десяти мест занято моим младшим братом Юсо Шеном. Благо...

– Эй, малец, – поднялся один из выбывших кандидатов, Безухий, так его прозвали студенты, – а если я сделаю ставку и твой брат проиграет, смогу я занять его место?

– Ха-ха-ха, – рассмеялся белобрысый, – конечно, нет. Ты

уже провалил проверку, и даже если мой брат не сможет выиграть, ты же не повысишь свою квалификацию? Зато у тебя будет на руках отличный топор, который, я уверен, с радостью выкупит твой сосед. Правда ведь, дяденька?

Мужчина, проигравший нам оружие, скривил лицо и плюнул на землю.

– Буду считать это знаком согласия! Ты готов сделать ставку?

– Да, – Безухий вытащил из-за пазухи небольшой мешочек, – я ставлю вот это. Но топора в качестве ответной ставки будет недостаточно.

– Хм, а что это? – удивился Байсо. – Даже если у тебя там заполненные магические кристаллы, то они явно не будут дороже топора.

Безухий довольно рассмеялся, почувствовав, что наконец перехватил инициативу у Байсо:

– Нет, глупый мальчишка, там ничего нет. Я предлагаю этот мешок как ставку.

У Старшего Брата вспыхнули глаза, он стрелой слетел с арены и протянул руку, чтобы потрогать мешок:

– Неужели? Неужели это оно? Откуда? Ты же не аристократ какой-то? – его голос дрожал от восторга и... алчности. – Неужто украл? Хотя... какая разница, – он повернулся ко мне и умоляюще простонал. – Шен, ты должен... просто обязан выиграть. Если не выиграешь, я тебя никогда не прощу! Я больше никогда не назову тебя Братом... я... я...

Я прежде не видел Байсо таким. У меня не было ни малейшей идеи, почему этот мешочек был так важен для мальчишки, но я в любом случае не собирался проигрывать. Как я мог подвести своего Мастера?

– Байсо, я не проиграю. Ставь все, что считаешь нужным.

– Тогда, – он на секунду растерялся, но смог продолжить, – я ставлю топор, амулет, магический кристалл моего брата на пятьдесят единиц и его уход из отбора. Этого будет достаточно?

Безухий усмехнулся:

– Ты и сам понимаешь, что нет. Но раз вы еще дети, с вас и взять-то больше нечего. Разве что...

Байсо нетерпеливо переминался с ноги на ногу, не сводя глаз с мешочка.

– Если твой брат проиграет, то вы оба упадете на колени и отвесите сто земных поклонов. Согласны?

Если бы Безухий попросил всю нашу одежду, кровь и волосы, то я уверен, что Байсо согласился бы не раздумывая. Но после слов мужчины мальчишка очнулся и виновато посмотрел на меня:

– Нет, на такое...

– Мы согласны, – громко сказал я и подошел к бритому торговцу, – снова хочу вас побеспокоить.

– Конечно, – согласился тот и невозмутимо принял топор, амулет и драгоценный мешочек на сохранение.

После жеребьевки начались бои с охранниками.

Первым на арену вышел Двойной Шрам со своим копьем, за ним по ступенькам поднялся кряжистый краснолицый мужчина лет сорока. На его лице также был небольшой шрам, в руках он держал круглый щит и недлинный меч.

– Битва шрамов! – выдохнул кто-то из студентов.

– Двойной Шрам, не подведи! – закричали другие ребята, и трибуны разразились визгами, свистом и хлопками.

Раньше зрители спокойно наблюдали за состязаниями, но на последнем раунде все дружно начали болеть за кандидатов, ведь все они были местные, и каждая победа кандидата поднимала престиж города.

Противники встали друг напротив друга, слегка поклонились, и Двойной Шрам сразу сделал выпад, пользуясь тем, что у него преимущество в длине оружия, но охранник чуть сдвинулся в сторону, пропуская копьё сбоку, прыжком переместился к копейщику и приставил меч к его горлу. Бой закончился в одно мгновение.

Мечник вышел из арены и, глядя на Красное Перо, покачал головой.

Двойной Шрам проиграл. По спине прошел озноб. Первоначально мой план заключался в том, чтобы вкачать побольше Ки в мышцы, увеличивая скорость и силу. У Двойного Шрама была отменная скорость, могучая сила, годы опыта и неплохая реакция, он отлично показал свое мастерство владения копьем в сражении с троерогим ешу. Но теперь он проиграл.

У меня же были только зачаточные познания в магии, три месяца тренировок с охотниками и моя Ки. Мы проводили спарринги, устраивали кроссы на выносливость, метали копья – и все. Меня не учили сражаться с людьми, а натаскивали на охоту.

Следующий бой был у Швабры, мастера посоха. Его противником оказался молодой, лет двадцати, парень с легкой улыбкой на лице. На его поясе висели два изогнутых меча.

Они поклонились друг другу и замерли. Швабра держал посох вертикально и, казалось, мог простоять неподвижно целый день. Улыбающийся юноша наклонил голову в одну сторону, потом в другую, сказал: «Ну, начнем потихоньку», вытащил мечи, небрежно помахал ими из стороны в сторону и прогулочным шагом пошел к Швабре.

Когда между ними оставалась всего пара шагов, юноша взмахнул мечами – мне показалось, что он собирался отрубить противнику голову, – но Швабра сделал едва уловимое движение, и мечника отбросило в сторону. С той же улыбкой юноша снова взмахнул мечами, его руки словно превратились в крылья колибри, я мог видеть только случайные отблески солнца на лезвиях да смутные очертания рук. Швабра ухитрялся отбивать все удары длинным и, казалось бы, неповоротливым посохом.

Спустя сотню ударов юноша убрал мечи за пояс, поклонился противнику и с той же улыбкой покинул арену, сказав только: «Годится».

С каждым увиденным боем я все больше сомневался в своей победе. В охране каравана служили не простые бойцы, а истинные мастера. При этом ни один из них не воспользовался магией. Байсо сидел рядом, бледный от переживаний, и шептал себе под нос:

– Мешочек... мой мешочек... не надо было соглашаться...

Он успел объяснить мне, что это особый магический мешок, заколдованный на уменьшение объема и веса переносимого груза. Он сказал, что мы сможем впихать в этот мешочек все яблоки, что получили, все вещи, которые лежали в моем заплечнике, выигранный топор, а потом еще столько же, и даже тогда магический мешочек будет полупустым, а по весу легче в десять раз.

По словам Байсо, такие мешочки очень редки, даже не каждая аристократическая семья владеет такой вещью, а польза от него огромная. Я согласился, ведь насколько бы упростилась жизнь людей в Черном районе, если бы там был хоть один такой мешок? Можно было бы приносить больше мяса с охоты, больше хвоста...

Когда Байсо услышал мои рассуждения, то хлопнул себя по лбу:

– Шен, ты, конечно, очень крутой, но такой тупой... Если иметь несколько таких мешков, то никакие караваны тебе будут не нужны. Можно стать торговцем и перевозить из города в город огромные партии легкого и дорогого товара,

например, меха, драгоценные камни, амулеты, магические ингредиенты... А если случайно попасть в богатый дом, то можно будет вынести всю утварь, картины и одежду, и никто ничего не заметит.

Я удивленно посмотрел на заговорившегося мальчишку. Он осекся:

– Ну, я так, чисто для примера сказал. Я к тому, что использовать его для переноски мяса – это все равно что рубить топором из черного железа дрова. Глупо и неэффективно.

Но сейчас, после двух увиденных боев, Байсо уже жалел, что поддался искушению, он даже забыл, что это я дал согласие на такую ставку.

– Я не должен был затевать такую игру, – говорил он, – ты ведь уже прошел бы отбор. А теперь как я смогу вернуться к Мастеру? Я все испортил. Шен, прости меня... Хочешь, я потом всю ночь на коленях простою? Или устрою тебя в местный университет? Я смогу, честное слово! В лепешку расшибусь, но сделаю, мне тут ребята подсказали пару способов.

Видя его отчаяние и решимость, я никак не мог подвести Старшего Брата, пусть и названного. Любым способом я должен победить.

Впрочем, как показали следующие бои, выигрывать было не обязательно: никто из следующих кандидатов не смог показать столь впечатляющий результат, как Швабра. Все про-

играли охранникам, но пятеро все же были приняты, так как смогли продемонстрировать свои навыки на должном уровне.

Я вышел на арену в самом конце, стараясь сохранять спокойный вид, но что при этом творилось у меня на душе...

Против меня вышел высокий загорелый мужчина со странным узким разрезом глаз, словно он все время шурился. На поясе у него висел колчан со стрелами, а в руках он держал метровой длины лук.

– Я не смогу остановить свои стрелы после того, как выпущу их из лука, поэтому предлагаю сдаться сразу. Иначе ты можешь пострадать, – дружески обратился он ко мне. За его спиной я увидел помертвевшую от страха мордашку Байсо, все-таки он был еще совсем ребенком.

Я покачал головой:

– Я прошу вас не сдерживаться.

– Как скажешь, – пожал он плечами и не спеша положил стрелу на тетиву. – Последний шанс, малыш.

Я поднял руки в бойцовскую стойку и стал накачивать Ки во все мышцы тела. Расстояние между мной и лучником было всего метров двадцать, стрела его пролетит почти мгновенно, смогу ли я увернуться?

Хлопок тетивы, негромкий стук, и стрела упала к моим ногам. Лучник еще сильнее сощурился:

– Магический щит? Неплохо. Но надолго ли его хватит?

После этого он начал стрелять с ужасающей скоростью, выпуская стрелы одну за другой. Первые несколько стрел также бессильно упирались в магический щит и падали, но на шестом выстреле я вытянул руку вперед и выхватил стрелу прямо из воздуха, затем следующую, третью, четвертую.

Оказалось, что для того, чтобы схватить стрелу, мало вкачать Ки в руки, нужно было еще укрепить свои глаза, иначе я просто не мог уследить за полетом и вовремя среагировать.

Мужчина, выпустив десятую стрелу, остановился и спросил:

– А что дальше? Защищаешься ты впрямь неплохо, но тебе нужно будет и нападать, знаешь ли.

– Тогда я начну, – сказал я и резко швырнул одну из стрел обратно. Она летела медленно, и лучник легко уклонился.

– Это все, на что ты способен?

Когда я бросал первую стрелу, я впустил исследующую Ки к себе в руку и проследил, какие мышцы участвовали в броске, поэтому теперь я мог сделать более точные настройки.

Вторая стрела была гораздо быстрее, но я швырнул ее почти не целясь, а лишь отслеживая движение руки, поэтому она просвистела рядом с лучником, не задев его.

Затем я приготовился к броску третьей стрелы, но тут лучник поднял руку и сказал:

– Ты прошел, – и направился к выходу.

– Стой! – закричал Безухий. – Чего это ты сдаешься так просто? Он же ничего не сделал! Я не согласен!

Лучник внимательно посмотрел на крикуна своими узкими глазами и сказал:

– Так иди, встань вместо меня.

– Я так и сделаю, – вспыхнул Безухий, который не хотел потерять свою ставку. Но тут поднялся Байсо, все еще немного бледный от переживаний:

– Э нет, дяденька. Мы так не договаривались. Мой брат прошел отбор, и твоя ставка уже сыграна. Я могу разрешить тебе проверить силу Шена, но не просто так.

– Да что ты еще от меня хочешь, щенок? – Безухий был в полном бешенстве.

– Знаешь, сущую мелочь, – Байсо подошел к мужчине почти вплотную, белобрысая макушка не доставала Безухому даже до плеча. – Если ты проиграешь, то встанешь на колени и отвесишь нам сто земных поклонов. Если выиграешь, то я верну тебе мешок. Согласен?

Безухий оглянулся на торговцев, но те не вмешивались и с интересом наблюдали за представлением.

– Согласен, – прорычал мужчина. Он с трудом удержался от того, чтобы отшвырнуть наглого мальчишку в сторону.

Я тем временем подобрал упавшие стрелы. Как только Безухий вышел на арену и рванул ко мне, я начал швырять в него стрелы одну за другой, используя все, чему успел научиться.

Когда ему оставалось до меня всего несколько шагов, я сделал выпад вперед и коснулся кончиком последней стрелы

его горла:

– Остановись. Ты проиграл.

Безухий удивленно посмотрел на себя: в каждой руке и ноге у него торчало по стреле. Только сейчас он почувствовал боль и рухнул на пол.

Я вышел с арены, чувствуя, как пот стекает по спине. Руки и ноги дрожали от пережитого страха и перенагрузки, я знал, что завтра мне будет очень больно ходить. И тут на меня с разбегу напрыгнул Байсо:

– Шен, братишка, мы смогли! Мы победили! Ты прошел! Я тебя обожаю! Готов даже признать тебя Старшим Братом!

Бритый торговец подошел к нам и с улыбкой протянул выигранные вещи:

– Поздравляю вас, молодые люди. Юсо Шен, ты по праву вошел в охрану каравана. Но если позволите, я бы хотел поговорить с вашим братом, Байсо, верно?

Белобрысый хулиган сполз с моего плеча:

– Со мной?

Я не стал вмешиваться в их разговор, все-таки жизнь Байсо – это его собственная жизнь.

К моему удивлению, Безухий так и лежал на арене с торчащими из его тела стрелами. Я обратился к худенькому магу-врачевателю:

– А разве вы не лечите тех, кто получил ранения во время отбора?

Он безразлично покачал головой:

– Лечу. Но вы с ним дрались вне отбора, таким образом, его раны не имеют никакого отношения к нам.

Услышав это, Безухий завыл от боли: видимо, он тоже рассчитывал на магическое лечение. Если бы я знал об этом раньше, постарался бы обойтись без ран.

– Впрочем, – продолжил маг, – я могу излечить его бесплатно, если мне компенсируют энергию.

– Сколько Ки вам нужно? – спросил я.

– Четыре небольшие раны, важные органы не задеты, только мышцы. Если остановить кровотечение и немного залатать мышцы, то будет достаточно около тридцати пяти единиц. Если же закрыть и кожные покровы, убрать шрамы и сделать как раньше, то может и около пятидесяти выйти.

Я оглянулся на Безухого. Он лежал, бледный от потери крови, и молчал.

– Готов дать тридцать пять единиц, – я протянул заряженный кристалл на пятьдесят единиц.

– Парень, сколько же у тебя полных кристаллов? – приподнял белесую бровь маг.

– Эмм, два, – соврал я. Мастер дал мне только один кристалл, но на арене я уже использовал его емкость полностью и не мог признаться, что успел зарядить его во время перерыва.

– Ты понимаешь, что делаешь? Завтра ты выходишь с караваном в опасный путь. Я заметил, что в основном ты опираешься на магию. Как ты собираешься выполнять свою ра-

боту без запасов Ки? На пополнение за счет торговцев или охранников даже не рассчитывай, никто не будет рисковать жизнью, ослабляя свое тело. Так зачем ты тратишь бесценную энергию на этого никчемного человека? – врачеватель даже задохнулся от возмущения.

– Простите мою глупость, но я все же прошу вас излечить его. Благодаря ему я смог получить очень полезную вещь и хочу хотя бы так выразить свою благодарность.

Торговец фыркнул, но взял кристалл и отправился к Безухому. Пока он извлекал стрелы и залечивал его раны, ко мне подошел Байсо с круглыми глазами. Он схватил меня за руку, оттащил подальше от арены и зрителей и зашептал на ухо:

– Шен, ты не представляешь, что сказал мне тот Бритый. Никогда не угадаешь! Он сказал, что я могу пойти в столицу вместе с караваном.

– С караваном? Как охранник? Но ты же не умеешь драться, да и с магией у тебя...

– Нет, ты не понял, – его бледно-голубые глаза сверкали от возбуждения, – он хочет, чтобы я пошел с ними не как охранник, а как торговец, представляешь? Этот дядечка сказал, что будет учить меня своему делу.

– Но сколько это стоит? Обучение у мастера всегда стоит очень дорого.

– Это-то самое удивительное. Он готов взять меня бесплатно!

Я покрутил у себя в голове эту мысль. До встречи с Мастером я бы однозначно сказал, что за этим предложением стоит какая-то низкая афера. Например, торговцу заказали привезти мальчика определенной внешности для... чего-то нехорошего. Но теперь я знал, что существуют и другие люди – бескорыстные, возвышенные, непонятные.

Бритый торговец не был похож на утонченного Мастера, но он не казался мне плохим человеком. Во время отбора он честно судил, разрешил Байсо провести торги... Может, в это время он и заметил талант Байсо?

– Шен, а Шен, что мне теперь делать? – обычно нахальная мордашка мальчугана сейчас была немного напуганной.

– А ты сам что думаешь?

– Я хочу попасть в столицу, хочу посмотреть на тамошних жителей, увидеть новые улицы. Но я не уверен, что хочу становиться торговцем. А ведь если он будет бесплатно меня учить, то я должен буду отработать свое обучение потом. Сколько это займет времени? Десять лет? Двадцать?

Байсо в очередной раз удивил меня. Я и раньше знал, что у него более живой ум во всем, что касается людских отношений и общения, но ведь ему всего двенадцать! А он сумел увидеть возможные варианты и даже задумался о своем будущем, а не бросился в приключение очертя голову.

– Кроме того, я ведь нужен Мастеру! Не могу же я вот так бросить его.

– Я думаю, мы должны поговорить с торговцем и понять,

что именно он предлагает и что хочет получить взамен.

– Только идем со мной, – вцепился мне в рукав мальчишка.

– Боишься? – поддел его я.

– Нет, просто рядом с тобой я ощущаю себя гораздо умнее, – парировал Байсо.

Мы вернулись к торговцам. Врачеватель вернул потускневший кристалл:

– Извини, я потратил почти всю Ки, стрела в ноге задела кровеносный сосуд. Еще минут пять-десять, и он бы истек кровью.

– Спасибо вам за беспокойство, – поклонился я. – Если я должен оплатить вам работу, то...

– Нет, как я и говорил раньше, эта работа для вас бесплатна. На ваше сражение было интересно посмотреть, – чуть дернул уголком рта маг.

Бледный Безухий подошел, немного постоял, затем опустился на колени и принялся кланяться, касаясь лбом земли. Я немного опешил, но Байсо начал считать вслух:

– Один, два, три...

Точно, он проиграл в поединке и должен был нам с Байсо сто земных поклонов! Так неловко я себя еще в жизни не чувствовал. Стоять и смотреть, как взрослый мужчина кланяется тебе, словно своему прадедушке, оказалось очень сложно. К концу счета я извелся еще сильнее, чем сам Безухий, и с великим облегчением услышал: «Сто!».

Безухий неуклюже поднялся, пошатываясь от слабости:

– Даже если бы я не должен был сто поклонов, то все равно сделал бы их. Спасибо за спасение моей жизни!

Он хотел еще раз поклониться, но оступился и чуть не упал. Я сумел в последний момент подхватить его и усадить на землю, потихоньку вливая Ки в его тело.

После этого Красное Перо объявил, что отбор прошли всего шесть человек, а значит в караване осталось еще четыре места. Все выбывшие в последнем раунде должны будут сразиться между собой, и мужчины с наибольшим количеством побед будут также приняты на работу.

Мы не стали смотреть на поединки, а подошли к Бритому.

– А я думал, что ты его старший брат и сам примешь решение, – улыбнулся торговец, глянув на Байсо. – Но я не возражаю. Готов ответить на ваши вопросы.

Я честно выложил все наши сомнения, умолчав лишь о Мастере из Черного района.

– Сначала я отвечу на последний вопрос. Малыш, а как ты представляешь себе работу торговца? Наверное, у тебя в голове образ вроде мелкого лавочника, с утра до ночи кланяющегося клиентам? Или, может, ты видел красивые дорогие магазины, где работник должен всегда улыбаться, угождать покупателям и обманывать их, уговаривая купить залежалый товар, завышать цены, прогибаться перед хозяином? Да, таким торговцем и я бы быть не захотел.

Торговля – она, мальчик мой, гораздо больше, чем ты ду-

маешь. Она охватывает все в этом мире. Что ты делал во время отбора? По сути, ты торговал своим братом.

– Я не... – вскинулся Байсо, перепуганно глядя на меня.

– Более того, ты торговал им сразу в обе стороны. С одной стороны, ты продавал его способности нам, искусственно создавая шумиху, с другой стороны, ты вынудил других людей платить за возможность его проигрыша. И проделано это было мастерски.

Все в этом мире торгуют. Рабочие продают свою силу, маги – талант, аристократы продают связи и возможности, а мастера – знания. Даже короли – и те торгуются с другими странами. Когда я предложил научить тебя торговле, я и не думал о работе обычного продавца или лавочника. Ты, несомненно, смог бы стать неплохим приказчиком, но таких людей очень много. И мне было бы незачем тащить еще одного приказчика в столицу из этого захолустного городка.

Нет, я думал о дипломатии.

– Дипломатии? – нахмурился Байсо. Я тоже озадаченно посмотрел на торговца.

– Это очень тонкая штука, и в двух словах я ее не объясню. По сути, дипломатия – это торговля обещаниями, обязательствами и угрозами. Что ты и делал во время отбора. Ты пообещал, что твой брат уйдет, если проиграет, пригрозил, что если никто не вступит в игру, мест станет меньше, а также обязался отдать ставку в случае проигрыша. При этом ты хорошо держишься, несмотря на столь юный возраст, раз-

бираешься в разноплановых товарах, и у тебя отличная интуиция.

Я уловил намек и решил уточнить:

– А если бы я проиграл, то вы бы...

– Не стал предлагать твоему брату место ученика. Ведь это бы означало, что он переоценивает твои силы и не умеет чувствовать, когда стоит остановиться. Но самое главное, пожалуй, что я выделил, так это достоинство. Лавочник может унижаться, приказчик может быть угодливым, но настоящий торговец никогда не позволит себя унижить. И твоя последняя ставка показала мне, что ты не из тех, кто может легко отбросить свою честь.

Возвращаясь к оплате, я действительно беру тебя в ученики и делаю это бесплатно. Более того, я оплачу твое обучение в столичном университете. В дальнейшем я бы хотел, чтобы ты представлял мой торговый дом «Золотое небо». Ты сможешь сам выбрать направление деятельности, вплоть до настоящих дипломатических миссий.

– Но вы же не глава этого дома, иначе бы вы не пошли с караваном? – почесав нос, спросил Байсо.

– Не глава, – рассмеялся Бритый, – но эту историю я расскажу тебе только в том случае, если ты согласишься.

Мы с Байсо переглянулись, и я увидел в его глазах огонь, азарт и голод по головокружительным авантюрам.

– Я согласен стать вашим учеником. Прошу обо мне позаботиться, учитель, – поклонился мальчишка.

Глава 11

Джин Фу потер гладко выбритый череп и потянулся за кружкой горячего травяного отвара. Куда бы он ни уезжал, всегда брал с собой мешочек с высушенной смесью трав, собранных его женой.

Достаточно было сделать всего один глоток – и он сразу переносился в их дом, пропахший летом и молоком, где на каждой полочке лежала кружевная салфетка, сплетенная ее нежными руками.

Торговец уже давно достиг того уровня в организации «Золотое небо», когда он мог не ездить с караванами по диким землям страны. Но после указа главы торгового дома у Джин Фу не осталось выбора.

Он снова услышал скрипучий голос главы:

– Мне уже восемьдесят пять лет, и пришла пора передать дела дома в руки молодых. Я наблюдал за вами все эти годы, знаю ваши сильные и слабые стороны, вижу потенциал и старания. Но я все же не уверен в своем выборе.

Старик приподнял тяжелые длинные брови и посмотрел на пятерых мужчин, сидящих в почтительных позах перед ним, пятерых сыновей.

– Я основал этот торговый дом более шестидесяти лет назад, собственноручно поднял его с крошечной лавки на окраине города до крупнейшей торговой организации стра-

ны, вкладывал все свои силы и средства. Вы все знаете работу «Золотого неба» сверху донизу. Скажите мне, в чем сила нашей организации?

Сыновья промолчали, зная, что старик любит отвечать на свои вопросы сам.

– Это не золото и не драгоценные камни, их могут похитить, их можно лишиться в результате неудачной сделки. Это не лавки с товарами, они могут сгореть. Это даже не торговые связи, ведь человек может заболеть, умереть или уйти с должности. Самое главное в любой организации – это люди, ее составляющие. Именно на людях и держится «Золотое небо». Вы знаете, как тщательно я прошу подбирать людей даже на должность продавца в мелкой лавке. Так почему вы думаете, что своего преемника я буду выбирать более легкомысленно?

Мужчины вздрогнули, но смолчали.

– Я даю вам один год. За это время каждый из вас должен найти и обучить преемника для самого себя, ведь если вы займете мое место, кто-то должен будет занять ваше. Спустя год я устрою проверку вашим кандидатам, и тот, чей выбор окажется самым удачным, и станет вторым главой «Золотого неба». Я все сказал!

Именно после этой встречи Джин Фу и отправился в путешествие.

В первый месяц Джин Фу проинспектировал все лавки и все филиалы «Золотого неба» в столице, пообщался с каж-

дым сотрудником, провел сотни интервью и тысячи встреч, но так и не встретил подходящего человека.

Безусловно, он нашел несколько удивительных талантов, сделал разительные кадровые перестановки, увеличившие прибыль в отдельных филиалах в десятки раз, но каждый раз, когда он видел, казалось бы, нужного человека, что-то его останавливало. Всегда был какой-то изъян. Умному не хватало решительности, наглому – ответственности, исполнительному – умения рисковать. И никто из них не прошел главный тест Джин Фу.

После этого торговец посоветовался с женой и отправился в длительное путешествие с караваном. Он объехал несколько городов, наладил давно забытые связи, провернул отличные торговые сделки, укрепляющие мощь «Золотого неба», нашел новые необычные товары. Но нужного человека так и не подобрал.

Уже давно Джин Фу понял, что человек не болтается в бесконечном океане жизни бесцельно, а плывет, ведомый своей судьбой.

Понял в тот самый момент, как увидел лицо девушки, зашедшей в лавку, где он временно заменял приказчика. Ее добрые улыбчивые глаза, идеально круглое лицо и мягкие локоны растрепавшихся на ветру волос заставили его забыть и про товар, и про деньги, и про отца. Это была его жена, Роу.

Только потом он узнал, что отец планировал проводить его стажировку не в этой лавке, но так случилось, что тут за-

болел работник, и ему понадобилась замена. Роу рассказала ему, что никогда прежде не заходила в ювелирные магазины, так как у ее семьи было недостаточно денег, но именно в тот день что-то толкнуло ее заглянуть туда.

И ни разу Джин Фу не пожалел о своем решении проводить милую девушку в тот вечер.

Прожитые года лишь укрепили его веру в судьбу. Но эта вера не мешала торговцу принимать сложные решения и сражаться за каждую сделку.

В глазах Джин Фу судьба была благосклонна только к сильным людям, и при переплетении судеб лишь сила воли самого человека определяла, на чью сторону склонится чаша весов. Так его судьба уже впитала судьбу Роу, и их жизни теперь навсегда завязаны на поступках Джин Фу.

Если он сможет занять место главы, то его судьба вберет в себя судьбы еще тысячи людей, работающих на «Золотое небо».

И он искал себе в преемники человека с не менее сильной судьбой. Джин Фу был уверен, что если достойный человек существует, то судьба обязательно столкнет их вместе.

Но пятимесячное путешествие подходило к концу, каравану остался лишь последний переход до столицы, и бритый торговец практически отчаялся. Неужели все его труды пропадут зря? Если он не представит вообще никого, то отец подумает, что Джин Фу трусил или плохо работал; если покажет недостойного, в ком и сам не уверен, то отец обвинит

его в неумении думать и подбирать людей.

Поэтому большой неожиданностью оказался этот бело-брысый мальчуган на отборе в охрану каравана.

Джин Фу сделал глоток отвара и мягко откинулся в кресле, размышляя, правильно ли он поступил, пригласив мальчишку с собой.

Еще раз все обдумав, бритый торговец тихонько рассмеялся. Видимо, судьба Байсо была чуть сильнее, чем судьба самого Джин Фу.

Если бы Джин Фу встретил мальчишку раньше, в начале или в середине путешествия, то, скорее всего, торговец бы не обратил на него внимания. По крайней мере, не подумал бы о том, чтобы взять его с собой. Если бы во время последнего перехода караван не потерял десять человек... Если бы у мальчишки не было столь умелого брата... Если бы тот боец с крошечными ушами не заключил последнюю сделку...

Слишком много совпадений.

Конечно, решение Джин Фу не окончательное. Во время похода он познакомится с мальчиком поближе, проверит его характер, навыки и обучаемость, и только после этого сделает следующий шаг. Но сейчас он видел лишь один недостаток Байсо – возраст. И он же был его самым большим достоинством.

В двенадцать лет у ребенка еще не сформированы четкие принципы, поэтому Джин Фу сможет скорректировать пробелы в его воспитании. Более того, он сможет усыновить это-

го мальчика, делая его своим преемником не только в торговом доме, но и в семье.

Его жена Роу – чудесная женщина с добрым сердцем и безграничной душой. Она беззаветно любит мужа, заботится о доме, о хозяйстве. Благодаря уверенности в своей жене Джин Фу смог легко покинуть столицу на столь долгий срок. Но увы, со дня свадьбы прошло уже больше двадцати лет, а детей у них так и не было.

Торговец приглашал лучших магов-врачевателей, но никто из них не смог найти причин бесплодия.

– Старайтесь. Молитесь. Ждите, – говорили они.

Прошли годы, а чуда так и не произошло. Поэтому мысль о том, чтобы ввести Байсо в торговый дом в качестве приемного сына, не показалась Джин Фу неправильной.

С другой стороны, торговец не представлял, какой экзамен устроит преемникам его отец. Сможет ли ребенок справиться с другими кандидатами? Ведь противостоять ему будут не тупые провинциальные мужланы, только и умеющие махать оружием, а умные, опытные взрослые, которые уже полгода проходят обучение у лучших дипломатов столицы.

И еще Джин Фу немного смущал брат Байсо.

Нет, сам Юсо Шен торговцу понравился, спокойный и уверенный парень с хорошим магическим талантом и физической подготовкой. Но если они оба останутся в столице, тогда брат будет оказывать влияние на Байсо, затрудняя его обучение. Самое главное: как он поступит, узнав, в чей дом

попал его родственник? Захочет ли тоже влиться в крупный торговый дом? Потребуется ли долю наследства? Будет ли выпрашивать у Байсо деньги?

Возраст у Шена самый нестабильный, и неизвестно, как изменится юноша, попав в столицу.

Джин Фу допил отвар и решил отложить вопрос с братом Байсо. В конце концов, дорога в столицу долгая, все может случиться.

* * *

Байсо прибежал в лагерь торговцев только под утро, когда солнце уже высунулось из-за горизонта. Я впервые видел не закрытый ни крышами домов, ни гигантскими деревьями рассвет, поэтому не сразу заметил запыхавшегося мальчишку.

После разговора с бритым торговцем Джин Фу мы решили, что Байсо должен вернуться к Мастеру и рассказать ему о своем уходе.

Я сбегал бы гораздо быстрее, но я не знал город так, как Байсо, и крысиные ходы в Черный район также не были мне известны. Единственное, что я мог сделать, это влить побольше Ки в своего друга, дабы тот не так утомился.

– Шен, Мастер... Мастер... фуу, – с трудом выдавил Байсо из пересохшего горла. – Он порадовался за меня. Сказал, что все идет правильно, и я не должен за них переживать. И

еще, уфф, еще он сказал, чтобы я за тобой присматривал.

Я беспомощно улыбнулся, но не стал возражать. Пока все именно так и было, Байсо присматривал за мной с того самого момента, как нашел в помойке.

– Ты идти-то сможешь? – спросил я, слегка коснувшись его плеча и влив еще немного энергии.

– Я поспал несколько часов, прежде чем пойти сюда. Меня бы и не пустили раньше: на ночь проходы закрываются, – мальчишка поводит плечами и потянулся так, что захрустели косточки, – сейчас чуток передохну и буду как огурец.

Лагерь потихоньку просыпался. Торговцы в последний раз проверяли груз, их помощники собирали палатки, увязывали в тюки и укладывали в повозки. Охранники проверяли оружие, готовились к выходу.

В числе прочих охранников, прошедших через дополнительный раунд, оказался и Двойной Шрам. Я даже сначала испугался, но после того, как торговцы приняли его, копейщик сам подошел ко мне, отвесил легкий поклон и сказал:

– Надеюсь, ты не держишь на меня зла. Теперь мы в одной команде и будем делать одно дело.

– Я согласен с тобой. Заберешь? – и я протянул выигранный магический амулет мужчине.

Тот усмехнулся, от чего его бугристый шрам сполз в сторону:

– Нет, ты честно выиграл его. Я на него больше не претендую. Но готов еще как-нибудь сыграть с тобой на ставку!

– Хорошо, – согласился я, – только о ставках лучше договаривайся с братом.

Двойной Шрам расхохотался, хлопнул меня по плечу и ушел.

Мы с Байсо сразу поделили выигрыш. Я оставил себе амулет, он забрал волшебный мешок, а топор мы продали бывшему владельцу. Ни мне, ни Байсо он не был нужен, а вот деньги в столице нам пригодятся.

– Новенькие, идите за мной, – окликнул нас улыбочивый юноша, обоерукий мечник, что сражался со Шваброй. Я не запомнил его имени, но брат шепнул, что многие охранники предпочитали прозвища, так как не могли похвастаться безупречным прошлым. Этот мечник был из их числа.

– Ездить верхом умеете? – спросил он, ловко лавируя меж неуложенных тюков, фыркающих вилорогов и возов.

– Нет, – ответил Байсо.

– Так тебе и не нужно, – рассмеялся Летящий, – ты поедешь вместе с помощниками торговцев вот в том фургоне, – и указал на огромный зеленый тент, обтягивающий, казалось, целый дом.

– Что?! – возмутился мальчишка. – Я не хочу в нем ехать. Так, Шен, дальше ты сам. Пойду узнаю насчет фургона.

Летящий привел меня к небольшому загону, где толкались странные животные. Больше всего они походили на ящериц, поднявшихся на задние лапы. У них была сухая чешуйчатая кожа, длинный хвост, сужающийся к концу, вы-

пуклые зеленые глаза. Я не представлял, как смогу удержаться на такой покато́й спине.

Летящий небрежно похлопал одного из ящеров по шее:

– Знакомься, это пустынный лупоглаз, отличное животное для охранников. Они достаточно тупые, чтобы не пугаться ни других животных, ни магии, но при этом быстро бегают, могут менять направление на полной скорости и даже самостоятельно нападать. Если, конечно, догадаются, что нужно напасть. Твоя – вот эта, толстощекая.

Мечник показал, как нужно взнуздывать этих лупоглазов и как седлать. Седло представляло собой сиденье с невысокой спинкой, которое при помощи многочисленных ремней прикреплялось к загривку животного таким образом, чтобы вес седока распределялся равномерно по всему телу, а не давил только на одну часть спины. Под сиденье укладывалась многослойная толстая прокладка, нижняя часть которой была влажной и липкой.

– Так, все запомнил? Теперь упрись одной ногой в колено лупоглаза и запрыгивай в седло. Я выпущу тебя из загона. Пока потренируйся, но далеко не забегай, думаю, минут через десять выдвинемся.

Так необычно и странно было ощущать под собой живое существо. Я сидел, вцепившись мертвой хваткой в поводья, и боялся шелохнуться. А вдруг я сделаю ему больно? А вдруг ему тяжело или неудобно? Летящий немного подождал, а потом ударил моего лупоглаза по хребту. Ящер развернул мор-

ду, зашипел на него, и я дернул рукой, желая развернуть его обратно.

Лупоглаз дернулся и вдруг побежал. От резких скачков меня замутило, но я почувствовал восторг и небывалую свободу, словно у меня выросли крылья.

Животное неслось прямо на одну из телег, я зажмурился и ощутил, что лечу. Мой зад оторвался от седла, я открыл глаза и понял, что ящер перепрыгнул через препятствие, а через секунду я со всего размаху впечатался в деревянное сиденье и взвыл от боли.

Лупоглаз продолжал бежать, а я понятия не имел, как его остановить. Когда я тянул поводья, животное просто меняло направление движения. Тогда я наклонился и прикоснулся к нему, вливая возвратную Ки. Внезапно ящер остановился так, что я впечатался носом в его загривок.

Он изогнул длинную шею и уставился одним глазом, словно оценивая своего наездника.

– Можно я буду звать тебя Пинь? – шепнул я, впитывая вернувшуюся энергию. Мой лупоглаз оказался девочкой, еще молодой по их меркам. Я почувствовал ее веселый нрав и желание поиграть. Магией лупоглазы не обладали, зато у них была высокая сопротивляемость магическому воздействию.

Я вытащил яблоко и швырнул его вперед. Пинь тоненько взвизгнула и бросилась за ним, опустив голову вниз. Догнав яблоко, она нанизала его на длинный тонкий клык и вернула

мне, изящно изогнувшись.

– Пинь, как же тобой управлять-то? – задумчиво потер я свой нос. – Поворачивать мы с тобой уже научились, осталось теперь научиться стартовать и тормозить. Вперед! – крикнул я, но ящер лишь недоуменно закрыл один глаз.

Тогда я попробовал хлопнуть ее по шее, она распахнула рот и недовольно зашипела. С досады стукнул ее ногой. Пинь встрепенулась и легко побежала, при помощи поводьев я направил ее обратно к загону и недалеко от забора выпустил крошечную толику Ки. Животное резко остановилось.

Вряд ли именно так останавливают лупоглазов. Мало кто умел так четко контролировать объем выпускаемой энергии, да и не напасешься так Ки.

Тем временем караван полностью подготовился на выход. Это было необычное зрелище. Пара десятков возов с вилорогами, один громадный фургон, замыкающий шествие, несколько крытых фургонов поменьше и стая лупоглазов с охраной вокруг них.

Ко мне подъехал Летящий с неизменной полуулыбкой:

– Ну как, разобрался?

Я не хотел ему отвечать и лишь кивнул. Я был уверен, что ему было сказано научить меня ездить на лупоглазе, а не сажать и отправлять в длинный забег. Впрочем, раз я новенький, то вполне могу огрести еще немало шуток и проверок от более опытных товарищей.

Двойной Шрам приблизился ко мне. Даже с длинным ко-

пьем в руке он умудрялся легко управлять ящером. Чувствовался немалый опыт.

– Поехать – ударь одной ногой, резко ускориться – двумя, остановиться – крепко сожми ноги. Чтобы повернуть, обязательно дергать поводья, лучше нажми ногой с той стороны, куда хочешь направиться, – негромко сказал он. – Привыкай управлять лупоглазом ногами. Тебе нужны будут руки для сражений. Час-полтора будет точно спокойно, сможешь попрактиковаться. И еще, – добавил он, отъезжая, – лупоглазы – хищники, подкармливай своего иногда сырым мясом, так он привыкнет к тебе быстрее.

Я поклонился ему как смог, сидя на лупоглазе.

Мое первое путешествие началось.

Рожденный Великим

Вейшенг стоял перед мертвой землей и рыдал. Горько, сухо, страшно. Его сын, малыш Цзихао, его жена Киую, самая нежная и понимающая из всех женщин, родители, слуги, деревня со всеми жителями и скотом, поля, озеро... Всё было мертво. Высосано досуха.

Трава еще оставалась зеленой, хоть и полегла на землю. Где-то там, в новом просторном особняке, лежало тело жены, наверное, она выглядит так, словно прилегла отдохнуть, румянец еще не сошел с ее пухлых щек... Вейшенгу хотелось еще раз взглянуть на нее, взять на руки крепыша Цзихао и прижать его к груди, но он не мог. Всего несколько шагов, и он останется в мертвом круге навечно. Как и вся его семья.

Так не должно было случиться. Это неправильно. Вейшенг не хотел этого...

Все началось с того, что уважаемый лекарь по имени Фа Делунь собрался жениться. Но он не обратился к тетушке Юби, самой лучшей свахе в городе, а пошел в префектуру и начал изучать информацию про потенциальных невест и их родственников.

Так как Делунь был весьма уважаемым, хоть и молодым, лекарем, он знал болезни, таланты и проблемы многих семейств, знал достижения их детей и образ жизни, знал, кто

чем питается и к чему имеет склонности. И однажды, записывая проблемы очередного пациента, он задумался, а нет ли закономерности между болезнями и питанием, между профессиями предков и талантом потомков, и начал выстраивать систему.

Только на подготовку ушло несколько месяцев. Юный Делунь выписывал отвары и вливал лечебные заклинания, а еще допытывался про родственников вплоть до пятого колена, не избегал долгих скучных разговоров с шамкающими старушками, а напротив – искал возможность пообщаться с ними.

И спустя какое-то время у него начали прорисовываться первые закономерности. Делунь вывел связь некоторых болезней с питанием, других – с профессией, а третьих – с болезнями предков, но самое главное – он нащупал способ повысить шансы рождения ребенка, у которого талант будет выше, чем у его родителей.

У Фа Делуня был средний талант, всего тридцать восемь процентов. Не так мало, но не так уж и много, особенно для лекаря, и Делунь хотел, чтобы его ребенок был сильнее и талантливее.

Своих предков и свой талант лекарь Фа изменить уже не мог, поэтому он с особой тщательностью подошел к выбору жены и будущей матери его сына. Делунь хотел только сына.

Кого может выбрать толстая сваха? Глупую девку с широким тазом или избалованную красотку с длинной родослов-

ной? Делунь проделал множество расчетов, сравнил характеристики сотен девушек и к удивлению всего города посватался к неудачнице Линг.

По мнению всех тетушек города У Линг не должна была выйти замуж. Она не блистала красотой в молодости, у нее был посредственный талант, приданое давали крошечное, но взамен добавлялись сварливая мамаша, пятеро братьев и сестер и еще двое стариков, которые не могли работать и требовали ухода. В двадцать лет она считалась перестарком и уже не надеялась найти мужа, поэтому сватовство симпатичного обеспеченного лекаря восприняла как дар Небес.

С первого же дня совместной жизни Линг решила, что для своего мужа будет делать все, что он захочет. Она взяла на себя всю работу по дому, готовила только любимые блюда Делуня, научилась читать и писать, чтобы помогать мужу вести записи, никогда не прекословила и запретила матери посещать ее дом в присутствии мужа. Лекарь обнаружил, что даже если его расчет был ошибочен, он сделал отличный выбор.

Фа Делунь высчитал идеальный день для зачатия сына и лишь тогда впервые возлег со своей женой на одном ложе. Линг понесла и в положенный день родила сына. Ему дали имя Вейшенг, что означает «рожденный великим».

Малыш Вейшенг с первого же года показал свою необычность. Он встал на ножки в восемь месяцев, заговорил в год, а к трем годам выучил десять иероглифов. Фа Делунь раз-

рывался между желанием баловать сына и необходимостью воспитывать его в строгости, но к нему на помощь пришла жена. Линг сказала:

– Пока уважаемый муж на работе, Вейшенг тоже должен учиться. Поэтому я позабочусь, чтобы Вейшенг днем не ленился, а уважаемый муж вечером сможет отдохнуть и поиграть с сыном.

Поэтому мама в представлении Вейшенга была строгой, холодной и скучной, а папа – веселым, дружелюбным и интересным, но Линг не ревновала сына к мужу. Она радовалась их теплому общению.

Когда Вейшенгу исполнилось пять лет, вся семья Фа собралась, чтобы проводить малыша на церемонию именованья. Там определяли талант ребенка и впервые вносили его данные в городские записи.

№ 1

Фа Делунь не спал всю ночь. Стоило лишь закрыть глаза, как повторялся один и тот же кошмар: худой крючконосый инспектор в длинной черной мантии прикладывает амулет ко лбу сына и объявляет:

– Фа Вейшенг. Десять единиц!

И под пронзительный визг жены Делунь просыпался.

Он выпил кувшин успокоительного отвара, несколько раз сходил проведать сына. Тот спал крепко, не подозревая о

страхах отца.

Наступление утра лекарь воспринял как избавление.

Конечно, Делунь мог заранее выяснить талант сына, он знал несколько подобных методик, кроме того, в префектуре у него были знакомые, которые согласились бы проверить Вейшенга вне очереди. Но он не стал. Из страха и из-за честолюбия. Фа Делунь хотел, чтобы вся семья услышала, насколько талантлив его сын.

Предусмотрительная Линг с вечера приготовила праздничную одежду для мужа и сына, помогла уложить им длинные волосы в высокий пучок, накормила крошечными пирожками с рыбой и проводила своих мужчин до выхода. Традиционно на церемонию именованья сыновей ходили только мужчины, а дочерей – женщины.

Вейшенг вышагивал рядом с отцом гордо, степенно, в длинном красном танчжуане, со взрослым пучком на макушке. С этого дня его уже не будут называть малышом. Он станет взрослым. Не совсем взрослым, но хотя бы перестанет быть безымянным младенцем.

На площади перед префектурой собралось много людей, ведь церемония именованья проводится лишь раз в год. Повсюду расхаживали гордые отцы со своими сыновьями, родственники старательно оттирали посторонних, чтобы те не задели малышей. Дети реагировали по разному: кто-то тихонько всхлипывал, вцепившись в руку отца, кто-то строил рожицы другим мальчикам, кто-то уже успел подраться, и

их отцы вежливо раскланивались друг с другом, стараясь замять конфликт.

Вейшенг смотрел на все это с равнодушным спокойствием.

Наконец в торжественных красных одеждах с желтой оторочкой, символом службы императору, на площадь вышел инспектор, он был пухл, румян и радушен, непреходящая широкая улыбка превратила его лицо в сплюснутую тыкву.

– Приветствую уважаемых отцов семейств! Сегодня торжественный для всех нас день. Сегодня ваши сыновья поднимутся на первую ступень в нашем обществе, получают первое имя, узнают свой талант и войдут в летопись города. Помните, магический талант – не единственное, что определяет человека! Я попрошу вас выстроиться в ряд. Впереди должен стоять ребенок, позади него – отец, родственников прошу встать с противоположной стороны.

К инспектору поднесли красивую резную коробочку, из которой он вынул сложный амулет со встроенными поблескивающими кристаллами и направился к первому ребенку.

Мальчик испуганно посмотрел на инспектора, задрал голову так, что, казалось, она вот-вот отломится. Его отец, хмурый усатый мужчина, толкнул сына в спину, чтобы тот поклонился.

Инспектор ласково улыбнулся, спросил у мальчика, как его зовут, тот едва слышно пробормотал:

– Хань.

– Кем ты хочешь стать, Хань? Наверное, как отец, будешь выращивать вилорогов?

– Да, – кивнул мальчик, потом замотал головой, – то есть нет. Я хочу стать чиновником.

– О, это хорошая мечта. Нам нужны умные старательные мальчики. Какое имя выбрал для тебя отец?

– Фа, – тихо сказал малыш.

– Что ж, давай посмотрим, чем наградило тебя Небо, – с этими словами инспектор приложил амулет ко лбу ребенка и на секунду прикрыл глаза, затем открыл их и громко, для писаря, сказал, – Хань Фа из семейства Хань, талант равен двадцати двум.

Отец Хань заметно погрузился, потрепал сына по голове:

– Видимо, Фа, ты останешься работать со мной.

Фа Делуня начала бить крупная дрожь. А что если все его вычисления – полнейшая ерунда? Что если его сын окажется бездарем? Вейшенг, «Рожденный великим»! С низким талантом это имя станет просто насмешкой. «С другой стороны – , подумал Делунь, – мой сын умен, здоров, силен. Он сумеет найти место в жизни и с низким талантом. Я сделаю все, чтобы он был счастлив!»

Это успокоило лекаря, и он даже смог улыбнуться сыну.

Инспектор переходил от семьи к семье, от ребенка к ребенку. Цифры мелькали одни и те же, в пределах от семнадцати до сорока двух, и обычно соответствовали талантам родителей. Фа Делунь еще раз подумал, что если талант Вей-

шенга будет равен его таланту, то все будет хорошо. Тридцать восемь – весьма неплохо. Для их городка.

– А, вот и малыш Фа, – сказал инспектор и осекся. Вейшенг сложил руки и церемонно поклонился, соблюдая правила этикета, его лицо не выражало ни нетерпения, ни страха. Он выглядел взрослее своих пяти лет. – Назови свое будущее имя.

– Меня зовут Фа Вейшенг, господин инспектор.

Мужчина вопросительно глянул на Делуня, уточняя, не перепутал ли чего ребенок, но отец кивнул, подтверждая его слова. Обычно такие пышные имена своим детям давали богатые или знатные родители, но никак не провинциальный лекарь.

– Фа Вейшенг. Прекрасное имя. Теперь узнаем, соответствует ли твой талант этому имени, – инспектор коснулся амулетом лба Вейшенга, затем резко отдернул руку. – Кхм, кажется, что-то с амулетом. Я проверю еще раз, – он протер амулет платком, снова приложил его ко лбу мальчика. После долгой паузы внезапно осипшим голосом инспектор сказал: – Семьдесят пять.

– Что? – не поверил своим ушам Фа Делунь.

– Писарь, пиши: Фа Вейшенг – талант равен семидесяти пяти.

– Не может быть! – крикнул кто-то из зрителей. – Проверь еще раз.

– Я проверил дважды. У этого уникального ребенка та-

лант действительно выше семидесяти.

Мужчины загомонили, малыши с завистью смотрели на Вейшенга. Делунь почувствовал, что по его лицу текут слезы. Его малыш, его гордость, его сын уже воплотил в себе все его чаяния и желания. И лишь сам Вейшенг воспринял новость спокойно.

Он рожден, чтобы стать великим. Как могло быть иначе?

* * *

Не прошло и года, как весть о появлении столь талантливой ребенка достигла столицы, но больше всего поражал людей не его талант, ведь в старых магических династиях время от времени рождались дети с талантом выше семидесяти, а тот факт, что он родился у мелкого лекаря и бесталанной матери.

Пошли слухи о том, что это не случайность. Что некий Фа Делунь нашел способ просчитать и запланировать рождение таланта, превышающего родителей. Что у него есть схема, по которой он может подобрать нужную невесту любому мужчине, и та родит сверхталантливый сын.

Поэтому Фа Делунь не сильно удивился, получив приглашение-вызов от Тай-фу, великого воспитателя, высокопоставленного императорского чиновника. Он приглашал семейство Фа в полном составе в столицу и обещал выделить им дом с прислугой.

Лекарь не сомневался ни минуты, быстро распродал свое имущество, взял жену с сыном и присоединился к торговому каравану, идущему в столицу. Его основным желанием было найти достойных учителей для Вейшенга, а также заработать побольше денег для их оплаты, и ради этого он бы поехал даже на край света.

Добравшись до столицы, Делунь первым делом начал подбирать сыну учителей. Каллиграфия развивает ум, игры сянци и го – логику, также нужен учитель по боевому искусству и преподаватель иностранного языка... Мало того, что на это требовались огромные деньги, так еще некоторые мастера отказывались работать в семье обычного лекаря.

Но тут к Фа Делуню на прием начали приходить женщины из высокопоставленных семей. Сперва они жаловались на головные боли, на кашель и плохой сон, но уже спустя несколько минут заводили разговор про Вейшенга и его талант, просили познакомить их с малышом, а потом окольными путями пытались вызнать, как Делунь высчитал, какую женщину нужно взять в жены.

Затем потянулись отцы семейств и предлагали крупные суммы за подбор достойных невест, а за ними родители невест с предложением денег за то, чтоб «уважаемый Фа» порекомендовал именно их дочку.

И каждому Фа Делунь объяснял, что для правильного ответа ему нужна биография семьи жениха вплоть до пятого колена, а также биографии всех семей, где есть подходящие

девушки, и только после этого он сможет дать рекомендацию.

С позволения Тай-фу в дом к Фа Делуню перенесли записи про все именитые семейства из императорского архива, и началась кропотливая работа, по итогам которой лекарь понял, что Вейшенг – это подарок судьбы, а не результат его расчетов.

№ 2

В дверь тихо постучали.

– Вейшенг, я тебе не помешаю? – послышался голос мамы.

Мальчик отложил свиток в сторону:

– У меня перерыв. Заходи.

Прожив два года в столице, мама округлилась, похорошела, научилась правильно одеваться и выучила правила поведения в высшем обществе, но кое-что осталось неизменным: ее любовь к мужу и сыну.

– Вейшенг, сегодня ты начнешь заниматься с новым учителем. Но это необычный человек. У него очень высокие требования к ученикам, и мы даже не надеялись, что он согласится преподавать у нас. Поэтому прошу тебя, постарайся сегодня!

Мальчик скривил губы. Если родители и вправду хотели, чтобы он поразил старика, а почти все его учителя были стариками, то передали бы ему учебные свитки заранее. Впро-

чем, Вейшенг и сам сумел их найти и выучить содержимое наизусть.

«Чтобы стать великим, недостаточно родиться с большим талантом», – постоянно повторял отец. И в чем-то он был прав. Ведь сам он, обладая незначительным талантом, сумел лишь при помощи знаний и усердия переехать в столицу, получить неплохую должность при дворе, а также собрать обширную клиентуру по подбору невест.

Но отец никогда не будет великим. А Вейшенг обязательно им станет.

Даже сейчас, в восьмилетнем возрасте, мальчик каждый день работал, чтобы быть лучшим. Лучшим во всем: в фехтовании, в каллиграфии, в игре в го, в магии... Для этого он мог часами оттачивать какой-то прием, снова и снова разбирать партию, пытаясь понять причину проигрыша, изучать свитки, чтобы поразить учителей. Вейшенг пока не знал, как именно он станет великим, поэтому готовился к любому варианту.

– Не беспокойся, ты будешь мной гордиться.

– Я уже тобой горжусь, – улыбнулась мама и вышла из комнаты.

Через несколько минут вошел старик, Вейшенг пока не научился определять возраст пожилых людей по внешности, у этого еще не все волосы побелели, но глубокие морщины между бровями придавали ему суровый вид.

Старик неспешно прошелся по комнате, посмотрел на

шкаф с множеством свитков, изучил картину, на которой тушью было нарисовано одинокое дерево, стоящее над обрывом, вскинул брови при виде деревянного меча, обнюхал каждый уголок, но ни разу не взглянул на мальчика.

Вейшенг терпеливо ждал. Он знал, что у старых людей часто бывают странные причуды. Например, учитель по фехтованию требовал, чтобы мальчик обращался с деревянным мечом, как с настоящим, протирал его замшей и хранил в комнате на специальной подставке. Учитель го перед началом игры брал белую фишку, прикладывал ее ко лбу, к груди, а потом держал в кармане до конца партии. Может, этому учителю сначала нужно привыкнуть к дому?

– Значит, это ты тот самый Вейшенг, мальчик, рожденный стать великим? – у старика оказался сильный и звучный голос.

– К вашим услугам, учитель, – поклонился Вейшенг.

– Я еще не согласился принять тебя в ученики! – резко ответил старик. – Начертание – это не то искусство, где нужен магический талант. Мне плевать, семидесяти ли равен твой талант или десяти. Главное – то, что вот здесь, – и он больно ткнул пальцем в лоб Вейшенга.

Мальчик не любил, когда его трогали, но привык к этому. Многие хотели познакомиться с уникальным мальчиком, но почему-то не могли придумать ничего лучше, кроме как потрепать его за щеку, взлохматить волосы или потыкать пальцем, словно он был щенком. Вейшенг не разрешал себя

стричь и сам по утрам укладывал волосы в пучок только ради того, чтобы его лишний раз не трогали.

– Я понимаю, учитель.

– Ничего ты не понимаешь. Думаешь, стоит лишь прочитать свитки и выучить те закорючки, как ты станешь мастером начертания? Обычно я не беру в ученики детей младше четырнадцати лет, потому что они слишком глупы, легкомысленны и безалаберны, но про тебя ходят слухи, что ты особенный, исключительный. Что ж, я дам возможность удивить меня. Смотри внимательно.

Старик медленно провел рукой по кругу, и вслед за движением пальца появлялась золотистая линия. Когда круг замкнулся, он убрал руку, а хрупкая полупрозрачная линия продолжила висеть в воздухе. Вейшенгу ужасно захотелось дотронуться до нее, но он не стал, слишком уж это было не-solidно.

– А теперь попробуй создать свою печать. Знай, что еще никто не сумел нарисовать ее с первого раза. И одно ограничение – ты можешь использовать для этого только свою Ки. Никаких кристаллов. Ты же чувствуешь свои пределы?

Вейшенг насупился. Хотя он прочитал все доступные ему свитки на тему начертания и выучил правила сплетения простых каскадов, он по-прежнему не знал, как создавать печати. Он думал, что учитель придет, объяснит ему принцип построения, научит направлять Ки, а тут его фактически швырнули в воду и сказали плыть к берегу.

Но мальчик и не думал сдаваться. Он поднял руку точно так же, как это сделал старик, и с усилием провел пальцем дугу. Ни искорки не мелькнуло перед глазами.

«Он сказал, что я должен использовать свою Ки, значит, нужно как-то приложить ее сюда, – думал Вейшенг. – Может, для этого нужно знать какое-то заклинание? Наподобие заклинания лечебной нити, которое показывал папа. Но старик не сказал мне слова, не дал никаких зацепок. Или он хочет поиздеваться надо мной? Он берет в ученики только детей старше четырнадцати. Что происходит в четырнадцать? Это еще не совершеннолетие. Только ли неразумность его беспокоит?»

Четырнадцать... четырнадцать... у мальчиков ломается голос, но Вейшенг ни разу не слышал, чтобы это как-то влияло на магию, у девочек начинают расти... эти самые. Но ведь старик пришел к нему, а значит, начертание доступно и для восьмилеток.

Что еще он говорил? Что для начертания не нужен магический талант. Как такое возможно? Нужна Ки, но не важен талант. Это какая-то загадка. Для заклинания зачерпываешь Ки и преобразуешь ее в магию, но при этом талант определяет, сколько Ки будет потрачено впустую, а сколько вольется в заклинание.

«А что если печать – это как огненный камень? – вдруг осенило мальчика. – Чтобы огненный камень нагрелся, магия не требуется, достаточно только влить Ки. Может, в пе-

чать тоже нужно вливать чистую Ки?»

Он еще раз поднял руку, сосредоточил Ки на кончике пальца и попытался снова нарисовать печать. На этот раз искра была. Но только искра. Вейшенг обрадовался, глянул на старика, но тот с невозмутимым видом рассматривал картину.

Еще попытка. Еще... Искры были, но линия никак не хотела прорисовываться. Вейшенг пробовал вливать больше Ки, потом меньше Ки, пробовал соотносить с дыханием, с положением ног и даже со сторонами света. Ему казалось, что еще вот-вот, и он поймет секрет старика.

Но во время очередной попытки мальчик вдруг покачнулся и рухнул на пол. Старик подошел к нему и сказал:

– Вот мой первый урок. Не зазнавайся. Не переоценивай себя. Ты такой же, как и все. Ты слишком хотел меня порадовать своим талантом, потратил больше Ки, чем разрешено, и вот результат: ты лежишь на полу и не можешь двинуть рукой. Начертатель без энергии – мертвый начертатель. Запомни это! Через неделю я приду еще раз.

И вышел из комнаты.

* * *

С каждым годом слава Вейшенга лишь росла. Простолыдины всей страны обсуждали при встрече погоду, здоровье родственников и успехи Вейшенга.

– Слышали? Гений Фа сумел победить в поединке студента военной академии! А ведь мальчику всего десять лет!

– Слышали? Он выиграл в го у мастера игры Хуа Ченю!

– Слышали? Вейшенг уже начал чертить массивы из печатей! Это ли не настоящий гений?

Во дворце императора также не могли игнорировать растущую популярность мальчика. Не сделав ещё ничего, он уже стал национальным героем, символом надежды, ведь Вейшенг – выходец из народа, родился в провинции в семье обычного лекаря, а сейчас вхож в дома знатных семейств.

Каждый крестьянин и каждый мелкий лавочник отныне мечтал, что и в его семье родится гениальный сын, который прославится на всю страну.

Когда Фа Вейшенгу исполнилось двенадцать, его пригласили во дворец Тай-фу вместе с родителями. Там мальчику устроили экзамены по всем предметам: от знания классической поэзии до разбора судебных решений. Его проверяли и на знание этикета, и на мастерство ведения светской беседы, и многие проверяющие выходили с удивленными лицами, качали головами и говорили, что мальчика с такими талантами ждёт либо страшная, либо поистине великая судьба.

Несмотря на хороший заработок, Фа Делунь не сумел бы оплатить работу всех учителей, но именитые мастера начали предлагать свои услуги бесплатно. Потому что все учителя Вейшенга приобретали ещё большую славу, к ним приходило больше учеников, цена за их услуги возрастала в разы.

Только старый начертатель брал столько же денег, что и в начале, и относился к мальчику так же строго, как и в самом начале обучения.

В результате у отца и сына не оставалось времени на общение, Фа Лунг сильно переживала из-за этого, пока наконец не придумала решение. Она предложила Делуню по вечерам обучать сына лекарскому делу. В результате Вейшенг не переживал, что напрасно тратит время, а Делунь практиковался в своём деле, ведь после приезда в столицу он совсем забросил лечение и занимался только своей системой.

№ 3

– Вейшенг, уважаемый мастер! Прошу прощения, что прерываю занятие, но это очень срочный вопрос! – мама постучала в дверь.

Вейшенг рисовал массив из одиннадцати печатей, самый сложный из всех, что он когда-либо пробовал. Уже висело в воздухе семь печатей, и его напряжённая рука вырисовывала замысловатые элементы восьмой. Стоит лишь отвлечься, и весь массив рассыплется.

Учитель, как обычно, рассматривал картину на стене, сейчас на ней был изображен танцующий журавль.

На лбу Вейшенга выступил пот. Он боялся, что мать откроет дверь, не дождавшись ответа. Учитель, конечно, мог бы ответить ей и попросить подождать ещё пять минут, но

мальчик знал, что старик ни за что так не сделает. Недаром он постоянно повторял, что настоящий начертатель должен уметь создавать массивы невзирая на внешние условия, даже под градом стрел и взрывов.

«Может, он специально подговорил маму, чтобы усложнить мне задачу?» – думал мальчик.

Снова стук. Осталась последняя печать – замыкающая. Именно она соединит элементы массива и сольет их воедино. Больше всего ошибок возникало именно во время начертания последней печати.

Ещё один элемент. Массив засиял ровным золотистым светом и растворился в воздухе. Все получилось!

– Урок окончен, – сказал учитель, встал и открыл дверь.

– Ещё раз прошу прощения. Пришёл человек из дворца императора! Вейшенг, тебя срочно вызывают туда! – выпалила мама. – Я подготовила наряд.

Вейшенг вздохнул, поклонился учителю и пошёл за матерью.

В двенадцать лет Вейшенг выглядел старше из-за высокого роста, серьёзного выражения лица и чересчур вежливых манер. Он обещал вырасти красавцем с утонченными чертами, а его длинные чёрные волосы неизменно приводили в восторг женщин. Поэтому Фа Линг любила наряжать сына во взрослые одежды, которые шли ему невероятно.

Во дворце императора их встретила делегация чиновников в высоких золотых головных уборах. А впереди стоял

невысокий сухенький старичок с доброй-предоброй улыбкой – это и был Тай-фу, императорский воспитатель.

– Добро пожаловать во дворец, семейство Фа! – поприветствовал их Тай-фу. – Поздравляю вас и вашего сына! Он с честью прошел все проверки и доказал, что является хорошо воспитанным и благочестивым ребенком. Фа Вейшенг официально назначен на место друга принца Гуоджи.

Фа Лунг прижала руки к лицу, по ее щекам потекли слезы от неожиданной радости, Делунь прикоснулся к ее плечу, напоминая о поклоне. И только Фа Вейшенг приложил руку к груди и сделал церемониальный поклон младшего к старшему.

– Обязанность родителей друга принца – проследить, чтобы сын дважды в неделю приходил во дворец к полудню, и забрать его из дворца после ужина. А теперь я провожу Фа к принцу Гуоджи.

Вейшенг последовал за Тай-фу, а сам перебирал в памяти все, что знал об этом принце. У нынешнего императора пятеро сыновей, двое из них значительно старше самого Вейшенга, Гуоджи уделяют меньше внимания, и почти нет шансов, что его назначат наследным принцем.

Принцу Гуоджи около семи-восьми лет, он считается легкомысленным и слишком мягким, поэтому его не задействуют в политических играх, но по возрасту он наиболее близок к Вейшенгу. Его талант около шестидесяти, недостаточно высокий для императорской семьи, и его мать – не из са-

мого знатного рода. Зачем назначать Вейшенга другом принца? Это попытка увеличить популярность принца? Или Тай-фу думает, что мальчик-гений сможет повлиять на характер принца и сделать его более жестким? Или они хотят использовать настроения людей и повысить престиж императорской власти, показав, что даже человек из простонародья может дорасти до дворца?

Вейшенг прочел много книг по истории и решил, что становится великим через политические игры рискованно, для этого нужно либо разбираться во внутриворцовых отношениях, либо родиться членом императорской семьи. Нет, он лучше будет просто играть с мальчиком, читать ему книги, развлекать, но не более того.

– Принц Гуоджи, к вам прибыл Фа Вейшенг, ваш официальный друг.

Из-за высокого сундука, изукрашенного витиеватыми узорами, выскочил мальчик, путаясь в длинном до пят халате с широкими рукавами, и закричал:

– У-у-у-у! Тай-фу, я тебя напугал?

Старичок улыбнулся, поклонился и мягко сказал:

– Конечно, принц Гуоджи, мне очень страшно. Позвольте вам представить друга вашего высочества, Фа Вейшенг. Теперь он будет с вами играть дважды в неделю. Вы же хотели завести друга?

Принц подскочил к Вейшенгу, склонившемуся в глубоком поклоне, присел на корточки и заглянул ему в лицо:

– Привет! Ты умеешь играть в мяч?

– Да, мой принц, умею, – ответил Вейшенг, не выпрямляясь.

– Тогда пойдем играть! – и мальчик дернул Вейшенга за руку. Фа посмотрел на Тай-фу, тот согласно кивнул и удалился из комнаты.

* * *

Спустя несколько лет подросли дети от первых браков, устроенных Фа Делунем, и он вместе с их родителями с трепетом ждал дня именованья. С каждым годом его система обростала все новыми данными, усложнялась и становилась точнее, поэтому лекарь сейчас мог с уверенностью сказать лишь то, что таланты тех детей будут на уровне своих отцов либо немного превышать их. Но те дети, что должны родиться в этом и следующих годах, смогут поразить своих предков скачком таланта более чем на десять единиц.

Столичные свахи, потерявшие богатую клиентуру, пытались распускать дурные слухи про Фа, но благодаря всеобщей любви к его знаменитому сыну их попытка очернить семейство Фа провалилась.

А после того, как император пригласил Фа Делуня во дворец, дабы посоветоваться насчет невесты для своего старшего сына, злословить про Фа стало и вовсе кощунством.

Приближался шестнадцатый день рождения Вейшенга,

его совершеннолетие, и семье Фа нужно было определиться, кем же станет их сын. Каждая академия и каждый университет страны были готовы принять Фа Вейшенга к себе без каких-либо экзаменов, более того, многие ректора университетов посетили дом Фа и предложили крупные взятки за то, чтобы Вейшенг пошел именно к ним, уверяли, что ему даже не придется учиться или сдавать экзамены.

Но отцу Фа не очень нравился такой вариант, поэтому он пригласил к себе сына для серьезного разговора.

№ 4

Высокий стройный юноша с густыми черными волосами, ниспадающими до пояса, широким шагом ворвался в кабинет отца. Он только вернулся из дворца и еще не успел переодеться из парадных одежд с обильной вычурной вышивкой.

Делунь невольно залюбовался своим сыном. Его лицо не потеряло еще юношеской округлости, а строгие глаза и тугой росчерк бровей притягивали взгляды женщин всех возрастов.

– Как успехи у принца Гуоджи? Тебя не утомляет общение с ним?

Вейшенг улыбнулся краешком рта, увы, и без того сдержанный юноша после навязанной ему дружбы с принцем стал еще строже отслеживать свои эмоции и позволял себе немного расслабиться только дома, в кругу семьи.

– На прошлой неделе император, да ниспошлет ему Небо сотни тысяч лет жизни, впервые прилюдно похвалил принца Гуоджи за успехи в стрельбе из лука и послал ему подарок.

– О, это ведь хорошо? – Делунь старался держаться подалеже от дворцовых интриг, занимаясь лишь своей работой и изучая новые родословные.

– С одной стороны, да, так как это повысило престиж принца Гуоджи, к нему участились визиты чиновников и дворцовых служащих, и с его мнением будут считаться. С другой же стороны, ему всего одиннадцать лет, и он еще не научился правильно вести себя, поэтому сейчас такое внимание будет ему во вред.

– Кхм, – прокашлялся Делунь, он вовсе не хотел углубляться в жизнь дворца. – Но тебе уже скоро шестнадцать, ты станешь совершеннолетним. И пора решать, какой дорогой ты пойдешь. Как отец, я желаю тебе, мой сын, самого лучшего будущего, поэтому...

– Отец, я буду поступать в военную академию, – прервал его Вейшенг.

– Что? Военная... Но зачем? – Делунь разволновался, вскочил и принялся нервно расхаживать по комнате. – С твоим талантом и твоими способностями рисковать жизнью? Это по меньшей мере глупо и безответственно. Почему бы тебе не подумать о работе начертателем? Учитель тобой очень доволен и готов взять тебя в личные ученики!

– Я рассматривал и такой вариант, – спокойно ответил

юноша. – Начертание мне действительно нравится. С тех пор, как мы начали изучать элементы печатей и их смысловую нагрузку, я нахожу начертание схожим с партией в го. Та же чистая логика, строгие законы и правила, и при должном старании можно даже создавать свои собственные массивы, хотя мне, конечно, еще рано этим заниматься.

Но, увь, в начертании нет ничего героического. Ты просто сидишь в своей каморке и часами выводишь линии.

– А как же великие начертатели прошлого, которые создали защитные массивы для всей страны? Те уникальные каскады для императорского дворца? Те герои, что и по сей день работают, не покладая рук, ради безопасности дорог между городами?

– И ты можешь назвать их имена? Хотя бы одно имя любого великого начертателя.

Делунь замаялся. Его образование было далеко не лучшим, и почти все знания лежали в области лечения и с недавних пор в биографиях людей. Недавно в очередной семейной истории он встречал имя начертателя, который прославился созданием какой-то уникальной печати, но Делунь никак не мог вспомнить точно: то ли Донг, то ли Ганг, то ли Ханг.

– Вот именно, – кивнул Вейшенг. – Я не отрицаю важность их работы, но люди не видят величия в невидимых массивах и каскадах. И еще одно возражение. Ты говоришь, что с моим талантом не стоит идти в военные, но ведь для начертания талант не важен вовсе. Там важны точность, акку-

ратность, хорошая память и запас Ки, которую можно брать из кристаллов. Если я стану начертателем, тогда весь мой талант пропадет зря. С таким же успехом ты можешь взять человека даже с ничтожным талантом в районе двадцатки, найти ему хорошего учителя и сделать начертателем.

Фа Делунь усмехнулся. Его сын вырос в столице, в окружении знатных людей, чьи предки веками отбирали жен среди самых лучших семейств, и чей средний талант колебался от сорока до семидесяти. Самой бесталанной оказалась мать Вейшенга, которую природа наградила скромным талантом в двадцать три единицы. Поэтому юноша-гений искренне считал таких людей бездарями, не представляя, что в провинции можно встретить людей и гораздо менее одаренных.

Но в целом Вейшенг был прав. Для начертания талант был не важен.

– Но почему именно военная академия? Почему не лечение людей? Не административное управление? Не артефакторика? Почему военное дело?

– Потому что это самый простой способ стать великим, – пожал плечами Вейшенг. – Люди всегда запоминают тех, кто их убивает или защищает ценой собственной жизни. Подумай, чьи имена остались навсегда в истории страны? Жестокие тираны, кровавые генералы, зачинщики восстаний... О них слагают легенды, их именами пугают детей, а некоторые стали даже персонажами сказок. Герой должен быть окружен

брызгами крови. Мне жаль это признавать, я, как и ты, считаю, что настоящий героизм заключается не в этом, но таков этот мир.

К тому же, тебе не о чем беспокоиться. К тому времени, как я закончу академию, принц Гуоджи достигнет совершеннолетия, и ему понадобится личная гвардия. Кому, как не официальному другу принца, поручить ее возглавить?

Фа Делуню было неприятно слышать холодные и взвешенные слова сына, особенно потому, что тот был прав. Вейшенг провел беседу с отцом, следуя классическим правилам риторики: показал, что ценит и частично согласен с мнением отца; используя его же доводы, доказал свою правоту, а потом снял основное возражение отца насчет безопасности.

– А если ты не сможешь поступить? – слабо возразил Делунь.

– Тогда, отец, я сделаю так, как ты хочешь.

Но Фа Вейшенг с легкостью прошел все испытания и поступил в военную академию.

* * *

Всего через год студент Фа стал лучшим учеником военной академии, с легкостью побеждая в различных состязаниях и турнирах, неважно, бои это на мечах или стихосложение. Но несмотря на это, у него не было недоброжелателей или врагов. Возможно, потому что они, как и прочие дети

в этой стране, были наслышаны о гении Вейшенга, а может быть, потому что Вейшенг со всеми держался очень ровно, без зазнайства и чванства, отзывался на просьбы о помощи и спокойно мог потратить свободное время, показывая другому студенту прием, с которым победил его в предыдущей схватке.

Студента Фа очень занимали схемы и описания сражений, он находил в них ту же логику и красоту, что и в начертании, и в го. Правда, он был не согласен с утверждением, что в сражении много зависит от морального настроения солдат и их личной храбрости, поэтому придумывал беспроегрышные схемы боев, в которых его сторона при любом раскладе оставалась бы победителем.

Но постепенно его начала тревожить одна мысль...

№ 5

– Учитель Чан, разрешите вопрос? – встал из-за стола Вейшенг.

Учитель нахмурил брови. Многие преподаватели в академии в прошлом сделали неплохую военную карьеру и привыкли к безусловному подчинению, поэтому от студентов требовали только тишины и внимания. Если бы это был кто-то другой, то учитель Чан обязательно выбил из него дурь несколькими ударами палки, но это был студент Фа, лучший в академии, поэтому учитель Чан коротко кивнул.

– Почему в сражении на реке Инхэ командующий не воспользовался запирающим массивом? Он не такой затратный, как использованное им боевое заклинание, но при этом массив бы полностью блокировал переходы на реке, и тогда убитых было бы гораздо меньше.

Учитель Чан внимательно посмотрел на Вейшенга, но не заметил насмешки в его глазах, лишь желание понять.

– Хорошо, студент Фа, я объясню тебе. Встаньте те, кто изучал начертание.

Поднялся весь класс, все двадцать человек.

– Теперь останутся только те, у кого учитель начертания состоял в гильдии.

Половина людей села.

– Теперь останутся только те, кто может нарисовать работающий массив.

Вместе с Вейшенгом стояло только пятеро.

– А теперь останутся те, кто знает больше одного массива.

Юноша оглянулся и понял, что стоит только он.

– Студент Фа, у тебя остались вопросы?

– Но почему? Почему нельзя взять начертателей на службу в армию? Это было бы экономнее и разумнее.

Вейшенг был ошарашен. Обучение в военной академии велось за счет государства, и теоретически сюда мог поступить любой мужчина, неважно, из крестьянской семьи или императорской, но минимальный талант для поступления был равен пятидесяти, а знания и навыки для прохождения

испытаний невозможно было получить без многолетних занятий с хорошими преподавателями. Поэтому все студенты были из состоятельных семей, и Вейшенг логично полагал, что их учителя начертания должны быть не хуже его. Так почему только он продвинулся дальше основ?

Возможно, его учитель начертания считал, что Вейшенг обязательно вступит в гильдию, и потому обучал его тем вещам, которые обычно хранятся в тайне от прочих? Возможно, отец заранее пообещал учителю такой исход? Тогда почему он согласился нарушить свое слово?

Учитель Чан вновь почувствовал себя в своей тарелке. Оказывается, даже студент-гений может не понимать элементарных вещей.

– Что ж, видимо, придется объяснить тебе то, что знают все в этой стране. Начертатели, несомненно, очень умные и полезные люди, но при этом они алчны, трусливы и высокомерны. Они заперлись в своей крошечной гильдии и трясутся над своими секретами. Ты вот сказал про запирающий массив. Я ни разу за всю свою жизнь не слышал о таком. Худо-бедно министры могут заставить их поработать на благо страны, добавить пару печатей к императорскому дворцу, да дарует ему Небо сто тысяч лет жизни. И их работа над безопасностью дорог тоже отлична. Но никто из них не хочет отправиться на войну и рискнуть своей жалкой шкуркой ради своего же народа... Конечно, у принцев есть свои придворные начертатели, которые старательно пляшут возле шатров

принцев, но и шагу не сделают, чтобы помочь обычным солдатам.

Учитель Чан раскраснелся от негодования и теперь кричал практически в лицо Вейшенгу:

– И это не только начертатели. Все гильдии таковы. С трудом военное ведомство смогло принудить лекарей выделить людей для военных нужд. И они выполняют требования, но как? Присылают еле обученных юнцов, с трудом умеющих Ки из кристалла черпать, с низкопробными талантами. Специально проводят наборы всяких придурков, наскоро показывают два-три заклинания и швыряют в армию, а всех талантливых и грамотных оставляют себе. Лечат грыжу у зажавшихся ленивых толстосумов да стирают морщинки у их жен.

Вейшенг чуть поморщился, его отец ведь тоже был лекарем, но ему даже в голову не приходило отправиться в армию. В том числе и потому, что в армии всегда было много работы, а жалование платили небольшое, и практикой в городе было заниматься гораздо выгоднее.

– Если ты знаешь побольше нашего про начертание, почему бы тебе не прочитать лекцию о массивах и их действии? Заодно, может, обучишь некоторых?

* * *

Вейшенг не стал самым молодым студентом академии, так

как был случай, когда вписали в ряды учащихся младенца. Он не закончил ее быстрее всех, так как однажды в академию зачислили опытного полевого генерала, который сдал все экзамены за неделю и сразу выпустился. Но преподаватели выделяли Вейшенга среди прочих, кроме того он оказался единственным студентом, который начал преподавать в первый же год обучения.

А после окончания военной академии, как и планировалось, Вейшенг принял пост командующего личной гвардии принца Гуоджи.

Многие учителя и студенты восприняли это назначение, как должное, почти каждый предпочел бы служить во дворце, а не месить сапогами грязь в отдаленных провинциях страны, где самая продвинутая магия – вливание Ки в огненный камень. И лишь учитель Чан усмехнулся и сказал:

– Студент Фа так же подходит для дворца, как боевой клинок подходит для украшения женской прически. Недолго он там протянет.

Первое время после назначения Вейшенг был сильно занят: знакомился с подчиненными, проверял их боевые навыки, обновлял защитные массивы вокруг дворца принца Гуоджи, перетряхивал прошлое приближенных принца и их связи, выискивал шпионов, некоторых из них выгнал, тех, что поглупее, оставил под присмотром.

Когда же работа была налажена, Вейшенг обратил внимание на самого принца. Тому недавно исполнилось восемна-

дцать лет, и он с юношеским пылом окунулся во взрослую жизнь, но его увлекали не политика, не знания, не военное искусство, а женщины. Дворец, в котором несколько лет назад сновали туда-сюда седобородые преподаватели, сейчас походил на цветник. И Фа пришлось потратить немало усилий, чтобы убрать подосланных от братьев Гуоджи наложниц в дальнее здание.

С возвращением Вейшенга во дворец репутация принца снова начала расти, к его мнению прислушивались, император даже поручил ему несколько небольших дел, но Фа понимал, что это продлится недолго.

№ 6

– Мой принц, прошу уделить мне немного времени, – Вейшенг по-прежнему соблюдал дворцовый этикет даже по отношению к своему другу, которого знал вот уже более десяти лет. В строгом черном облачении, с волосами, завязанными в высокий пучок, он казался чужеродным в роскошном кабинете принца, где обстановка была выдержана в красно-золотых цветах.

Принц Гуоджи недовольно поморщился, он как раз собирался в покои наложницы, где та обещала угостить его иноземным вином и показать новый танец.

– Это срочно? Может, вечером поговорим? Или пойдем со мной? Моя Баожэй приготовила что-то необычное в этот

раз.

– Это срочно и недолго, – спокойно сказал Вейшенг. Принц плюхнулся обратно на мягкую подушку и принял преувеличенно внимательную позу, изображая отца на заседаниях. – Мой принц, вы, наверное, слышали, что на восточных границах начались беспорядки.

– Снова эти глупые крестьяне взбунтовались. Ничего страшного. Они не доберутся до дворца, уверяю тебя, – рассмеялся Гуоджи.

– Я в этом не сомневаюсь. Но речь не об этом. Я прошу назначения на пост командующего войсками, что отправят на их усмирение.

– Но... Вейшенг, – принц приподнялся, – ты же не можешь меня вот так оставить? Только вчера отец похвалил меня на совете министров, а ведь я поступил согласно твоему совету! А еще, ты же помнишь, я теперь отвечаю за выбор поставщика луков в армию. Нет, ты никуда не поедешь!

Фа еле заметно вздохнул. Он ожидал такой реакции от принца. Слишком сильно он давил на него, и в результате сейчас Гуоджи не может и шагу ступить, не посоветовавшись с командующим своей гвардии. Но и отступать Фа не хотел. Невозможно стать великим, просиживая штаны во дворце и нянчась с избалованным юношей.

Вейшенг планировал оставаться во дворце лишь до начала боевых действий, так как служить где-нибудь в глухом местечке под чужим командованием он не хотел, а здесь он мог

повлиять на свое назначение. Войн в ближайшее время не предвиделось, уж Вейшенг бы точно об этом знал, поэтому как только пошли первые слухи о крестьянских бунтах, командующий гвардии сразу решил использовать этот шанс.

– Мой принц, это назначение нужно больше вам, чем мне!

– Разве? – удивился Гуоджи. – Поясни.

– Мой принц знает, что каждый мой поступок направлен на возвышение вашего величества. И раньше, когда мы были детьми, достаточно было лишь моих знаний, успехов в учебе и магии, чтобы помогать моему принцу. Но мы уже взрослые, и этого теперь недостаточно. Скоро мой принц на совете будет слышать не похвалы отца, а упреки других принцев. Они будут говорить, что у моего принца никчемные советники, которые не видели настоящей жизни, не сражались в реальном бою, не защищали страну. Уже сейчас слышатся шепотки, что командующий вашей гвардией, – Вейшенг поклонился, – храбр и силен лишь в тренировочном зале академии, а как окажется в бою, так забудет, с какой стороны за меч хвататься.

– Ты прав, – пробормотал принц, – ты снова прав. Но что делать, если тебя вдруг ранят или убьют?

– Мой принц тоже не доверяет мне? – удивленно приподнял бровь Вейшенг. – Это всего лишь необученные крестьяне с вилами и серпами. А я боевой маг с талантом в семьдесят пять единиц, закончивший императорскую военную академию.

– Поговаривают, что это не обычный бунт, вроде бы его поддерживает какой-то маг.

– Тем выше будет слава моего принца после победы! И тем большей покажется ваша жертва, когда вы отправите меня на защиту страны.

Принц Гуоджи не выдержал, вскочил с места и принялся мерить шагами комнату, нервно теребя золотое шитье на рукавах.

– С другой стороны, это какой-то мелкий бунт. Какой смысл отправлять тебя так далеко ради пары десятков идиотов? Это даже заслугой не будет считаться. Может, подождем более значимой заварушки?

Вейшенг наклонил голову, скрывая раздражение.

Пока отец-император жив, он не допустит развязывание полноценной войны. Всю жизнь он положил на укрепление отношений с соседними странами, выдал своих сестер и дочерей замуж за иноземных правителей, у него самого вторая и третья жены – иностранки. Даже с агрессивным восточным соседом он сумел наладить некое подобие мира.

Когда же он умрет, а это может случиться в любое время, на трон взойдет наследный принц, сын от первой жены из знатного рода. Вейшенг знал, что наследный принц терпеть не может Гуоджи и недолюбливает самого Фа, в основном, потому что слава Вейшенга работает не на него. Поэтому при первой же возможности Гуоджи сошлют в отдаленную провинцию, а Вейшенга отправят в захолустную крепость, где

самое интересное событие – приезд проверяющего раз в три года.

Нет, Вейшенг не может ждать лучшего момента. Если бы у него было больше времени и связей, то он бы и сам мог организовать через третьи руки какое-нибудь восстание, но сейчас это слишком рискованно.

– Мой принц, думаю, что это наш единственный шанс. Если проблемы появятся неподалеку от столицы, то никто не будет собирать отдельный отряд и назначать непроверенного командира, ведь тут есть постоянные военные части. Не сомневайтесь во мне. Я прослаблю ваше имя!

* * *

На совете министров не стали возражать против назначения Вейшенга, но под влиянием наследного принца вместо стандартного люй (пятьсот воинов), который выдавался под подобные случаи, Фа дали всего лишь один цзу, состоящий из ста пехотинцев, одной легкой колесницы, одного мага и одного лекаря.

Наследный принц сказал, что с талантами Вейшенга ему не понадобится и столько воинов, ведь прославленный маг и стратег сможет справиться с несколькими крестьянами и в одиночку, но должен же кто-то варить ему кашу в походе и чистить сапоги.

Принц Гуоджи не смог изменить это решение, зато этот

цзу был набран из самых опытных воинов, прошедших не одно сражение, а маг и лекарь хорошо владели своим ремеслом, а не числились в списке для галочки.

Фа был неприятно удивлен таким положением, ведь быть командиром люй значительно престижнее, чем быть командиром цзу. Да что там, обычно цзу управляли не выходцы из военной академии, а простые солдаты, только поопытнее и посообразительнее, таким образом, наследный принц дал понять, что оценивает таланты Вейшенга не выше талантов обычного пехотинца.

И хуже всего, что люди из цзу будут знать, что их отправили на границу в таком малом количестве только для того, чтобы досадить Вейшенгу. И любви к командиру у них от этого не прибавится.

В конце совета наследный принц подошел к Вейшенгу и протянул ему кристалл на сто Ки, мол, это все, что может выделить государство в качестве магического обеспечения.

Фа съездил в дом отца и взял еще кристаллов на пятьсот Ки. Вложение собственных средств было обычной практикой среди офицеров, так как лучше потратить личные деньги на энергию и победить, чем сэкономить и проиграть.

По отлично устроенным дорожным путям под защитой магических барьеров, с равномерно распределенными стоянками для ночлега и отдыха, цзу быстро добрался до приграничного городка, откуда пришел сигнал тревоги. Оказалось, что бунтовщиков не меньше ста пятидесяти человек,

среди них боевой маг или даже два, и эта информация была отправлена в столицу еще до выезда Вейшенга.

После опроса местных и предварительной разведки у Фа сложилась странная картина о местном восстании: все было тихо-мирно, крестьяне спокойно работали на полях, последние два года были урожайными, и голод никому не угрожал, но около полугода назад из деревень начали пропадать молодые парни. Сначала никто не обращал на это внимания, раньше юноши тоже уходили в города попытать свою судьбу, пока пару месяцев назад не начались первые нападения на караваны и повозки, перевозящие зерно и мясо. А потом эти разбойники захватили дальнюю деревню, убили старосту и лян (двадцать пять) солдат, расквартированных там, и перекрыли одну из дорог, ведущих через границу, в страну Коронованного журавля.

№ 7

– Твоя задача – узнать, в каком из домов живет маг. Не нужно геройствовать. Понял? – Вейшенг чувствовал себя идиотом, разъясняющим прописные истины опытному воину, но иначе он не смог бы прикрепить к нему следящее заклинание.

Пару дней Командующий цзу потратил на знакомство с местностью и составление плана сражения. Это ключевой момент его будущей карьеры. Если он проиграет, то никто

не скажет, что у него было недостаточно солдат, зато вспомнят о том, что в его отряде были собраны самые лучшие, и что выпускник военной академии был разбит крестьянами. После этого ему придется оставить свои амбиции и смириться с участью дворцового шаркуна. Терять своих людей Фа тоже не хотел, а значит, выход только один – положиться на магию.

Еще один день и сто Ки Вейшенг потратил на начертание массива, перекрывающего дорогу из деревни в сторону границы, и поставил там нескольких лучников.

План был довольно сложным и состоял из нескольких этапов, но так как в цзу действительно были опытные солдаты, все быстро поняли свою задачу. Оставалось лишь одно – узнать, где сидит маг.

Спустя час Вейшенг получил обратную связь – разведчик погиб моментально, не успев даже послать сигнал через амулет. Только благодаря следящей магии Фа смог узнать о его смерти.

Начинало темнеть. Пора начинать.

Большая часть его солдат были копейщиками, но за годы службы многие из них также освоили и лук, по крайней мере, могли стрелять в нужном направлении. И этого было достаточно.

Выбрав лян (двадцать пять) лучших стрелков, Фа выстроил их в ряд, коснулся каждой стрелы, лежащей на тетиве, затем отрядный маг также прошелся по ряду и зажег по

небольшому магическому огоньку на кончике стрелы.

Взмах!

Двадцать пять синеватых точек взметнулись в небо. Вейшенг с трудом удерживал концентрацию и когда почувствовал, что стрелы вот-вот выйдут за пределы его воздействия, влил прикрепленные сгустки Ки в огоньки, а отрядный маг усилил ветер, подправляя полет. Небо расцвело ярко-синими кострами, из деревни слышались крики ужаса, которые усилились, когда огонь охватил тростниковые крыши.

Взмах!

С места сорвалась колесница, запряженная вилорогами с завязанными глазами. А за ней побежали пятьдесят пехотинцев, первый десяток – с персональными защитными массивами, пусть и самыми простенькими. Затем тронулся и Вейшенг на лупоглазе, разукрашенном в черно-красные цвета.

К моменту его въезда деревня походила на Дно Пропasti из самых страшных детских сказок: языки магического синего огня дико плясали на стенах и крышах домов, окрашивая пробегающих людей в жуткие нереальные оттенки. Неподалеку промчалась колесница, на которую Фа наложил иллюзию огромной черепахи. Крестьяне, предавшие свою страну, страну Божественной Черепахи, должны были подумать, что само небо карает их за их прегрешения. Те, кто сумели устоять перед страхом и напасть на солдат, увидели, что их стрелы останавливаются и падают, не коснувшись тел, их копья не могут пронзить врага и их топоры словно врезаются

в невидимые стены.

Сам Вейшенг, окутанный защитными массивами со всех сторон, направился на место гибели разведчика, там еще оставался отпечаток от следящей магии.

Вражеский маг был либо глуп, либо тщеславен, так как поселился в доме старосты. С другой стороны, это был единственный дом с черепичной крышей, поэтому почти не пострадал от огня. Сначала Вейшенг увидел лишь резкий росчерк света и почувствовал, что передний массив наполовину исчерпан. Молния? В этом не было никакого смысла: слишком затратная магия, несложная, но бессмысленная, особенно для массового сражения.

Еще один росчерк, Вейшенг едва успел подставить боковой массив. Откуда? У него что, годовой запас кристаллов с Ки?

А потом лицо командующего побелело от ужаса. Тот маг, молодой парень, не старше самого Вейшенга, схватил своего же человека, что защищал его от атак, и впечатал ему в лоб ладонь. Несчастный закатил глаза и стек вниз, а в руке мага засверкала новая искра. Еще одна молния! И почти без передышки – еще одна.

Вейшенг скатился с лупоглаза, уклонившись от первого удара, принял второй на боковой массив, который рассыпался, исчерпав свой лимит, выхватил копье и прыжком бросился к магу. Следовавшие за ним пятеро воинов перехватили охрану мага. Фа влил Ки в руки, часть энергии направил на

атакующее заклинание на кончик копья и, с размаху уничтожив незамысловатую защиту, пронзил мага, а сработавшая магия взорвала его внутренности...

Командующий цзу, не останавливаясь, дернул копье на себя и хотел было продолжить бой, но увидел, что все враги, видевшие смерть мага, упали на колени и опустили лбы на землю в типичной крестьянской манере. Солдаты Фа также замерли в недоумении, не понимая, нужно убивать сдавшихся или нет.

* * *

Впоследствии выяснилось, что эта деревня – лишь одна из баз, подготовленных страной Коронованного журавля. Их маги – заточенные под одну операцию мужчины, снабженные запрещенными амулетами, высасывающими Ки из людей и животных. Их обучали нескольким мощным заклинаниям, давали небольшой отряд и отправляли для захвата приграничных деревень, куда через какое-то время должны были подойти и полноценные военные отряды.

Магу несложно было захватить деревню и держать ее жителей в заложниках, угрожая вытянуть из них всю Ки, что он и продемонстрировал в самом начале.

Если бы один из мужчин не решился на побег, не сумел дойти до ближайшего города и сообщить о захвате деревни, если бы наследный принц не захотел досадить Фа и не умень-

шил его отряд, благодаря чему сборы и переход были сокращены с нескольких недель до семи дней, то вражеская операция могла бы увенчаться успехом.

После этого сражения карьера Фа резко пошла вверх. Он провел на восточной границе несколько лет, постепенно увеличивая свою армию. Сразу после донесения во дворец к нему был отправлен один Ши (две тысячи пятьсот человек), спустя два года в его подчинении числилось уже три Цзюня (цзюнь – двенадцать тысяч пятьсот человек), полноценное войско.

Вейшенг опробовал все стратегии, придуманные им еще во время обучения в военной академии, он щедро использовал магию, в том числе и начертательную, и понял, что ему катастрофически не хватает знаний. Фа знал, что существуют более интересные варианты массивов, в том числе и атакующие, и движущиеся, и запечатывающие магию, но, увы, старый учитель не успел до конца обучить его, а после выбора Фа военной карьеры и вовсе отказался учить начертанию.

Тогда Вейшенг, используя связи во дворце в виде принца Гуоджи, свою популярность у простого народа и воинские заслуги, сумел продвинуть законопроект об принудительной службе в армии каждого из начертателей, состоящих в гильдии, и сделал так, чтобы двоих сыновей и внука его старого учителя распределили в самые горячие точки, где смертность была выше всего. А потом позволил слухам о собственной причастности дойти до учителя.

Так Вейшенг вновь заполучил себе учителя по начертанию и принялся с бешеной скоростью пополнять свои знания в массивах.

Во время редких посещений столицы Вейшенг непременно навещал родителей и рассказывал им о своих достижениях.

№ 8

Фа Делунь, восседающий во главе стола, почти не изменился за эти годы. Такой же худой, черноволосый, увлекающийся, он стал негласной свахой страны. Теперь его теория была официально подтверждена императорским дворцом, а также десятками детей, прошедшими церемонию именованья. Фа Линг все также хлопотала вокруг мужа и сына, в последние годы ей приходилось вести активную светскую жизнь: принимать жен и дочерей знатных людей, наносить ответные визиты, что для простолюдинки из провинции было и невероятной честью, и большой ответственностью. Она научилась подбирать наряды так, чтобы не казалось, что она считала себя их ровней, но одновременно не оскорбляла их чувство прекрасного. В результате Линг нечаянно ввела в моду крестьянские фасоны одежды, только шила их из дорогих тканей.

Вейшенг смотрел на своих родителей и улыбался так, как никогда не улыбался вне дома: широко, искренне, немного

по-детски. Время, проведенное в походах, закалило его, придало его внешности суровость и мужественность, которых ему не хватало раньше, но здесь, в родном доме, он мог позволить себе расслабиться и быть просто любящим сыном.

Глядя, как хлопочет мать, беспрестанно подкладывая ему самые вкусные кусочки, Вейшенг вдруг спросил:

– Ма, па, а почему вы больше не стали заводить детей? Какие-то проблемы со здоровьем?

Линг опустила глаза, а Делунь усмехнулся, покачал головой и сказал:

– Сначала нам было не до того. Я хотел убедиться в правильности своей теории и ждал твоего дня именованья, потом был переезд в столицу, и все наши силы и средства уходили на твое обучение. Наше будущее было весьма зыбко.

– А потом?

– А потом мы поговорили с твоей мамой и решили так все и оставить. Если бы твой брат или сестренка родились бы менее талантливыми, то им пришлось бы всю жизнь прожить в твоей тени и быть лишь «родственниками того самого Вейшенга», а если более талантливыми, то это могло бы навредить тебе. Поэтому ответственность за продолжение рода на твоих плечах.

– Жениться бы тебе, сынок, – тихо сказала Линг.

Еще перед поступлением в академию у Вейшенга состоялся серьезный разговор с отцом. Делунь видел, какое впечатление на женщин оказывают внешность и талант Вейшенга,

и опасался, что сына могут втянуть в какую-нибудь неприятную историю.

– Запомни, Вейшенг, – сказал тогда Делунь, – несмотря на наше нынешнее богатство и приближенность к дворцу, мы всего лишь простолюдины. И, несмотря на улыбки и лесть, никто из знати ни на секунду не забывает об этом. Поэтому я прошу тебя избегать каких-либо отношений со свободными девушками. При малейшем намеке на нескромные слова или действия тебя либо выпорют на площади за оскорбление, либо женят. Недоброжелатели могут подкупить девушку или использовать ее, даже без ее ведома. Будь осторожен.

Вейшенг запомнил слова отца и следовал его советам все эти годы. Все отношения с женщинами у него сводились к посещениям Весенних домов, сначала вместе с принцем Гуоджи, чтобы иметь на своей стороне свидетеля с благородной кровью, а затем уже и в одиночку.

– Я не возражаю, – равнодушно ответил Вейшенг. Ему к этому времени исполнилось тридцать лет. – Отец, ты уже подобрал варианты?

– Ой, я сейчас, – и Линг выбежала из комнаты. А Делунь глотнул вина и улыбнулся:

– Я готовлю списки невест, начиная с твоих четырнадцати лет. И каждый год переписываю их заново.

– Зачем?

– Некоторые потенциальные невесты выходят замуж, некоторые заболевают или умирают, некоторые становятся

слишком старыми для замужества. Твоя мать ждала этого дня столько лет, так что смотри, не разочаруй ее.

Линг вошла, прижимая к груди красиво украшенный свиток, даже к кончикам шнура, опоясывающего его, были привязаны крошечные колокольчики.

– Смотри, твой отец подобрал десять самых лучших девушек, от которых у тебя родятся гениальные здоровенькие детишки, – щеки и уши Линг покраснелись, ее глаза блестели от слез, и Вейшенг не мог сдержать улыбки, глядя на счастье матери. – Ты можешь выбрать любую.

– Ма, я совсем не бываю в столице и не знаю этих девушек. Как я могу выбрать? Может, ты мне сможешь помочь?

– Конечно, – выпалила Линг. – Я их всех видела, с каждой говорила. Они все симпатичные, милые, послушные, но самые лучшие – вот эти три. У первой – Шень Лилинг – очень нежная чистая кожа, без единой родинки и пятнышка, она из благородной, но небогатой семьи, которая будет счастлива породниться с нами. Она весьма искусна в составлении букетов. Вторая – Шао Лули – известна своими длинными красивыми волосами, они у нее блестят словно шелк. Ее отец раньше преподавал в императорском университете, но перешел в чиновники и сейчас входит в императорский совет, ты его, наверное, знаешь.

Вейшенг кивнул, припомнив улыбчивого мужчину, у которого церемониальная шапка все время сползала набок. Шао всегда поддерживал проекты Фа на совете, и только те-

перь Вейшенг понял, почему.

– Третья же – Ми Киую – чудесная девушка с красивыми глазами. Она весьма образована, любит читать, разбирается в политике, самостоятельно ведет домашнее хозяйство семьи уже несколько лет, после смерти матери. Ей сейчас пятнадцать лет, идеальный возраст для жены. И хотя ее семья не столь знаменита и не вхожа в высшие круги, у них всегда рождались здоровые талантливые дети. Семья Ми славится сильной магией, один из предков даже становился мастером гильдии начертателей, и говорят, что у них сохранилась неплохая библиотека.

Даже человек, незнакомый с Фа Линг, сразу понял бы, на ком остановился ее выбор, что уж говорить про Вейшенга. Он преувеличенно серьезно покивал и сказал:

– Хорошо, ма. Наверное, мне нужно познакомиться с каждой девушкой, чтобы принять окончательное решение. С другой стороны, я показал бы себя непослушным сыном, если бы выбрал себе в жены не ту, что в глубине сердца уже выбрала ты. Поэтому высылай сватов! Пора уже подарить тебе внуков.

* * *

После свадьбы жена Вейшенга, Фа Киую, осталась жить в доме его родителей, так как Вейшенг постоянно находился в походах либо пропадал в императорском дворце.

Знаменитый полководец, командующий восточной армией, талантливый маг, совершивший революцию в военном деле, он все же не был удовлетворен своим положением. Да, он достиг многого для человека его лет и происхождения, возможно, больше, чем кто-либо, но это не величие. Это лишь слава, временная и преходящая. Пройдет несколько десятков лет, и его имя будут помнить лишь ученые-историки.

Может, все же военная карьера была не лучшим выбором?

Нападения со стороны востока прекратились, и Вейшенг смог погрузиться в магию, а именно в начертание. Старый учитель сначала нехотя выдавал секреты своей гильдии, но постепенно, по мере накоплений знаний у Фа, обучение стало больше походить на совместную разработку новых массивов и способов начертания.

Вейшенг знал, что в гильдии мастерам разрешают пробовать что-то новое только после достижения шестой ступени, а для этого начертатель должен знать наизусть сто восемь печатей и двадцать четыре массива. Многие поднимаются на эту ступень будучи пожилыми и уже не имеют ни желания, ни сил для исследований.

Учитель Вейшенга же сумел сохранить любознательность даже в возрасте семидесяти лет и, простив бывшего ученика, с интересом окунулся в магические эксперименты. Фа снабжал учителя необходимой Ки, скупал труды по начертанию, заказывая их даже из других стран, также продумывал новые

сочетания уже известных элементов печатей.

Отец-император, тем временем, тяжело заболел, и вся столица замерла в ожидании. Принц Гуоджи благодаря Вейшенгу с пятого места наследования поднялся на второе, император несколько раз даже шутил насчет изменения его титула. За эти годы принц Гуоджи стал ассоциироваться с военной властью в стране, он контролировал все поставки в армию, влиял на назначения командующих, на продвижение по службе и награждения отличившихся, в то время как наследный принц занимался повседневной рутинной.

Наследный принц понимал, что после смерти отца для захвата престола принцу Гуоджи достаточно будет спровоцировать небольшой военный конфликт и собрать войска возле столицы под этим предлогом. Попытки покушения на принца неизменно проваливались благодаря отлаженной системе охраны, ведь готовили Гуоджи на отдельной кухне, а перед защитной системой массивов дворца пасовали даже знаменитые мастера.

Но у каждого человека есть слабое место.

№ 9

Вейшенг примчался в дом родителей, как только получил сигнал с амулета отца. Пролетев ворота, он ворвался в комнату. Там, за полупрозрачной ширмой, на кровати лежала бледная Фа Линг:

– Что случилось? Все в порядке? Кто-то напал? – за все эти годы сигнальный амулет ни разу не подавал признаков жизни.

Линг приподнялась и прошептала:

– Иди... к жене... Отец у нее...

Вейшенг приложил руку ко лбу матери, запустил анализирующую Ки и увидел, что в тело матери проник какой-то яд с магической составляющей, но большая его часть уже была удалена.

– Вас кто-то отравил? Как это случилось?

– Иди к жене, – выдохнула Линг.

Хотя Киую была мила, предупредительна и влюблена в Вейшенга с самого детства, чем и подкупила Фа Линг с первой встречи, Вейшенг не испытывал к ней никаких чувств. Он воспринимал женитьбу, как еще одну обязанность, навязанную обществом, а саму Киую считал чужой, человеком из внешнего круга. Даже учитель по начертанию был для него ближе, чем жена, ведь его он знал уже более двадцати лет.

Он соблюдал все приличия, выполнял супружеский долг, но не проводил с Киую ни одной минуты сверх необходимого. А после того, как она забеременела, и вовсе перестал посещать ее, периодически заходя в Весенний дом.

Вейшенг не стал спорить с матерью и послушно направился в дом, где жила жена. Стоило ему только войти, как он услышал голос отца:

– Сын, это ты? Быстро сюда. Надеюсь, у тебя есть запас

Ки?

Делунь сидел рядом с Киую и держал руки на ее округлившемся животе, его лоб был покрыт испариной, и судя по бледному лицу, он уже вливал свою собственную энергию в Киую. Вейшенг вытащил кошель с кристаллами, передал самый крупный отцу и сел рядом.

– Ты давно не практиковался, – сквозь зубы процедил Делунь, пропуская через себя Ки из кристалла. – Я послал за лекарем, но медлить нельзя. Садись и начинай очищать ее кровь, удаляй все инородное, я займусь магией, – и тихо добавил. – Хоть бы не навредить малышу.

За эти годы Вейшенг не часто занимался лечением, и обычно это были боевые травмы: порезы, ушибы, переломы. Болезни, а также магические отравления были благополучно забыты за годы военной службы, но такую элементарную вещь, как очищение крови, Вейшенг помнил: несложное, но затратное и довольно утомительное заклинание, так как его необходимо постоянно обновлять. Собрав небольшое количество загрязнений, оно растворялось, выбрасывая шлаки через поры кожи. На полную очистку крови взрослого человека с невысоким талантом отца уйдет более двухсот Ки, а ведь Делунь уже очистил кровь матери.

Вейшенг сосредоточился, настроился на токи крови жены и вдруг замер. Он почувствовал, как в ее теле бьется сразу два сердца: одно – медленно и гулко – Киую, а второе – мелко и звонко – ребенка. Его ребенка. Он увидел, как живет,

двигается и растет его сын. Это будет точно сын. И что-то внутри самого Вейшенга дрогнуло. Он словно впервые посмотрел на свою жену.

Киую была покрыта потом с ног до головы, от ее тела исходил неприятный запах нечистот, которые выводились наружу через кожу, волосы растрепались, а глаза с испугом следили за выражением лица Вейшенга. Больше всего она боялась, что муж возненавидит ее за столь неприглядный вид и будет испытывать к ней отвращение, поэтому она прикрыла лицо рукавом.

Но Вейшенг убрал ее руку и впервые ласково улыбнулся ей:

– Киую, лежи, не напрягайся, сейчас мы тебя вылечим, – и выпустил несколько очищающих заклинаний одновременно. Со своим талантом, запасом Ки и отточенной на бесчисленных массивах концентрацией Вейшенг мог себе такое позволить. К счастью, в тело ребенка попало мало яда, но перед тем, как очищать его кровь, нужно было сначала сделать это с кровью Киую, иначе все будет напрасно.

К тому времени, как пришел вызванный лекарь, жизнь Киую и ребенка были вне опасности.

* * *

После неудавшегося покушения Вейшенг приложил немало усилий, чтобы отыскать исполнителя, а затем, после пока-

зательного суда, лично наблюдал за пытками и казнью преступника. И хотя заказчика так и не нашли, командующий восточной армией прекрасно знал, кто это, а также знал, что никогда не сможет обвинить наследного принца.

Именно тогда Фа решил, что сделает все, чтобы посадить на трон принца Гуоджи. Нужно лишь дождаться смерти императора.

Но оставлять свою семью в столице Вейшенг также не хотел, поэтому, заручившись поддержкой Гуоджи, выкупил небольшую деревеньку в двух днях езды от столицы и перевез туда родителей, жену и слуг. В деревне он построил большой особняк для семьи и казарменный дом, куда перевел сотню проверенных солдат.

Военные дела Вейшенг переложил на своих заместителей и с головой погрузился в политику, подготавливая почву для будущего свержения наследного принца, хотя принц Гуоджи до сих пор колебался и не дал окончательного согласия на эту операцию.

Когда же подошло время родов, Вейшенг получил разрешение на поездку к семье. И Киюю его не подвела, родила прекрасного здорового сына, которого назвали Цзихао (героический сын). Новоявленные бабушка и дедушка глаз не спускали с малыша, и Вейшенгу иногда приходилось чуть ли не силой отнимать у них ребенка, чтобы иметь возможность самому поиграть с ним. За время, проведенное с семьей, Вейшенг начал больше общаться с женой, понял глу-

бину ее чувств и, наконец, принял ее в своем сердце.

Но чем больше он привязывался к жене и сыну, тем сильнее боялся их потерять. Ему все время казалось, что меры защиты недостаточны. Его семью попытались отравить не через пищу, так как ее всегда проверяли при помощи специального амулета (Вейшенг никогда не пренебрегал мерами предосторожности), а через ткани, которые Линг и Киую заказали у своего постоянного поставщика.

Вейшенг понимал: в прошлый раз ему повезло, что наследный принц не учел профессию Делуня. За двадцать с лишним лет в столице его привыкли считать лишь гениальным свахой, забыв, что раньше он был лекарем.

Как защитить своих родных? Увеличить количество солдат? Бессмысленно и опасно, ведь чем больше людей в деревне, тем выше риск проникновения предателя. Нарастить еще массивы? Но ни один начертатель не сможет вложить в них барьеры от всех возможных опасностей: болезни, дикие животные, яды, магия, оружие. К тому же людям нужно постоянно выезжать из деревни и возвращаться. Изолировать деревню можно, а вот защитить – нет.

При помощи старого учителя Вейшенг начал искать другие способы защиты и, перебирая библиотеку гильдии, наткнулся на описание некоего странного способа защиты, который назывался «Благословение небес». Там говорилось о сложной системе каскадов, которая увеличивает удачу всех, кто находится в пределах этой системы. Все беды словно об-

ходят их стороной, начиная от неурожая и заканчивая нападением врагов.

Целый год плотной работы потребовался Вейшенгу и его учителю на то, чтобы восстановить порядок начертания каскадов и их рисунка. По предварительным расчетам только на начертание всех печатей должно было уйти более десяти тысяч Ки, и это в том случае, если Вейшенг сумеет нарисовать их с первого раза. Сложность была и в том, что для запуска системы нужно не менее двух тысяч Ки, и в дальнейшем также необходимо поддерживать систему энергией.

Вейшенг был состоятельным человеком, но по меркам столицы не особо богатым, все же больше всего денег приносит торговля, а не военное дело, поэтому ему пришлось продать дом в столице и влезть в долги для закупа такого количества Ки.

№ 10

Учитель начертания, уже практически ставший частью семьи Фа, и Вейшенг в очередной раз при помощи магического зрения перепроверили каждую линию и каждый завиток гигантской системы каскадов, исчеркавших всю территорию деревни и даже прилегающих к ней полей, сверяясь со свитками.

Каждый из них знал, чем может обернуться малейшая ошибка при начертании, особенно такой большой системы.

Даже императорский дворец защищали массивы попроще, только их накладывали слой за слоем против разных видов опасностей, и Вейшенг мог назвать десяток разных способов, как уничтожить всех живущих во дворце, не затрагивая массивы.

Они даже опробовали упрощенный вариант данной системы на небольшом участке, хоть это и потребовало дополнительных вложений, и все прошло прекрасно.

После проверки учитель поклонился Вейшенгу и пошел в сторону особняка, куда уже были перевезены его дети и внуки. Фа сказал, что не хочет рисковать и оставлять семью учителя без защиты.

Наконец, пришел тот самый момент, после которого Вейшенг сможет спокойно оставить семью и вплотную заняться наследным принцем.

Вейшенг вынул из сумки огромный кристалл на три тысячи Ки и вложил его в сердце системы. На этот кристалл ушли последние деньги, которые Фа сумел собрать под свое имя и имя отца. Он даже опустошил личные запасы принца Гуоджи, хоть и знал, что денег для политических игр требуется много, но принц за время дружбы с Вейшенгом привык доверять ему во всех вопросах и не стал возражать.

После запуска системы Фа планировал наглухо закрыть доступ к кристаллу для всех, кроме себя, при помощи специально разработанного массива, так как не хотел, чтобы все труды пошли насмарку из-за какого-нибудь глупца, который

возжелает разбогатеть, продав такой большой кристалл.

Еще один вдох. Кристалл в закатных лучах горел так ярко, словно хотел затмить своим блеском солнце. Вейшенг положил руки на кристалл и слегка подтолкнул его магическим импульсом. От кристалла в разные стороны побежали голубые потоки Ки, видимые лишь при помощи амулета, витиеватые линии, закручивающиеся в сложные гигантские печати, вспыхивали и продолжали гореть.

Вейшенг быстро начертил заранее подготовленный массив и отступил на несколько шагов, чтобы видеть всю картину в целом.

Магическая паутина уже опутала деревню по краям, ее голубоватые языки то и дело выступали наружу, захватывая отдельные точки, намеченные Вейшенгом, затем рисунок начал продвигаться внутрь, постепенно замедляясь, так как чем ближе к центру паутины – особняку семьи Фа, тем более разветвленными и насыщенными становились каскады.

Фа испытывал радость и гордость за проделанную работу, сравнимые с теми чувствами, что охватывали его при виде сына. Малыш Цзихао недавно начал ходить и уже успел набить несколько шишек. Интересно, будет ли эта система оберегать его от подобных мелких ранений?

Вот уже сияла вся деревня, лишь особняк оставался пока темным пятном.

Вейшенг взглянул на кристалл, подпитывающий систему,

и заметил, что он почти не светится. Как так? Он же почти на тысячу Ки превышает расчетный объем! Мужчина вновь посмотрел на особняк. Он знал, что каскады, построенные внутри дома, требуют не менее пятисот единиц Ки.

После секундного замешательства Вейшенг кинулся к кристаллу, в несколько движений уничтожил сдерживающий массив и попытался влить свою Ки. Но было уже поздно...

Вейшенг стоял перед мертвой землей и рыдал. Горько, сухо, страшно. Малыш Цзихао, Киую, папа и мама, учитель со своей семьей, слуги, деревня со всеми жителями и скотом, поля, озеро... Всё было мертво. Высосано досуха.

Трава еще оставалась зеленой, хоть и полегла на землю. Где-то там, в новом просторном особняке, лежало тело жены, наверное, она выглядит так, словно прилегла отдохнуть, румянец еще не сошел с ее пухлых щек... Вейшенгу хотелось еще раз взглянуть на нее, взять на руки крепыша Цзихао и прижать его к груди, но он не мог. Всего несколько шагов, и он останется в мертвом круге навечно. Как и вся его семья.

Мужчина сделал первый шаг, второй, переступил невидимую черту и... ничего не произошло. Он прошел еще немного вперед, топнул и заорал:

– Давай же, ешь меня! Вот моя Ки. Бери же! Ну!

Нервно дернул амулет магического зрения и увидел, что система запущена полностью. Высосанной Ки ей как раз хватило на то, чтобы заполнить до конца оставшиеся каскады. В

свете амулета деревня выглядела особенно жутко: ни малейшего огонька живых существ, только холодно светятся массивы, которым уже некого защищать.

Тогда Вейшенг расхохотался. Он смеялся долго, до хрипоты, до рвоты, до спазмов в животе. А потом замолчал, вытащил нож и медленно провел лезвием по лицу, от правого глаза до левого угла рта. Он не чувствовал боли, не чувствовал крови, заливающей его лицо, шею и грудь.

Последний взгляд на мертвый дом.

Мужчина без имени, без семьи, без лица отвернулся и пошел на восток.